

ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В ЭТОМ НОМЕРЕ:
СЕРДЕЧНО, С ДОБРОЙ УЛЫБКОЙ — заметки о торговле.
УТРО ГОДА — рассказ Вл. Лидина.
СТОРОЖА — рассказ С. Георгиевской.
Женя Н.? Нет, добрый путь тебе, Женя Прядко! Очерк Г. Куликовской.
НОВЫЕ ДЕНЬГИ — репортаж Я. Милецкого.
КАК ЭТО БЫЛО НА КУБЕ — продолжение записок специального корреспондента Генриха Боровика.
В. Кузнецов. КТО ПОБЕДИТ? — размышления об олимпийском Риме.
Лирика Ильи Сельвинского.
64

Уголок земли Зальцбург.

Неповторимы по своей красоте австрийские пейзажи. В древних городах Австрии тесно соседствуют постройки средневековья с ультрасовременными домами.
Фото Б. Иванова.

Одна из улочек Инсбрука — столицы Тироля.

На первой странице обложки: Рекордсмен мира по десятиборью Василий Кузнецов.
Фото Л. Бородулина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 28 (1725)
10 ИЮЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Никита Сергеевич Хрущев беседует с рабочими Венского автомобильного завода.

Улыбающиеся лица, перекатывающийся, как волна, рокот приветствий и — руки, руки, руки! Их тысячи и тысячи. Они машут австрийскими и советскими флажками, бьют ладонью о ладонь, держат плакаты с немецкими и русскими словами: «Здравствуйте, Хрущев!», «Сердечный привет, Никита!». Машины мчатся к Вене с аэродрома Швехат. И снова—руки, руки! Проезжающую советскую делегацию трудовая Вена встречает простым, но глубоко выразительным жестом: в поднятых руках — мастерок стоящего на стене каменщика, гаечный ключ шофера, скромные букетики цветов. Австрийцы словно утратили свойственную им уравновешенность и всю теплоту сердца вкладывают во встречу с посланцем великой дружественной Советской державы.

Невольно вспоминаются минуты, когда в парадном зале венского дворца Бельведер происходила процедура подписания Государственного договора с Австрией. За окнами дворца тогда раздавались приветственные возгласы десятков тысяч венцев, хорошо знавших, что Советский Союз—инициатор этого акта, обеспечившего Австрии мир и нейтралитет. Австрийский народ помнит, что Н. С. Хрущев немало потрудился, чтобы добиться заключения этого договора. Вот почему население Вены горячо приветствует сегодня главу Советского правительства, признанного борца за

АВСТРИЯ РУКОПЛЕЩЕТ ДРУГУ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

1

2

укрепление мира во всем мире, за предотвращение войны.

И так повторяется всюду, где бы ни появился Никита Сергеевич на земле Австрии — гуляет ли он «вне программы» по венскому Рингу, беседует ли с рабочими Венского автозавода или металлургами Линца, заходит ли на дорогах в гостиницы или встречается с крестьянами в австрийских Альпах.

Взглянем поближе на этих людей, заполняющих улицы по пути следования советской делегации, стоящих на откосах дорог, возле гостиниц, где останавливаются советские гости.

Одна домохозяйка говорит нам, что пять с половиной часов выстояла, ожидая прибытия Н. С. Хрущева. Мы видим врача, выбежавшего на тротуар, беседуем с юристом. Все, к кому мы ни обращаемся, с признательностью отзываются о Советском Союзе, как-то особенно тепло произносят имя Н. С. Хрущева.

«Хрущев!», «Фройндшафт!» — несется по толпе...

Неподвижно застыли часовые у памятника советским воинам, отдавшим свои жизни за освобождение Австрии. Казалось, что в этот миг вместе с главой Советского правительства вся Австрия несет цветы к этой братской могиле. В толпе, рядом с инвалидом на коляске,

БУДУЩЕЕ ЗА РАБОЧИМ КЛАССОМ, ЗА

6

3

4

Н а с н и м к а х:

1. Визит Н. С. Хрущева федеральному канцлеру Ю. Раабу.
2. Н. С. Хрущев преподносит в подарок президенту Австрийской Республики д-ру А. Шерфу копию вымпела, доставленного советской ракетой на Луну.
3. Жители Вены тепло встречают Н. С. Хрущева.
4. Сердечной была встреча Н. С. Хрущева с рабочими металлургического комбината «Фёст».
5. Н. С. Хрущев и Н. П. Хрущева в курортном городке Бад-Ишль.
6. У дворца Хофбург во время встречи Н. С. Хрущева с жителями Вены.
7. Возложение венка на могилу советских воинов, замученных гитлеровцами в лагере Маутхаузен.

ЛЮДЬМИ ТРУДА

5

7

Тепло встретили венские автостроители выступление Н. С. Хрущева на заводском митинге.

малыш машет флажком, и стоящие рядом взрослые с лаской смотрят на Хрущева.

— Счастья желает ему наша Вена, ибо за счастье всех детей борется Москва,— говорит убеленный сединами старик, по виду научный работник.— Не международные конгрессы психиатров по борьбе со страхом перед атомным оружием должны проходить на земле, а конгрессы по строительству жилищ, по цветоводству, по освоению энергии океанов... Я не знаю лично вашего премьера Хрущева, но убежден, что он хочет именно этого...

По Дунаю ходят два советских парохода, они возят туристов. Пароходы сделаны здесь, в Австрии, по нашему заказу. На улицах Вены деловито мчатся «Москвичи», во дворе Венского автозавода их сотни, приготовленных к продаже. Огромные австрийские серебристые грузовики-рефрижераторы можно встретить на улицах Москвы. Вот почему рабочие автозавода так живо откликнулись на слова Никиты Сергеевича о советско-австрийской торговле.

— В самой природе рабочего заложена идея созидания, а не разрушения,— сказал Никита Сергеевич.

Надо было видеть, с каким воодушевлением встретили эти слова автостроители Вены!

С напряженным вниманием слушали Никиту Сергеевича Хрущева деловые люди Вены, когда он говорил о тесной связи между мирным сосуществованием государств и развитием международной торговли, торговли без дискриминации и ограничений.

— Торговать с вами мы готовы,— сказал Н. С. Хрущев,— и не только готовы, а все делаем для развития торговли. Вы — деловые люди, поэтому понимаете, что торговля — это не милость и не дар, а взаимовыгодное дело.

...Навсегда остались в памяти народов кровавые преступления гитлеровских палачей, уничтоживших тысячи и тысячи людей в лагерях смерти. Следы этих преступлений хранит и земля Австрии. Посетив территорию бывшего концентрационного лагеря Маутхаузен, Н. С. Хрущев еще раз напомнил о том, что «нельзя допустить повторения ужасов фашизма, нельзя допустить новой еще более опустошительной войны».

Продолжая поездку по стране, встречаясь с рабочими электростанции в Капруне, фермерами Вельса, жителями маленьких городков и многочисленными туристами, глава Советского правительства всюду видел проявления дружеских чувств австрийцев к нашей стране.

Р. Х. ДЖУАНДА — В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Тепло встретил советский народ гостя из далекой дружественной страны — Первого министра Республики Индонезии Р. Х. Джуанда Картавиджайя, прибывшего в Советский Союз по приглашению Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. На улицах Москвы, на Выставке достижений народного хозяйства москвичи узнавали гостя, приветствовали его аплодисментами, сердечными словами.

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и Р. Х. Джуанда обменялись ратификационными грамотами Второго генерального соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Индонезией. Советский Союз будет оказывать помощь Индонезии в строительстве промышленных предприятий и сельскохозяйственных объектов, а также в использовании атомной энергии в мирных целях.

Совершая поездку по нашей стране, Р. Х. Джуанда и сопровождающие его лица побывали в Азербайджане, на Черноморском побережье Кавказа, всюду горячо приветствуемые советскими людьми.

На снимке: Р. Х. Джуанда и А. И. Микоян подписывают документы о советско-индонезийском сотрудничестве.

Фото А. Гостева.

Гарантийный срок?

Инженер Я. СОРИН, председатель Комитета по надежности и контролю качества при Всесоюзном совете научно-технических обществ

В адрес нашего комитета поступают жалобы на низкое качество и ненадежность некоторых приборов, аппаратов, выпускаемых промышленностью.

Рабочий одного из московских заводов Н. Сергеев, сообщая, что недавно купленный им телевизор «Старт» часто портится, спрашивает: «Нормально ли, что в магазине, когда я покупал телевизор, никто не мог мне ничего сказать о его долговечности?» Вопрос несколько неожиданный. Заметьте, не о гарантийном сроке ремонта речь идет. Долговечность, надежность вещи — вот что заинтересовало покупателя.

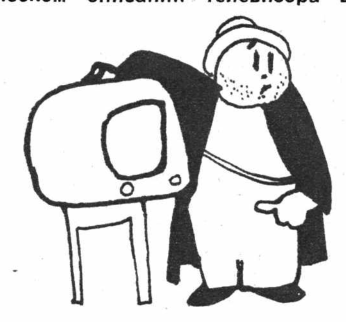
Прежде чем ответить на письмо Н. Сергеева, мы решили сами побывать у тех, кто торгует телевизорами.

В первом же магазине очень охотно и подробно рассказали нам о технических данных всех имеющихся в продаже образцов и даже рассказали о преимуществах новых телевизоров типа «Волна» и «Дружба», которые скоро должны поступить в продажу. Мы узнали, что в этих телевизорах уже применена трубка с углом отклонения луча 110°, это позволяет значительно уменьшить их габариты.

Но когда мы спросили продавца, а каковы же надежность и долговечность работы каждого типа телевизора, он удивленно поднял глаза и обиженно ответил:

— Вот еще чего захотели! Долговечность... надежность... Это вам никто не скажет. Зря беспокоитесь.

Оказывается, ни в одном техническом описании телевизора вы

не встретите данных о его надежности и сроке службы.

Я не поверил своему собеседнику и отправился в другие магазины. Всюду разговаривали со мной охотно, но вопрос, интересовавший меня, оставался без ответа. На меня смотрели с удивлением и даже с сожалением. «Вот чудак! Скажи ему, какова надежность!..» Я подумал: «Может быть, это только с телевизорами такая неясность?»

Поинтересовался магнитофонами, холодильниками, пылесосами, стиральными и швейными машинами, мотороллерами. Картина та же: никаких данных о надежности и долговечности этих машин, аппаратов и приборов ни в одном описании нет.

Нормально ли это? Ведь все упомянутые нами изделия нужны человеку только при одном условии: чтобы их работа была устойчивой и исправной в течение длительного времени. Когда, скажем, речь идет о телевизоре, то все его достоинства: красота отделки, размер экрана, количество принимаемых программ — лишаются всякого смысла, если он неисправен или попросту бездействует. В равной степени это относится и к холодильнику и к мотороллеру. А ведь количество таких вещей в нашем быту растет из года в год.

Только в послевоенную пору советскими людьми было приобретено свыше 25 миллионов радиоприемников. Количество же телевизоров выросло с 450 тысяч до 5 миллионов. К 1965 году у нас каждый десятый человек будет иметь телевизор.

Сейчас наша промышленность выпускает сто типов различных бытовых электрических машин и приборов. Все больше производится легковых автомобилей, мотороллеров, велосипедов. Постепенно многие предметы, считавшиеся раньше роскошью, становятся необходимыми предметами быта советской семьи. И вот оказывается, что такой, я бы сказал, решающий показатель качества вещей, как их надежность, остается для покупателя неизвестным.

Может быть, виноваты в этом деятели торговли: не удосужились полюбопытствовать, не потребовали такие данные? Нет. Дело в том, что частенько сами заводы не знают степени надежности и долговечности выпускаемых ими изделий.

Поскольку наша «разведка» началась с телевизоров, мы обратились за разъяснением в Государственный комитет Совета Министров СССР по радиоэлектронике. На наш вопрос, почему среди других показателей качества телевизоров не указывается самый важный — надежность, нам ответили следующим образом: это невозможно сделать, так как у заводов нет еще необходимых сведений.

Вернее, так: промышленность и не собирала данные о дефектах в работе телевизоров, холодильников и других изделий. Что касается телевизоров, то этим между делом занимался Госрадиотрест Министерства связи СССР, но сейчас трест ликвидирован. Теперь уже никто таких исследований не ведет. Может, именно поэтому до настоящего времени нет даже государственного стандарта на телевизоры.

— Но,— успокоили нас,— такой стандарт разрабатывается и, вероятно, будет представлен на утверждение через год — два.

Ну что ж, как говорится, дай бог, пора бы уж: телевизоры-то лет двадцать как выпускают. И я обрадованно спросил:

— Надеюсь, в стандарте про надежность не забудут?

Последовало неловкое молчание. По выражению лица собеседника я понял, что и на сей раз такой показатель, как надежность телевизора, деликатно обошли стороной.

— Да видите ли... В общем, не предполагается включать.

В чем же тут дело? Забывчивость, рассеянность, нерасторопность? Нет, не в этом дело. Думается, что сейчас, когда партия так остро ставит вопрос о качестве всего, что поступает в продажу с высокой маркой советского предприятия, следует во весь голос сказать: почему заводы порой уклоняются от того, чтобы в паспорте выпущенного изделия указать, сколь надежна данная вещь? Мы глубоко убеждены, что единственная причина тут — боязнь ответственности перед государством и покупателями за правильность этих показателей.

Вместо того, чтобы гарантировать надежность работы, скажем, телевизора, гарантируют бесплатный его ремонт в течение установленного и, я бы сказал, ограниченного срока. Я слышу голоса оппонентов: а разве это не одно и то же, разве вторая гарантия не заменяет первую? Нет! Гарантийный ремонт — это своеобразная ширма, за которой...

Впрочем, об этом следует поговорить подробнее.

Что представляет собой система гарантийного ремонта?

Покупая телевизор, холодильник или пылесос, мы искренне убеждены, что будем пользоваться им по крайней мере несколько лет. Из этого, несомненно, должен исходить и завод. Но гарантия бесплатного ремонта дается всего на 6 месяцев, то есть, по существу, на 10—15 процентов того срока, в течение которого, очевидно, вещь должна служить. Как правило, эти 6 месяцев установлены почти для всех промышленных изделий безотносительно к их цене: для заводной механической бритвы «Спутник» и телевизора «Рубин», стоящего в 20 раз дороже, и автомобиля «Москвич», стоимость которого превышает цену бритвы почти в 200 раз. Попробуем на примере той же бритвы «Спутник» подсчитать, сколько часов работы гарантируется этим шестимесячным сроком. Известно, что такого рода приборы являются предметами индивидуального пользования. Если исходить из того, что вы бреетесь ежедневно и тратите на это 5 минут, то за 6 месяцев бритва фактически будет работать всего 15 часов. Итак, по существу, завод вам гарантирует 15 часов работы прибора, который фактически может служить безотказно сотни часов.

Зачем же, спрашивается, так принижать честь своей заводской марки?

Гарантийный ремонт дорого обходится государству и населению. Для ремонта одних только телевизоров создано более 100 специальных ателье Министерства связи. Завод переводит им при выпуске каждого телевизора по 80 рублей — это расходы на гарантийный ремонт. В текущем году предполагается выпустить до 2 миллионов телевизоров. Значит, расходы по их гарантийному ремонту превысят 150 миллионов рублей, и это только на один год!

Не меньших затрат потребует ремонт и других предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения. Счет пойдет уже на многие и многие миллиарды рублей.

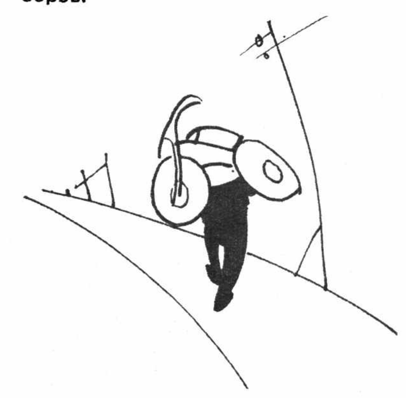
Но может быть, эти расходы оправдываются тем, что они обеспечивают реальное повышение надежности и долговечности выпускаемых изделий? Отнюдь нет. Более того, система гарантийного ремонта не побуждает завод добиваться повышения надежности, долговечности производимых машин.

Предприятие уже не отвечает за состояние и ремонт выпущенных им телевизоров. Оно уже перевело свои 80 рублей на каждый экземпляр, и теперь завод, если не считать моральной стороны дела, не беспокоят возмущенные жалобы покупателей. Он не несет материальной ответственности за низкое качество своих изделий, ему все равно, будут ли поступать в ремонт 10 или 90 процентов выпущенных им телевизоров, будут ли в гарантийный срок ремонтировать каждый телевизор один раз или десять: 80 рублей уже внесены. И никто не может потребовать от завода строгого ответа за ненадежность телевизора: нет такой графы в производственном плане, нет такого показателя в паспорте, вручаемом покупателю. Значит, как говорится, и взятки гладки. И спрашивать нечего. Теперь понятно, почему наша радиотехническая промышленность, имея уже двадцатилетний опыт производства телевизоров, как нам сообщили, «не располагает необходимыми данными для установления такого показателя, как надежность аппарата». К чему он, этот показатель? Без него спокойнее... а то установи его да потом отвечай за выполнение... Не будет ли более правильным все те большие средства, которые расходуют на гарантийный ремонт, использовать в промышленности для повышения реальной надежности выпускаемых изделий? Думается, что этих средств вполне хватило бы.

Не пора ли поставить вопрос так: в производственном плане среди других показателей обязательно должен быть и коэффициент надежности (способности машины, аппарата, прибора безотказно работать в течение определенного времени в заданных условиях эксплуатации). К разработке этих коэффициентов надо привлечь инженеров, ученых, серьезно наладить статистику всех обнаруживаемых дефектов. Покупатель должен знать меру надежности, долговечности, точности работы приобретенных им телевизора или пылесоса.

Выступая на пятой сессии Верховного Совета СССР, Н. С. Хрущев говорил: «Об изделиях советской промышленности должна быть хорошая слава. Давайте поднимем на щит тех, кто дает продукцию отличного качества, и усилим борьбу против бракоделов, против тех, кто небрежно, без любви к делу выпускает изделия, которые приносят не радость, а огорчение советским людям».

Приносить советским людям радость, а не огорчение могут лишь надежно и долговечно работающие телевизоры, холодильники, пылесосы, стиральные машины — все те вещи, которые вошли в наш быт. Нужен не гарантийный ремонт, а гарантия высокой надежности и долговечности приобретаемых нами машин, аппаратов, приборов.

Рисунки Б. Жутовского.

Нет, надежность!

ТРИ ЦВЕТА АФРИКИ

ЧЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ ОБРЕТАЕТ СВОБОДУ

Народы Африки, которые десятилетиями вели борьбу с колонизаторами, один за другим добиваются независимости.

Взгляните на карту. Подобная карта была напечатана в «Огоньке» всего два месяца назад. Но сейчас она устарела. На африканском континенте начали свое существование новые независимые государства.

27 апреля к семье этих государств прибавилась Республика Того.

20 июня была торжественно провозглашена независимость Федерации Мали. 6 миллионов человек, составлявших население двух бывших французских колоний — Сенегала и «французского» Судана,— стали гражданами независимой страны.

26 июня перестала существовать французская колония Мадагаскар. Превышающий по площади Францию остров с пятимиллионным населением стал независимой Мальгашской республикой.

30 июня исчезла с карты бельгийская колония Конго. 14 миллионов конголезцев в упорной, часто кровавой борьбе с колонизаторами добились независимости для своей страны.

26 июня и 1 июля — даты рождения единого независимого государства — Сомалийской Республики, объединившей в себе две части этой страны: бывший «британский» протекторат и подопечную «итальянскую» территорию.

Еще двадцать семь миллионов африканцев открыли новую страницу в своей истории. Нет сомнения в том, что жизнь продолжит список дат, знаменующих победы африканских борцов за независимость и безудержный развал обреченной системы колониализма.

Н. С. Хрущев в приветствии Конференции независимых государств Африки писал:

«Растет семья свободных государств Африки. Крепнет и закаляется единство и солидарность африканских народов — это важное условие для достижения дальнейших успехов в их общей борьбе за свое будущее, за свободу и независимость, за мир».

История подтверждает выраженную Н. С. Хрущевым уверенность, что **«неудержимо близится день, когда весь великий африканский континент станет свободным».**

Б. КАРТАШЕВ

Выставку осеняют знамена независимых африканских государств. Большинство знамен трех цветов: зеленого, желтого и красного. Зеленый означает плодородие, желтый — богатство, красный — борьбу.

Когда стало известно, что в Москве организуется выставка, посвященная народам Африки, в ней пожелали принять участие сами африканцы. Люди самых различных положений, от дипломатов до студентов, предлагали свои услуги. Так под некоторыми экспонатами появились подписи: «Любезно предоставлено посольством Марокко в СССР», «Подарки суданского кружка друзей СССР» или просто — «От гвинейских друзей». Африканцы участвовали и в размещении экспонатов.

Пусть «сверхплановых» экспонатов оказалось немного по сравнению с тем, что взято из богатых коллекций Ленинградского музея антропологии и этнографии, но они свидетельствовали о дружбе и уважении, которые питают африканцы к советским людям, о большом желании содействовать сближению Африки и Советского Союза.

Доктор Конте, посол Гвинейской Республики в СССР, посетивший выставку, превратился из зрителя в экскурсовода. Он охотно рассказывал посетителям о жизни и труде гвинейского народа. В книге отзывов он написал, что «выставка показывает огромные усилия, которые прилагает советский народ для того, чтобы понять народы и цивилизацию Африки».

Колонизаторы отказывали африканцам даже в истории. Они утверждали, что у африканцев нет прошлого, во всяком случае, у тех, кто жил «южнее Сахары». Выставка послужила опровержением этого вымысла. Тысячами нитей многовековая культура Северной Африки связана с цивилизацией бассейнов Нигера и Конго. Ее пути лежали через пещеры Тассили, Ахаггара и Феццана: на изумительных наскальных рисунках этих сахарских пещер изображены люди негроидного типа. Как напоминание о богатом прошлом именно Черной Африки посетитель видит бронзовые головы царей средневекового Бенина — африканского государства на побережье Гвинейского залива, разрушенного и разграбленного англичанами в 1897 году. Рядом с головами бронзовые рельефы, украшавшие стены царских дворцов, изображения воинов, купцов, придворных.

Многие коллекции памятников африканской культуры составлены руками русских путешественников. Связи африканцев и русских родились не вчера. Еще в XV веке побывал в Африке наш соотечественник Афанасий Никитин, который, плывя из Индии, «в той же земли Ефиопьской бых 5 дни».

Подавляющее большинство русских путешественников питало симпатию к африканцам и негодование к их поработителям. «Некоторые европейцы думают еще и так, что если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувствами. Такое ложное мнение происходит от неведения их законов правления и обычаев»,— писал М. Г. Коковцов, посетивший Северную Африку в семидесятых годах XVIII века.

Известный русский исследователь Восточной Африки Е. П. Ковалевский писал в своем труде, изданном в Петербурге в 1849 году: «Я старался опровергнуть все нелепые мнения об этой огромной ветви человеческого рода, о которой еще недавно толковали, что она составляет переход от человека к животному, и доказать физиологически, что устройство тела и мозга у негров таково же, как у белого».

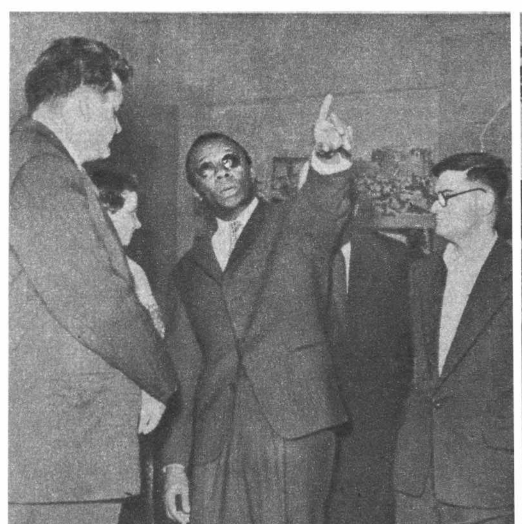
В зале, посвященном Восточной Африке, внушительное место отведено эфиопским экспонатам. Обращают на себя внимание картины эфиопских художников, привезенные доктором Кохановским, врачом русского госпиталя в Аддис-Абебе. На одной из картин изображен и сам Кохановский, едущий верхом в сопровождении двух ашкеров-солдат. Очень красочно показана знаменитая битва при Адуа 1896 года, в которой эфиопская армия наголову разбила итальянских интервентов.

В 70—80-х годах прошлого века русский путешественник В. В. Юнкер совершил две экспедиции в Южный Судан, Уганду, области расселения племен ньям-ньям и мангбатту. 341 предмет насчитывала его коллекция, переданная им Академии наук. На выставке представлены музыкальные инструменты — арфы, трещотки, барабаны и рога, подаренные путешественнику племенем азанде.

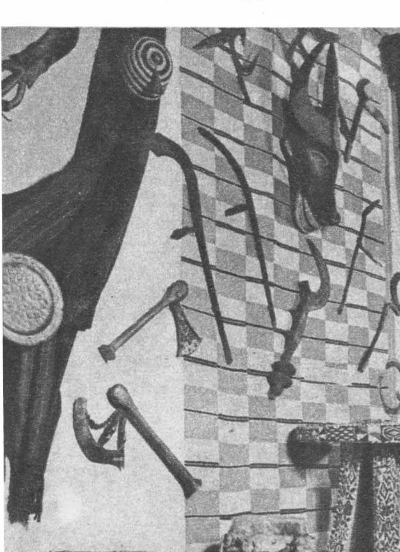
Чтя свое прошлое, африканцы сейчас больше, чем когда бы то ни было, думают о своем настоящем и будущем. Рядом со священным нильским островом Филе с его древним храмом Изиды сейчас воздвигается высотная Асуанская плотина.

Многочисленные фотографии показывают становление новой, индустриальной Африки: сооружение гидроэлектростанции на реке Аваш в Эфиопии, нефтеперегонный завод и прокладку мелиоративного канала в ОАР, технологический колледж в Гане, химические лаборатории аддис-абебского университета.

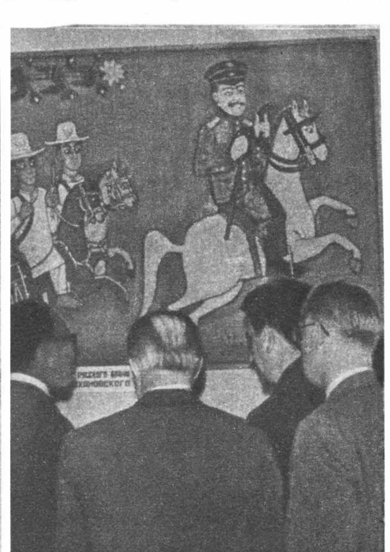
Старое на выставке соседствует с новым. То, что отживает, уходит, но остаются прочные национальные традиции свободолюбивых африканских народов, ныне с энтузиазмом строящих новую жизнь.

Доктор Конте превратился в гида...

Старинные метательные орудия конголезцев и суданцев.

Среди картин из Эфиопии — портрет русского врача Кохановского.

Школа стенографии в Гвинее.

Хорошо ли вас обслуживают?

КОГДА ПРИХОДИТ ПОКУПАТЕЛЬ...

П. ЛУКЬЯНОВ,
секретарь Воронежского обкома КПСС

Хочется отметить отрадное явление: у наших партийных работников больше, чем когда бы то ни было, проявляется вкус ко всему тому, что связано с обслуживанием человека. И это естественно — таково требование времени: строим общество, где каждый будет трудиться по способностям, а получать по потребностям. Курс партия взяла решительный: создавая материально-техническую базу коммунизма, неуклонно повышать жизненный уровень трудящихся.

Предметом постоянной заботы горкома, райкома партии стала торговля. Сводка о выполнении предприятиями производственных планов ложится рядом с другой: сколько товаров продано в магазинах за день, сколько завезено в город молока. Ни при каких условиях не должно быть перебоев!

Особенно много сделано за последние два-три года, и главным образом в районах бурно растущего города. К началу нынешнего года в Воронеже уже насчитывалось 540 магазинов (из них более половины специализированных), свыше 490 столовых, чайных, закусочных и буфетов. О темпах роста можно судить по таким цифрам: в прошлом году у нас появилось 75 новых предприятий общественного питания. В нынешнем — еще 15, а до конца года к ним прибавится около 80.

Но рост торговой сети — это только одна сторона дела. Важнее то, что в магазинах стало значительно больше товаров, улучшилось их качество. За минувшие два года продажа колбасы, птицы, рыбы, сыра, мяса, сахара, кондитерских изделий значительно увеличилась: от 15 до 60 процентов; продажа сухих вин — на 20 процентов. Зато продажа водки уменьшилась — факт отрадный.

Некоторое оживление в наших торговых делах следует отнести и на счет местной инициативы. Мы наметили резко увеличить торговлю культтоварами, но база Роскульторга еще не располагала необходимыми складами. Как быть? Легче всего, сославшись на «объективные причины», отказаться от своих планов. Но работники базы нашли выход из трудного положения: решили трудиться в две смены. И вот уже товары без перебоев принимаются на складе, отправляются в магазины. Товарооборот увеличился в четыре раза!

Труженики сельского хозяйства Воронежской области в минувшем году значительно перевыполнили государственный план закупок мяса, молока и других продуктов. В выигрыше оказались и горожане: часть продуктов пошла в наши магазины — они дополнительно получили 13,3 тысячи тонн мяса и 31,5 тысячи тонн молока. Но работники торговли пустили в ход и такой резерв: за год удалось откормить свыше 13 тысяч голов свиней. Смотришь — и на прилавках появилось больше продовольственных товаров!

Хочешь, чтобы в магазине всего было вдоволь, помоги товарищу, который занят стройкой ферм, свинарников, теплиц,— так мы поставили вопрос перед коллективами фабрик и заводов. И вот результат: в прошлом году за три месяца в Воронеже было построено 25 тысяч квадратных метров теплиц! Трудились охотно, ибо знали: будут круглый год свежие огурцы, помидоры, зеленый лук, редис.

Внесла свой вклад и потребкооперация. Под Воронежем на озере организовали подводное хранение овощей: под воду закладываются бочки с солеными огурцами, помидорами, капустой. Что это дает? Во-первых, не нужно строить специальных хранилищ; во-вторых, под водой овощи сохраняются гораздо дольше — до апреля — мая; в-третьих, такие овощи гораздо вкуснее.

Не удивительно, что в наших магазинах часто спрашивают продавцов: «Какие у вас овощи — подводного хранения или обыкновенные?» И «подводников» берут гораздо охотнее!

У нас и магазины отличаются «лица необщим выраженьем». Мы стараемся оборудовать их так, чтобы один не был похож на другой. И приезжий человек сразу обратит внимание на эту особенность. Загляните в наш «Утюжок» — он вам хорошо запомнится. «Утюжком» воронежцы называют Дом торговли. Он похож на утюг. Это здание выросло недавно, выросло на месте руин, оставшихся после войны. Теперь здесь прекрасно оборудованный «Гастроном» с 25-метровой полукруглой линией стеклянных витрин-холодильников. Выше, на втором этаже — промтоварный магазин. Над ним большое ателье (200 мастериц), которое выполняет заказы тех, кто купил полуфабрикаты этажом ниже. В мае в Доме торговли открылось вместительное, уютное кафе. На очереди ресторан.

Торговля в Воронеже и районах области быстро растет. Если два года назад товарооборот составил пять с половиной миллиардов рублей, то в нынешнем году он превысит семь миллиардов.

Кстати, о товарообороте. Это, конечно, важный показатель. Но не единственный. Иногда бывает так: план выполнен, но магазин нельзя считать образцовым: продавцы грубят, качество товаров низкое, о чистоте приходится только мечтать, а посмотришь в книгу жалоб — какая печальная картина! Сколько там справедливых замечаний покупателей!

Перед всеми, кто занят в торговле, и в первую очередь перед коммунистами, вопрос был поставлен так: вы должны будить у людей тревогу не только за выполнение плана товарооборота, но и за культуру вашего труда: вежливость, внимание к покупателю, чистоту — все то, что объединяется одним понятием: хорошее обслуживание.

Об этом хочется сказать подробнее. Обком, горком и райкомы партии уделяют много внимания быту советского человека. В Воронеже уже давно стали доставлять на дом молоко, хлеб и некоторые другие продукты. Большое одобрение получила продажа в магазинах и столовых полуфабрикатов.

Пошивочные ателье теперь принимают заказы не только у себя в мастерской, но еще и в десяти промтоварных магазинах. Из некоторых ателье мастера выезжают в определенные дни непосредственно на предприятия.

В столовых все шире практикуют отпуск обедов на дом. А, например, столовая завода «Электросигнал» по субботам открыла выставку-продажу полуфабрикатов и кондитерских изделий.

Среди женщин нашего города пользуется популярностью магазин «Женская одежда». Его возглавляет коммунистка А. В. Савина. Тут открытая выкладка товаров, наряду с готовой одеждой — полуфабрикаты. Понравится вам полуфабрикат — в магазине снимут с вас мерку, и через четыре дня платье, пальто или костюм будут готовы. Если не удалось подобрать нужный размер, возьмут адрес и потом известят открыткой: заходите получить костюм нужного вам размера. В книге жалоб и предложений можно прочитать такие записи: «Меня очень тронуло любезное, милое обращение продавцов»,— это пишет москвич Серадзенко. «Обновка, приобретенная у таких людей, нравится еще больше»,— пишет жительница Воронежа Ковалева. Звание коллектива коммунистического труда — вот чем отмечены успехи этого магазина.

Высокого этого звания добиваются ныне многие наши торговые работники. А тон задает молодежь.

О ней особый разговор. В прошлом году после окончания десятилетки в магазины пришло более 800 молодых людей. В этом году к ним присоединится еще тысяча выпускников средних школ.

Молодые товарищи внесли в торговлю свежую струю. Когда в продовольственном магазине № 29, возглавляемом Ф. Шестопаловым (в сущности, он тоже молод и заочно учится в торговом институте), за дело взялась молодежь, магазин коренным образом перестроил свою работу и вышел в число передовых. Потом Ф. Шестопалов перешел в отстающий магазин, который по его просьбе тоже был укомплектован молодежью. Результат не замедлил сказаться: товарооборот за год вырос с 14 миллионов рублей до 22 миллионов. А главное — значительно улучшилась культура обслуживания.

Когда в магазины, столовые пришло много юношей и девушек, мы серьезно призадумались над тем, как бы нам сразу, с первых же дней оградить их от «родимых пятен», от дурного влияния не очень добросовестных «деятелей прилавка».

Серьезные задачи в этой связи встали перед нашими партийными организациями и пропагандистами. Дело в том, что до сих пор бытует такое мнение: ах, это продавец — значит, человек нечестный, он обязательно обсчитывает, обвешивает, обманывает покупателей. Конечно, такие, к сожалению, встречаются. Но их единицы, а основная масса — это люди честные, любящие свое дело, прилагающие большие усилия к тому, чтобы улучшить торговлю.

Но и сами торговые работники не всегда правильно оценивают свою профессию. Иные из них считают, что обслуживать покупателей магазинов, посетителей столовых — значит унижаться. Лакейская-де, мол, это должность. Какое глубокое заблуждение! Рассуждают так: продавец, мол, не приказчик старого пошиба и рассыпаться перед покупателем не обязан. Это верно. И не рассыпайтесь, не заискивайте — советский человек того и не требует. Но будьте вежливы, любезны, внимательны, помните, что от вашей улыбки зависит настроение людей.

Разговоры на эти темы ведутся жаркие, острые, прямые, иногда нелицеприятные. И вот здесь-то многое зависит от того, как пропагандист, агитатор, партийный руководитель сумеет воспитать у продавца, официанта, завмага, портного ателье чувство гордости за свою профессию. Разве не почетен труд человека, призванного делать жизнь своих сограждан лучше, удобней, красивей! Вот мы и стараемся воспитать такое чувство гордости за свою профессию.

Мы резко критикуем нерадивых, разбираем отдельные проступки на товарищеских судах, но в то же время всемерно поддерживаем, поднимаем, как говорится, на щит лучших, тех, кто трудится честно, с душой, с инициативой. Стараемся сделать так, чтобы они в Воронеже были бы столь же популярны, как и лучшие люди заводов, колхозов. О них пишут газеты, рассказывают специальные плакаты, фотогазеты. Это очень хорошо. Надо отказаться от устаревших взглядов на профессию продавца, официанта, как на людей второго сорта. Нужно, чтобы люди поняли: торговля — это очень важно. И особенно сейчас.

...Снимок — в детских яслях — нам прислали из Берлина. Хорошие сны видятся этому малышу. Он не знает, что такое горе и беды. Старшие, взрослые люди всегда позаботятся о его покое.

Фото ФИБИГ.

Такие комнаты предназначены для семейных.

Пушкино, Подмосковье. Светло, просторно в холлах санатория.
Фото А. НОВИКОВА.

Кабинет ионизации.

Уют создает современная удобная мебель.

Куда девался гриб? Опубликованный под таким заголовком очерк Василия Титова («Огонек» № 50 за 1959 год) вызвал много откликов читателей.

В самом деле, почему в магазинах редко увидишь грибы? В лесах-то они есть!

Об этом и ведет разговор читатель.

КУДА ДЕВАЛСЯ ГРИБ?

ЧИТАТЕЛИ РАЗГОВАРИВАЮТ С ЦЕНТРОСОЮЗОМ И ЗАГОТОВИТЕЛЯМИ

Сколько добра пропадает

Прочла я в «Огоньке» очерк Василия Титова «Куда девался гриб?» и хочу сказать то же, что сказано в очерке: никуда гриб не девался. Я живу в селе Большая Мурта, в 110 километрах от Красноярска по тракту Красноярск — Енисейск. Летом минувшего года у нас был необыкновенный урожай грибов. Начиная с первого появления маслят в августе и до начала заморозков в конце сентября грибы росли, как в сказке. Никаких сельскохозяйственных работ, вроде копки картошки, в августе у нас не было. Все население нашего села от мала до велика принялось заготовлять грибы для себя. Белые грибы — боровики, семействами по 17—20 штук в каждом гнезде, плотные, здоровые, толстые,— росли повсюду и просились в корзину. Но по укоренившемуся издавна заблуждению некоторые сибиряки этот гриб не берут, считают его поганкой. Никто это недоразумение у нас до сих пор не рассеял. У нас берут груздь. И они были везде, даже на холмах в сосновом лесу, по недавним гарям, и такими семьями, что невозможно их было не брать, хотя девать нам их уже некуда было.

Таких грибных мест по Сибири много. И, конечно, только бесталанная организация дела Центросоюзом оставляет наши города без грибов. А ведь лишь одна Большая Мурта могла бы дать тысячу бочек грибов. А если эту тысячу умножить хотя бы на число сел в нашем районе, то это будет не один вагон грибов, а целый эшелон!

Ходишь по лесу, и каждый год досада берет: сколько добра пропадает! Правда, были вначале и у нас заготовители, но какие это заготовители! «Заготконтора» выделила из своих штатов какого-то засольщика. Сам он гриб не засаливал. Объявил, что принимать гриб будет уже соленый. Конечно, для населения это труднее. Надо искать бочки, подводы, чтобы отвезти гриб в «Заготконтору». И под конец смяли у нас всю заготовку гриба задолго до конца сезона. Принимали только грузди, все остальное браковали. А вот если бы «Заготконтора» организовала засолку, сушку, маринование грибов прямо в селах, принимала бы их прямо из лесу и обрабатывала их по всем правилам сама,— можно бы накормить целый город.

Да вот не справляются заготовители с такой работой, хотя хитрого в ней не так уж много. Что удивляет больше всего, это то, что в нужный момент у «Заготконторы» всегда не случается ни людей, ни тары, ни транспорта. То же происходит и с ягодами. В Сибири ягоды собирают ведрами. Только для себя и заготовляет их население. А куда их девать?

А. ИКОННИКОВА

Красноярский край,
село Большая Мурта.

В большом сосновом бору...

В тридцати пяти километрах от Москвы, недалеко от города Пушкино, в большом сосновом бору, вновь, после значительной реконструкции, открылся санаторий общего типа.

Здесь созданы все условия для отдыха и лечения. Прекрасные комнаты на одного и на двух человек обставлены мебелью лучших современных образцов. В отделке комнат и залов строители применили новые синтетические материалы, микрофанеру, цветной цемент. Все это придало санаторию особенно нарядный вид. Есть тут зимний сад, бильярдная на три стола, комнаты настольных игр, библиотека с читальным залом, кинозал с широкоэкранной установкой, залы танцевальный, для просмотра телевизионных передач. Новейшим медицинским оборудованием оснащена поликлиника. Санаторий имеет водолечебницу, где можно делать подводный массаж, принимать радоновые, хвойные, жемчужные и углекислые ванны. Открыто много лечебных кабинетов: физиотерапии, кислородолечения, ионизации, ингаляторий, стоматологический.

К услугам больных и отдыхающих спортивные сооружения, пруд с лодочной станцией, терренкур и чудесный сосновый бор.

С. ГУДКОВ

Профессия неслыханная

Я живу в Курганской области, в селе Введенка. Через всю Курганскую область проходит у нас тайга и уходит в Тюменскую область. И каждый год весь гриб остается в тайге. Разве мы знаем, где находятся у нас гриповарки, куда сдавать гриб? Для себя грибы собираем. Но только сухой груздь для соления и белые для сушки, и то понемногу. Прошлым летом для себя я набрал сухого груздя 15 ведер, посолил. И белых грибов набрал 3 ведра, посушил. Мог бы набрать много больше. Но куда мне их девать? Семья маленькая, есть особенно-то и некому. Пошел бы к грибоварам, сдал бы им. Но в наших местах грибовар — профессия неслыханная.

То же и о самих грибах: маслята, сыроежки, волнушки, лисички и многие другие грибы у нас не берут, их ногами топчут. А опята у нас считают поганками. И главное, никто не растолкует, что это — богатство. А ведь наши Курганская и Тюменская области могли бы завалить Москву грибами.

Не талантливо работает Центросоюз. Оттого у него и заготовители на местах такие. У нас о заготовителях совсем не слыхать.

В. АРТЕМЬЕВ

Курганская область,
село Введенка.

О кадках и планах

Прочитала в вашем журнале про грибы, и меня поразило: оказывается, и в других лесных областях, как и у нас на Урале, люди живут без грибов, ягод и орехов.

Урал богат грибами разных сортов. Кедровый орех имеется в Тавдинском районе, там же клюква, черника, брусника. Янычково озеро богато рыбой, вокруг него ягода. Но беда в том, что нет у нас заготовителей. Минувшим летом я жила в Верхнем Тагиле. Это три часа езды на электричке от Свердловска. Но ни одна организация не заглянула сюда, чтобы заготовить гриб, малину, кедровый орех. А всего этого в лесу было много. Но даже для себя заготовить грибы невозможно: нет кадок. В продаже были глиняные квашонки, но такие дрянные, что я сама из-за них испортила 4 ведра грибов: квашонки размокли, и весь рассол из них вытек. Населению у нас продают кадки из-под сельдей. Чтобы посолить в них грибы, их нужно год выпаривать. И все-таки гриб будет уже не тот! Зимой нигде в Свердловской области не найдешь в продаже грибов. Однажды я решила свезти в Свердловск на рынок грибы своего засола. Но врач Шарташского рынка не разрешила мне продавать их. Почему? Оказывается, по какому-то правилу нельзя солить грибы трех видов в одной посуде. А у меня было именно так. Спрашиваю: «Почему нельзя?». Ответ: «Можно отравиться».

Может, это и не перестраховка, но тогда организуйте заготовку грибов по всем правилам, создавайте пункты, пусть соление, маринование ведут специалисты! А ни специалистов, ни пунктов у нас нет. Чего же ждет Центросоюз? Гриб сам не придет к нему в бочку. Сколько ни планируй его на бумаге, а прежде всего грибу надо поклоняться. И с толком, с умом. Предложение одно: Центросоюзу надо организовать на местах хорошие заготпункты.

А. КУЗЬМИНА

В. Тагил.
Свердловской области.

Есть и у нас в Ялте

Я живу на Южном берегу Крыма, в Ялте. Казалось бы, место далеко не грибное. На Южный берег Крыма принято смотреть как на место курортное и виноградное. А между тем гриб есть и в Ялте. Его тают леса, опоясывающие весь Южный берег. В прошлом году в течение почти всего октября в лесах было много рыжиков. На базаре их целые вороха. И продавали их такие же старушки и старички, о которых пишет «Огонек». На базаре лежали грудами и подосиновики, и грузди, и белые, и маслята, и лисички, и опенки, и другие грибы.

Все это изумляло приезжих. Им казалось странным, что в южном приморском городе продаются дары северных лесов. Грибы охотно раскупали и приезжие и местные жители. Но странно: не было грибов ни в столовых, ни в ресторанах. Не было их в меню санаториев и домов отдыха.

Кто же так ловко управляется с «заготовкой» грибов в Ялте? Руководители местной потребкооперации! Председатель Ялтинского райпотребсоюза тов. Новомлинченко заготовку дикорастущих не только отбросил в сторону, «как не главное», а вообще о них не думает.

Н. БЕЛОЗЕРОВ,
инспектор-экономист
Ялтинского горфинотдела

ЧТО СООБЩАЕТ ТОВАРИЩ СИДОРОВ

В очерке «Куда девался гриб?» правильно указывается на недостатки в заготовительной работе потребкооперации, и в частности по закупкам грибов, сообщает Н. Сидоров, заместитель председателя правления Центросоюза.

Правление Центросоюза предложило республиканским потребсоюзам расширить в 1960 году сеть гриповарочных пунктов и увеличить выпуск передвижных гриповарочных агрегатов, сконструированных в 1959 году Скидельским комбинатом Белкоопсоюза. Предложено провести семинар с работниками потребсоюзов Урала и Сибири по переработке губчатых грибов.

Предусматривается привлечение колхозов и сельского населения к заготовке грибов.

* * *

Грибной сезон уже начался. Ряд мер, предпринимаемых Центросоюзом, вероятно, даст свои плоды. И тем не менее есть основания для опасений: не повторятся ли ошибки прошлых лет?

На вопрос «Куда девался гриб?» читатели отвечают коротко: никуда он не девался, в лесу по-прежнему стоит. А на стол не попадает из-за неповоротливости работников потребкооперации, заготовителей. Много претензий к ним у читателей.

Расширится ли «грибная география» Центросоюза? Будут ли брать гриб на Дальнем Востоке, на Кавказе, в центральных областях страны? Может быть, по-прежнему заготовку белого гриба потребкооперация поведет только в Могилевской области? Кстати заметим, что на очерк «Куда девался гриб?» откликнулся и Калужский облпромсовет. Нам сообщают, что Калужский облисполком утвердил местным организациям план заготовки грибов на 1960 год в количестве... пяти тонн. Значит ли это, что Центросоюз согласен с таким заниженным планом калужских заготовителей, и станет ли он возражать, если и в других лесных областях центральной части Российской Федерации будут такие же мизерные планы? Читателей заботит также вопрос, правильно ли понимают заготовители свои задачи, когда дело доходит до заготовки дикорастущих. Будут ли созданы в нужном количестве засолочные, гриповарные пункты и пункты сушки? Будут ли они обеспечены тарой, специями, транспортом, наконец, достаточными для производства работ денежными средствами? Хорош передвижной гриповарочный агрегат, сконструированный Скидельским комбинатом Белкоопсоюза, слов нет. Но даст ли Центросоюз в этом году достаточное количество таких агрегатов? Не нужно ли ориентировать заготовителей на более простые способы варки грибов? Например, Судогодский потребсоюз под Владимиром обходится без сложных агрегатов, а дело у него идет неплохо. А как с сушкой гриба и ягод? Неужели будем ждать и для этой цели нового агрегата?

Читатели справедливо требуют от Центросоюза, от заготовителей:

— Не должны пропадать чудесные дары наших лесов. Нужно, чтобы гриб круглый год и в достатке был на столе у советских людей.

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Утро года

На рассвете март выполняет свою городскую работу. Он обводит стекла окон домов синей краской, еще густой, но она все-таки уже неопределенна, размывчата: недаром март называют утром года. За окном студено, зима; градусник показывает десять градусов мороза, и на карнизе окна белеет выпавший ночью снег. В этот час город уже пробуждается. Это видно по желтым четырехугольникам окон в соседних домах; и по тому, как то в одном, то в другом окне зажигается свет, понимаешь, что спавший в комнате проснулся, и тогда кажется — слышишь, как заверещал разбудивший его будильник...

Я хорошо знаю дома, которые видны из окна моей комнаты. Если бы я был художником, то давно написал бы картину «Вид из моего окна», и для меня это был бы не только городской пейзаж, но и своего рода описание судеб целого ряда людей, которых я знаю уже не одно десятилетие. Меня всегда волнует, когда художник изображает вид из окна своей мастерской: ведь это то, с чем он сжился, что наблюдал много лет и что, будучи частью огромного мира вокруг, стало в то же время и частью внутреннего мира художника.

Еще недавно в большом доме напротив моего окна почти одновременно зажигались в седьмом часу утра все окна: дом был построен одним из министерств, в доме жили служащие министерства и рабочие подведомственного ему завода, и дверь подъезда не успевала закрываться, пропуская в одну и ту же пору целое шествие людей. Но сейчас, когда подойдешь рано к окну, то увидишь, что не все окна знакомого дома освещены, многие окна темны: значит, люди за ними спят, и это говорит о ходе времени. Это говорит о том, что не один обитатель дома успел за эти годы состариться, ушел на пенсию и теперь можно поспать подольше. Удивительно, как по окнам знакомых домов познаешь ход времени, которое зажигает огни, или не спешит их зажечь, или вдруг гасит совсем, и вскоре зажигается новая лампа под иным абажуром: это значит, что на месте прежнего обитателя поселился другой...

В одном из окон на четвертом этаже свет горит обычно допоздна, иногда чуть ли не до самого рассвета, и в кругу лампы под зеленым абажуром можно увидеть мужскую голову, которую я помню еще черной, а теперь она словно выгорела под электрической лампочкой: он стал уже совсем грифельным, журналист Беклемишев, с которым мы давно знакомы. А еще через два окна свет зажигался всегда очень рано: она вставала раньше всех, маленькая, быстрая, как пуля, такая маленькая, что и до сих пор издали кажется девочкой, курьерша Лариса Петровна. Она служила в редакции газеты, в ТАССе всегда появлялась за материалом первой, ее не задерживали, и когда Лариса Петровна ушла на пенсию, многим в редакции казалось, что теперь без Ларисы Петровны газета будет выходить с опозданием. Но и самой Ларисе Петровне казалось, что порядок без нее нарушится, и она еще почти целый месяц приходила в редакцию, слушала знакомый стук телетайпа и стрекот машинок в машинном бюро и ревниво косилась на новую курьершу, проносившую мимо нее сырые полосы или стаканы с чаем для сотрудников: она знала, что заведующий иностранным отделом любит крепкий, почти цвета портвейна чай,

а у заведующего отделом информации плохое сердце, чай ему нужен совсем слабый, и дважды наставляла новую курьершу.

А потом она заскучала без работы, и когда Беклемишев предложил ей выполнять иногда его поручения в редакциях, то она не только стала выполнять поручения, но принялась и поторапливать его со статьями... Беклемишев два года назад потерял жену, вел свое хозяйство сам, и в соседних магазинах—булочной, овощном или парфюмерном — продавщицы его знали, и некоторые из них, чувствуя его расположение к людям, доверительно делились с ним своими заботами или радостями.

Однажды, зайдя в парфюмерный магазин купить мыла, Беклемишев заметил, что знакомая продавщица, которую он помнил еще молоденькой девушкой, очень осунулась. Он участливо осведомился, не больна ли она, но продавщица призналась, что ее замучил малыш, и Беклемишев узнал от нее, что полгода назад она стала матерью, ребенок очень беспокойный, она не спит с ним иногда целые ночи, а днем его не с кем оставить, и она всегда тревожится... Беклемишев деликатно ничего не спросил об отце — мало ли как складываются судьбы — и только близко принял к сердцу трудности жизни молодой женщины: он всегда был хлопотуном по чужим делам, это многие знали.

На другой день, когда Лариса Петровна зашла к нему поторапливать насчет очередной статьи, он оторвался на минуту от работы и поерошил свои серые волосы.

— Вот какое дело, Лариса Петровна,— сказал он в раздумье,— не захотите ли вы послужить человечеству? Есть у меня одна знакомая женщина, у нее малыш, сама она служит, целый день на работе... не согласились бы вы часик-другой посидеть днем с ребенком? Платить я вам буду, скажем, сто пятьдесят рублей в месяц, но только это должно остаться между нами... а матери я скажу, что вы просто любите детей и посидеть с младенцем для вас одно удовольствие.

— Что ж,— согласилась Лариса Петровна,— часика два-три посидеть я могу... все равно время девать некуда.

Беклемишев зашел снова в парфюмерный магазин, сказал продавщице, что нашел для нее подходящую женщину с хорошим сердцем и та будет приходить днем на два-три часа посидеть с ребенком, а от платы женщина отказывается, потому что любит детей, и только порадовалась, что будет с кем понянчиться. Он был доволен, что дело наладилось, и когда появился как-то в магазине опять, продавщица сказала ему, что не знает, как его благодарить: Лариса Петровна оказалась просто золотом, и они прямо-таки полюбили друг друга.

— Видите, как отлично получилось! — обрадовался Беклемишев.

— А главное, Лариса Петровна приходит и ночевать, и Сереженька так к ней привык, что на руках засыпает. Я теперь отоспалась за три месяца,— посвятила его продавщица уже в подробности своей жизни.

— Ведь вот как бывает,— подивился Беклемишев, подумав, что недоучел усердия Ларисы Петровны.

Месяц спустя он несколько стеснительно протянул Ларисе Петровне сто пятьдесят рублей.

— Оказывается, Лариса Петровна, вы и ночей не пожалели... знаете, такие дела не заносятся обычно в послужной список, но они в нем на самом первейшем месте, могу вас уверить.

— Деньги вы спрячьте,— сказала Лариса Петровна,— за это деньги не берут. Мы с Верой Андреевной так сошлись, что и водой не разольешь нас.

Беклемишев не решился настаивать, и вот теперь по утрам в комнате Ларисы Петровны

зачастую не зажигается свет: это значит, что она ночует у Веры Андреевны с ее Сереженькой, а Беклемишев засиживается за рабочим столом еще более допоздна,— может быть, он пишет историю своей жизни — журналиста со всеми неожиданными встречами, находками и познанием характеров людей... кто знает, о чем может писать до рассвета привыкший к ночной работе уже поседевший журналист? А иногда можно увидеть, как из подъезда быстро выносится маленькая, все еще подвижная Лариса Петровна со своим портфельчиком, оставшимся от редакционных времен; может быть, она торопится в редакцию сдать очередную статью Беклемишева, а может быть, в детскую консультацию: не раз из ее портфельчика торчали горлышки молочных бутылок, как патроны в газырях...

Этажом выше, над окном Беклемишева, жили испанцы. Они были молоды, красивы и молоды, и когда андалузка возникала на фоне освещенного окна со своей гордо посаженной головой, с шалью, перекинутой от плеча к плечу, казалось, что смотришь на освещенную сцену. Под стать ей был и он — кастилец или каталонец — со своей черной кудрявой головой и черными бачками, и трудно было представить себе, что еще недавно он дрался за Гвадалахару.

Летними вечерами они стояли рядом у окна и смотрели на острый серп месяца; он висел в темно-синем небе, похожем на небо Андалузии или Кастилии, но это было московское небо, ставшее для них небом второй родины. А еще два года спустя молодая андалузка стояла так же летним вечером у окна. Теперь у нее на руках был ребенок, судя по банту в черных кудрявых волосах,— девочка, и мать, наверно, напевала испанские песенки, глядя на еле видные звезды в московском небе, а южное черное небо Испании заткано яркими блестками звезд.

И вот на одной из афиш, расклеенных в нашем переулке, значится имя певицы Марии Франчески Вальдес, окончившей Московскую консерваторию: это та самая девочка с бантом в черных волосах, которую держала на руках мать, стоя у окна, а в глубине темнеющей комнаты рдел огонек папироски.

Время идет, одно десятилетие следует за другим; уже совсем поседел журналист Беклемишев, и ушла на пенсию маленькая неутомимая курьерша Лариса Петровна, которую почти все знали в ТАССе, а испанская девчушка стала певицей, и в афише значится, что она будет петь наряду с романсами Глинки и Чайковского народные испанские песни. Это, конечно, немного грустно, что время идет так быстро, и не хочется думать, что та, которую знал молодой и гибкой, похожей на Карменситу, стала старше на целых двадцать лет... но у Марии Франчески Вальдес глубокое, сильное контральто, ее ноздри прекрасно раздуваются, когда она поет; она знает о небе Андалузии только из рассказов матери, и московское небо стало для нее единственным небом, под которым можно жить, учиться и петь.

Старый врач-ларинголог, живущий этажом повыше, любит подойти к окну со своим зеркальцем на лбу, и зеркальце пускает зайчиков и сияет, как алмаз на тюрбане магараджи. Я знаю этого врача, Николая Николаевича Веденягина, он собиратель книг, и мы познакомились с ним на одном из московских книжных базаров.

— Не знаете ли,— спросил у меня в первое знакомство Николай Николаевич,— когда переиздадут Веневитинова? Дело в том, что я собираю поэтов, поэзия — моя страсть, хотя по своей профессии я имею дело с самыми прозаическими вещами — с ухом, горлом и носом человека.

— Помилуйте, какие же это прозаические вещи? — сказал я.— Носом человек нюхает цветы, горлом поет и произносит речи, а ухом, что ж... ухом, действительно, приходится иногда выслушивать неприятное.

— Вы, наверно, любите восточных поэтов,— предположил Николай Николаевич снисходительно,— это несколько из восточной мудрости.

Веневитинова я ему достал, притом первое издание в двух томиках 1829 года, и мы подружились. С годами высокая фигура Николая Николаевича несколько ссутулилась, но его чистое розовое лицо с прямым тонким носом оставалось таким же, даже обрело нечто схожее с античными профилями. Он работает в поликлинике, и если зеркальце в его кабинете начинает вдруг пускать зайчиков, это значит, что Николай Николаевич принимает на дому кого-нибудь из знакомых, и не удивительно, что горло Марии Франчески Вальдес он знает наизусть: он вел это горло, если так можно сказать, с самого отрочества Марии Франчески, которая начала распевать еще в детстве; испанки и итальянки певучи, это самые певчие птицы, в их раскрытом рту с зубами жемчужной белизны дрожит, как живой, розовый упругий язык.

— Muy bien,— говорит Николай Николаевич, осматривая горло молодой певицы,— muy bien,— говорит он.— Tiene usted una garganta de ave [1].

— Вы лучше меня говорите по-испански,— смеется Мария Франческа.— Вы вообще самый чудный врач на свете.

— Конечно,— соглашается Николай Николаевич,— я самый чудный и самый великий врач на свете. Кроме того, я собираю книги. Ваш отец прислал мне недавно из Барселоны миниатюрное издание Кальдерона в двух томиках... наверно, он тоже считает меня самым лучшим врачом на свете.

Он подшучивает над собой, Николай Николаевич, он смотрит на Марию Франческу и подшучивает над собой. Когда-то она была быстрой, смешливой, немножко громкой девочкой, эта Мария, которую в доме все звали Машенькой, потом она стала подростком, теперь это гибкая девушка, какой была когда-то ее мать; она молодая русская испанка со своим глубоким контральто, глазами, в которых все же живет Андалузия, с персиковой нежности кожей и подвижными раздувающимися ноздрями — Мария Франческа Вальдес...

Нет, этому не противопоставишь ни полного собрания русских поэтов, даже в первых прижизненных изданиях, старых поэтов не противопоставишь молодости; и когда сияет ваше зеркальце, Николай Николаевич, я вспоминаю, что трижды или даже четырежды уже красили фасад дома, в котором вы живете, меняли железо крыши и сточные трубы, лес самодельных радиомачт сменился мощными антеннами, робкие радиоприемники первых десятилетий уступили место телевизорам, и, наверно, еще через год-другой начнутся и цветные передачи. Не будем сожалеть об уходящем времени. Оно уносит одно и приносит другое взамен.

Оставь, о друг мой, ропот твой,
Смири преступные волненья:
Не ищет вчуже утешенья
Душа, богатая собой —

это писал тот самый Веневитинов, стихи которого я достал для вас как-то... Это ведь, правда, хорошо сказано, Николай Николаевич? И все радости жизни, все восторги жизни, и любовь, и все, что с нею связано, пусть все это будет у Марии Франчески Вальдес, отец которой сражался за Гвадалахару, а мать с дитятей на руках смотрела на небо над нашим с вами переулком, а профессор Московской консерватории Стрельников учил темноглазую девушку владеть ее глубоким грудным голосом...

Утром, очень рано, на моем балконе начинают переливчато грассировать голуби. Они возлюбили почему-то мой балкон и карнизы окон дома напротив и где-то в углублениях эркеров или на чердаке живут и выводят птенцов. Впрочем, их прикармливают в нашем дворе. Большая, грузная Дарья Семеновна — солдатская мать— выносит утром размоченные корки хлеба, садится на приступочку и крошит хлеб голубям и воробьям. Ее называют солдатской матерью потому, что она потеряла на войне трех сыновей — всех сыновей, какие у нее были; и теперь она крошит хлеб птицам и вспоминает, может быть, как ее Ванюшка или Васятка любил голубей, как они взвивались от его свиста и как, держа одного из голубей в руке, сын размахивал им и на трепет его крыльев слеталась вся голубиная стая. Осторожные воробьи тоже кормятся возле голубей, они всегда начеку: у некоторых сизарей тяжелый нрав, и они любят разгонять всех вокруг, топчутся со своими надутыми сизыми шеями — сами не едят и другим не дают.

— Ну, ты полегче, агрессор,— говорит Дарья Семеновна. Агрессор, конечно, для нее означает — разбойник, и это правильно. Голуби садятся иногда на ее толстые ноги в валенках, которые носит она до тепла, а иногда даже клюют ее в валенки, может быть, по инстинкту собирать шерсть для гнезд.

Дни стали уже длинные, птицы поздно улетают на ночлег, и иногда, возвращаясь со службы, во двор заходит посмотреть на голубей инженер Артюхов. Он сосед врача Николая Николаевича Веденягина, дом хранит все страницы его жизни: в ту пору, когда в доме жили одни служащие министерства и рабочие подведомственного ему завода, Артюхов был учеником ФЗУ, потом стал слесарем первого разряда, а там второго и третьего — и вот он инженер-тепловик, и когда домà в переулке присоединяли к теплоцентрали, за работами наблюдал Артюхов.

Я помню, как Миша Артюхов выпалил из рогатки подшипниковым шариком по кофейному голубю, который не хотел возвращаться домой, и разбил стекло в моем окне. Строгий

[1] Отлично, отлично. У вас горло птицы.

участковый Зеленин все-таки захватил раз мальчишек с рогатками, и Мишу Артюхова привели в наш двор.

— Что же это, уважаемый товарищ, вы бьете стекла в окнах?—спросил я тогда его во дворе.

— Я ваших стекол не бил, а хотел только спугнуть моего голубя,— ответил Миша.

И вот уже много лет, когда я встречаюсь с инженером-тепловиком Артюховым, он говорит мне:

— Я ваших стекол не бил.

И мы вспоминаем годы и молодость, которая стала уже понемногу отставать даже от Михаила Алексеевича Артюхова. Но старая страсть к голубям у него осталась, только она стала теперь совсем иной, и к голубям у него отношение, как к флагу мира... все-таки он четыре года воевал, Михаил Артюхов, и шея у него чуть сведена от осколка, который пришлось вынимать из затылочной мякоти.

— У них теперь все перепуталось,— говорит он тоном знатока, глядя на голубей у своих ног.— Поглядите на этого темно-каштанового, по правилу он должен быть красным с зеленоватым блеском, как полагается турману, а где у него блеск? А этот белый с цветными плечевыми, ведь это «бия», а посмотрите, какой он вислокрылый... просто брак.

Он рассматривает голубей, а солдатская мать Дарья Семеновна грузно сидит на приступочке, и голуби щиплют шерсть с ее валенок, как бы напоминая, что уже март и надо приниматься за гнезда.

— Писем нет? — спрашивает Артюхов проходящего письмоносца Анну Васильевну, которую все еще совсем недавно называли Аничкой: она была шустрая, с золотистыми бровями, раньше всех докрасна загоравшая на весеннем солнце. Аню стали звать Анной Васильевной после того, как в один из своих выходных дней она появилась за руку с девочкой, девочке было уже пять лет, и ее тоже звали Аней.

Анна Васильевна знает почти всех, кто живет в домах, которые она обслуживает. Она роется минуту в сумке, потом говорит:

— Писем вам нет. Возьмете «Вечерку»?

Уже седьмой час, и в ее сумке больше всего «Вечерней Москвы», а большинство писем доставлено днем.

— Давайте, чтобы вам не подниматься,— говорит Артюхов и берет из ее рук вечернюю газету.— Фью,— свистит он минуту спустя.— Новелла Ивановна разводится с мужем.

— Кто это Новелла Ивановна? — интересуюсь я.

— Вероятно, какая-нибудь взбалмошная бабенка,— говорит Артюхов и складывает газету.— Такие-то дела, Дарья Семеновна,— добавляет он, вздыхая,— такие-то дела.

У Артюхова маленький балкон, на котором он почти все лето возится с цветами, балкон увит ипомеей, и летом по вечерам можно видеть, как Артюхов, вернувшись с работы, поливает из леечки цветы в продольных ящиках или подолгу смотрит на закат. Когда-то он появлялся на балкончике вдвоем с женщиной, вероятно, с женой; а последние годы он один: в его жизни, наверно, что-то произошло, может быть, именно поэтому безвестная Новелла Ивановна вызывает у него горькую усмешку... Я видел как-то, что он выставил на балкон остудить кастрюлечку — значит, у него никого нет, у инженера Артюхова, и, может быть, именно поэтому голуби пробуждают в нем воспоминания о годах беспечных и бездумных.

— Да будет тебе гонять других, вот уж агрессор,— говорит Дарья Семеновна сизарю, похожему по краске на хвост павлина.— Что ты ни с кем поделить не можешь!

Анна Васильевна разнесла по этажам газету и возвращается с опустевшей сумкой.

— Март, а холодно,— говорит она на ходу.

В самом деле, дует холодный ветер, и с неба сначала редко, потом чаще начинает сыпать снег, похожий в эту пору года на серый пух. Он падает, но тает, и улицы сразу становятся мокрыми. От тучи, наползшей на город, рано темнеет, по-осеннему, и в окнах зажигаются огни. Зажигается вскоре огонь и в комнате Артюхова, но у врача Веденягина и у Ларисы Петровны темно: Веденягин по средам принимает в поликлинике, сегодня как раз среда, а Лариса Петровна, может быть, помогает в этот вечерний час вымыть младенца в ванне, выжимает на него сверху розовую губку и говорит: «С гуся вода, с Сереженьки худоба» — или что-нибудь в этом роде...

Это был длинный день, полный событий в жизни людей, событий неприметных, но без событий нет жизни, и, значит, жизнь шла своим путем, и люди жили каждый по-своему, и у каждого были свои радости и удачи и свои неприятности и неудачи, но в этом и состоит жизнь.

И вот на рассвете март начинает снова оглаживать окна домов синей краской. У Беклемишева темно: он работал добрую половину ночи и теперь спит. Но зажигается свет в других окнах, в которых прежде он зажигался позднее: это значит, что дети выросли, стали уже работать и им нужно торопиться на службу, или на завод, или в экспериментальную мастерскую, или в больницу, если они медицинские работники, или в метро, если они служащие метрополитена. Но другие окна, в которых обычно рано зажигался свет, еще темны: пенсионеры спят, им можно поспать подольше за трудовую жизнь.

Синяя краска рассвета уже непрочная, она быстро линяет, голубеет, ее съедает весна, как солнце на глазах съедает снег. Все-таки март — утро года, первый полет весны, еще неуверенный и зигзагами, как летают первые бабочки. Они быстро устают, припадают к цветам, складывают крылышки и становятся похожими на бутоны. А потом на мой балкон прилетают голуби и начинают нежно клокотать горлом, так нежно, что кажется, журчит фонтанчик, и когда снова засыпаешь, то утренний сон легок, и просыпаешься с ощущением, что твои щеки прохладны, словно ты вместе с голубями провел утренние часы на балконе.

Потом я вижу в окно, как Артюхов делает какие-то круговые движения рукой, и понимаю, что он мелет кофе... Он мелет кофе один, в раздумье, и мне хочется сказать сквозь синеву утра инженеру Артюхову:

— Ничего, Михаил Алексеевич, ничего... время идет, пускай Новелла Ивановна разводится с мужем, а вы все-таки из слесаря первого разряда стали инженером-тепловиком, наш дом еще подтапливают, и по трубам течет горячая вода теплоцентрали, которую и вы строили. Утро года в ваших руках, и никому не выбить его из них.

А затем огни во всех окнах гаснут, уже светло, небо бледно-зеленоватое, день будет солнечным, крыши после ночного снега просыхают, и тогда я слышу низкий, грудной, берущий за сердце голос: это поет Мария Франческа Вальдес. Она стоит у открытой форточки своего окна, расчесывает черные блестящие волосы и поет испанскую песню под небом, заменившим ей небо Андалузии и все небеса на свете... а вдруг Мария Франческа полюбит Артюхова? Ничего невозможного в этом нет. Они живут на одной лестнице, они давно знают друг друга, и, может быть, Николай Николаевич Веденягин, пуская зайчика в нежное горло, скажет:

— Чудесный человек живет в нашем доме— Артюхов... ему немножко не повезло в жизни, но у него золотые руки, и он чудесный человек, о, alma mia, Maria mia, belleza mia [1].

— Вы испанец,— говорит ему Мария Франческа,— вы настоящий испанец.

— Увы, я только ларинголог, в лучшем случае гибрид,— отвечает Веденягин не то насмешливо, не то грустно.

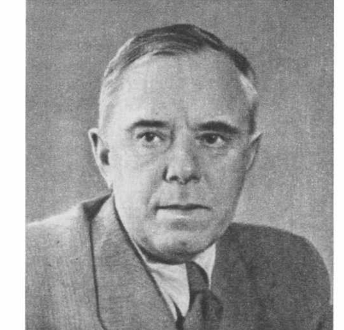
— Los árboles altos,— поет Мария Франческа,— los lleva el viento, y a los enamorados el pensamiento [2]. И голуби на моем балконе поворачивают в сторону звуков свои литые головки с красновато-черными глазками и прислушиваются: может быть, им кажется, что это поет большая птица...

---

[1] О, моя душа, моя Мария, моя красавица.

[2] Ветер качает деревья, а влюбленных уносят мечты.

ПАМЯТИ Б. С. РОМАШОВА

Б. С. Ромашов.

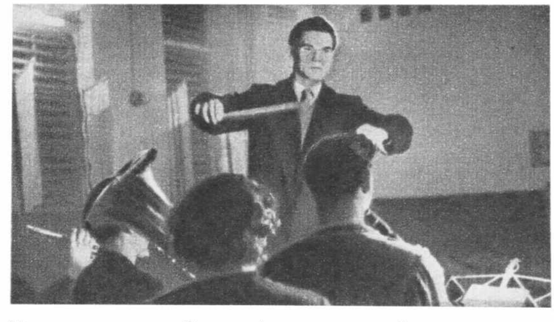
Недолгой была жизнь Бориса Сергеевича Ромашова: 1 июля 1960 года ему исполнилось бы 65 лет. Но жизнь эта навсегда оставила свой след в истории советской драматургии и литературы. На пьесах Б. С. Ромашова, одного из основоположников и зачинателей советской драматургии, выросли и воспитались многие известнейшие актеры и режиссеры.

Окончив в 1915 году Киевскую гимназию, Ромашов сам готовился к сценической деятельности: детство его проходило в театре, родители были актерами. В школьные годы начались и первые драматургические опыты Ромашова: с увлечением писал он инсценировки для школьных спектаклей.

Первую пьесу, «Сон гражданина Обухова» — сатирическую поэму в стихах,— Б. С. Ромашов написал в 1920 году. А уже в 1922—1923 годах студия Малого театра поставила под руководством К. Платона и В. Пашенной пьесу Ромашова «Федька-есаул». За этим спектаклем последовали другие... Всеобщее признание получила его пьеса «Великая сила», выдающееся произведение советской драматургии. И всю свою жизнь Борис Сергеевич Ромашов неустанно растил молодежь, неизменно оставаясь ее советчиком, другом и помощником.

А. АЛЕКСАНДРОВА

МОЦАРТ ЗВУЧИТ НА СТРОЙКЕ

По инициативе Саши Артамонова был создан на стройке самодеятельный оркестр.
Фото Ф. Короткевича.

А. ЖУКОВА

Искусство — с ними

Живут в одной комнате общежития пятеро девушек-москвичек. Они приехали на стройку в сентябре 1958 года.

...В Москве кончалось жаркое лето. Голуби вперевалку ходили по горячему асфальту. Одетая в строгую форму ткачихи, которую она так любила (узкое платьице и простой фартук), с тугой повязкой на пышных волосах, Марина Машнина открыла окно на Яузу и медленным взглядом окинула Москву-реку, давно знакомый и любимый цех. Марина прощалась с Москвой, с заводом: она уезжала в Сибирь.

Провожали ее весело. На вокзале танцевали. На подножке соседнего вагона стояла темноволосая работница электролампового завода Ира Михайлова и махала провожающим рукой. В одном вагоне с Ириной ехала невысокая кругленькая Нина Щедрина. Ее мечта наконец исполнилась: в ее сумке лежала путевка: «г. Сталинск, ЗСМЗ». Скорее бы туда!..

«Скорее бы»,— повторяли подруги Женя Грушникова и Вера Фадеева. Десятиклассницы, они вместе окончили ремесленное училище при мясокомбинате, но комсомол призвал их на новостройку в Сибирь. Все пятеро девушек теперь строители: четыре — каменщицы, Марина Машнина — штукатур и маляр. Их работой гордится вся стройка.

В их комнате уже на новоселье прочно поселилась музыка. На столе — проигрыватель и масса пластинок, на тумбочках — портреты Чайковского, любимого композитора всех пяти девушек. Трое из них играют в духовом оркестре, а две поют в хоре. И случается же такое: живя в Москве, почти не бывали на симфонических концертах! «Вообще мы не любили всякие там симфонии»,— сказала Нина Щедрина. А здесь они играют Бизе, Огинского, Хачатуряна, ловят по радио концерты из Москвы...

Когда руководитель оркестра Валентин Осипович Осипов решил учить девушек игре на духовых инструментах, ребята восстали: «Толку не будет!..»

И, казалось, толку действительно не было. Девушки растерялись, когда выяснилось, что из духового инструмента не так-то просто извлечь звук: не музыку и даже не заданную ноту, а просто звук! Они старательно дули—труба молчала...

Только люди с крепкими нервами могли выдержать их «тренировки».

Иногда с девушками музыкой занимался Саша Артамонов. Это по его инициативе на стройке был создан оркестр. Он играл в оркестре, когда еще учился в школе, когда работал печатником в типографии «Гудок», столяром на заводе. Приехав на стройку из Москвы, Саша понял, что не может жить без оркестра. Здесь, где все начиналось сызнова, он легко создал еще одно новое: организовал оркестр и руководил им как умел. Потом приехал руководитель, директор Дома молодежи Валентин Осипович, и началась серьезная учеба. Но, чтобы у Саши рос опыт дирижера, Валентин Осипович часто поручает ему вести занятия.

Оркестр играет серьезные вещи. Оркестр завоевал первое место в области, и девушки разделили его славу. Первым своим маршем они встретили первый поезд, пришедший по только что построенной дороге в поселок строителей. В конце этого года оркестр встретит первую электричку.

Оркестр участвует в каждом большом начинании стройки. В то время, когда мы беседовали с Валентином Осиповичем, ему позвонили из комитета комсомола: нужно, чтобы оркестр сыграл на торжественной закладке комсомольского парка. Валентин Осипович сказал:

— В шесть часов. Значит, будут играть в спецовках. Не успеют переодеться. Ну, ничего, зато первое дерево парка посадят под музыку...

Целый день Дом молодежи гудит, как улей. Наверху сыгрывается духовой оркестр, рядом — ансамбль баянистов. В другом конце здания поет огромный хор и занимаются солисты. Драматический кружок репетирует свою первую пьесу, танцоры стаптывают очередную пару сапог.

Экскаваторщики, бульдозеристы, каменщики, монтажники впервые в жизни поют и играют Чайковского, изучают народные танцы, учатся нотной грамоте — учатся искусству.

В конце года в поселке будет построен огромный Дворец культуры, потому что в четырехэтажном Доме молодежи стало уже тесно. Художники пока работают в старом клубе. Как и все начинающие художники мира, они старательно рисуют графины и драпировки, учатся видеть красоту простой чашки, одетой трепещущей светотенью. До больших картин им еще далеко. Но стройка «просится на полотно». И ее запечатлевают члены фотокружка, категорически требующие, чтобы их называли «Фотоклуб». А сейчас куплен первый киноаппарат, и ребята думают о том, как из кадров их кинохроники будет смонтирован полнометражный фильм «Так строился Западносибирский».

Серебряные трубы

Оркестр Дома молодежи играл в фойе театра Сталинска. Движение руки Валентина Осиповича — и светлая музыка Моцарта наполнила зал.

На слушателей оркестр произвел огромное впечатление. Оркестрантов поздравляли с успехом. А они все играли и играли. У Нины Щедриной было забавно сосредоточенное лицо: опущенные в ноты глаза, ресницы лежат на щеках. Кларнетисты вытирали вспотевшие лбы. Минута передышки, и снова музыка...

С торжественного вечера в Сталинске оркестранты возвращались поздно. Я ехала с ними в одной машине. Автобус страшно трясло на ухабах: дорога тоже была молода. Это было еще не шоссе, а только его полотно: покрытие сделают летом. Фары вырывали из темноты летящий кусок земли. Под горой, далеко внизу, горели огни Кузнецка. Но вот и огни остались позади... Ночь...

У юношей и девушек, ехавших со мной в автобусе, был трудный день. Они работали: клали кирпичи, устанавливали перегородки, плотничали, копали, закладывали новые фундаменты гигантского комбината. А после тяжелой работы молодые строители спешно сняли грязную робу, надели изящные костюмы и весь вечер играли Ипполитова-Иванова, Моцарта, Хачатуряна... Мне казалось, они должны были смертельно устать. Но музыка еще бурлила в душе оркестрантов. Одни всю дорогу пели. Другие голосом импровизировали аккомпанемент. Наконец Саша Артамонов не выдержал: поднял трубу, приложил губы к мундштуку — и высокие, далеко летящие звуки почти заглушили голоса поющих... В стремительно мчащейся машине на всю округу, на всю Сибирь пела серебряная труба.

НАРОДНЫЙ ЦИРК В АСБЕСТЕ

По правде сказать, еще три месяца тому назад в городе Асбесте никто не верил в создание собственного народного цирка. А сегодня асбестовцы с интересом смотрят первую программу, и даже самые недоверчивые, самые придирчивые зрители вынуждены сказать: народный цирк есть!

Кто же его создатели и артисты?

Артур Айрих много лет работал на манеже. Давно заинтересовался он и цирковой режиссурой. Развитие самодеятельного искусства натолкнуло Айриха на мысль об организации народного цирка. С группой молодых энтузиастов начал он готовить программу. Среди ее участников — девятнадцатилетний гимнаст и акробат сапожник Август Крузе. Партнер и ровесник Августа Николай Бауэр — слесарь.

Самодеятельные циркачи решили овладеть несколькими цирковыми профессиями. Поэтому акробаты учатся жонглировать, а разговорники — показывать фокусы. Текст интермедий и реприз пишут местные авторы, стараясь строить их на фактах, хорошо знакомых зрителям. С огромным успехом проходит шутка коверных, «выносящих остатки» американского самолета «У-2».

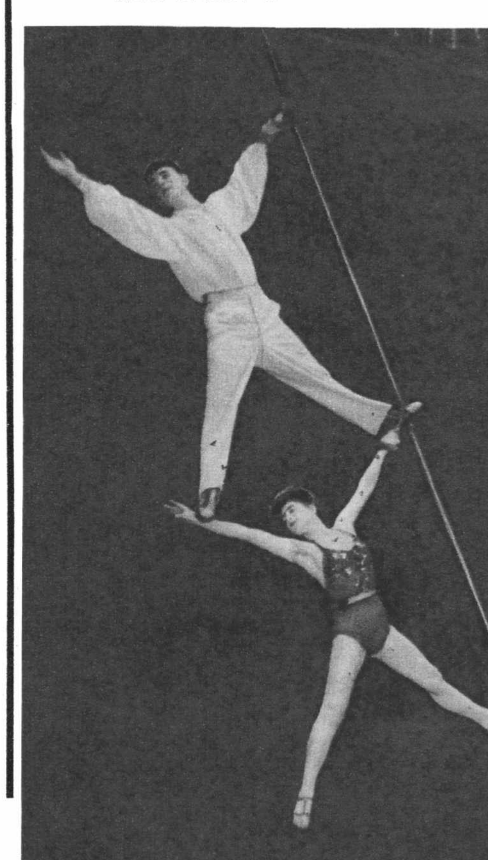
Грузчик Владимир Беляев оказался способным акробатом-эксцентриком. Маляр Тамара Каменщикова с неизменным успехом показывает пластический этюд. Аппаратчица Нинель Ломакова — бесстрашная воздушная гимнастка. Постоянно аплодисментами встречают зрители самую маленькую участницу представления, девятилетнюю школьницу Наташу Шевченко...

У самодеятельных циркачей свой самодеятельный эстрадный оркестр. Под руководством двадцатидвухлетнего Бориса Лоскутникова оркестранты подготовили интересный и разнообразный репертуар.

Молодые артисты помогают строить в парке здание летнего цирка на 450 мест, шить новые костюмы. После показа первой программы предстоит премьера второй, а там и третьей!

Б. ПОЮРОВСКИЙ

Под куполом цирка воздушные акробаты Август Крузе и Нинель Ломакова.

Любит Женя спорт...

ЖЕНЯ О

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Дорогие друзья! Знаете ли вы, что вы сделали меня самым счастливым и богатым человеком на свете? Дружба драгоценнее всех земных кладов. А у меня сейчас очень много друзей. Ведь каждый, кто в трудную для меня минуту нашел время и слова для самой обыкновенной, ничего, в сущности, еще не совершившей девчонки, теперь мой друг. Пусть эти слова были порой и резкими и не очень-то приятными, но они шли от сердца, от искреннего желания помочь мне.

Я даже не знаю, как мне благодарить вас, дорогие друзья. Ведь это под влиянием ваших писем я даже за это короткое время стала совсем по-другому думать о жизни.

Очень многое хочется мне сделать здесь, в моем родном Ново-Троицке. Нам, молодым, тут работы хватает.

Спасибо, большое комсомольское спасибо за ваши советы, за ваш честный разговор, дорогие друзья!

Женя ПРЯДКО

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Р. Лихач.

«Мое убеждение —никакой Жени N. нет! Это все миф с целью вызвать дискуссию, поток писем...

И. Павлов. Москва».

Женя не миф, созданный воображением журналиста. На снимках, воспроизводимых здесь, есть и она...

Фамилия Жени самая обыкновенная, украинская — Прядко. Живет она в жаркой Таврии, в Ново-Троицке, центре глубинного района. А вот и ее дом под выцветшей черепицей. В голубых оправах окна, а за окнами тот самый мир, который постигла Женя. Здесь она родилась, здесь в окружении взрослых — других детей в семье не было — прошли первые ее 18 лет.

Без особых происшествий бежало время, и никто особенно не замечал его, пока Надежда Михайловна, мать Жени, вдруг не увидела, что ее длинноногая, тонкая, как саженец-тополек, девчурка стала взрослой девушкой. С чемоданчиком в руках прощалась она возле калитки...

Как жила Женя последующие два года, что с ней произошло в городе, она описала в письме, посланном в свое время в редакцию и опубликованном потом в нашем журнале.

Через два года Женя вернулась в поселок... мальвой.

— Мальва?!

Это слово я услыхала во время своей первой, зимней поездки в Ново-Троицк, чтобы попросить у Жени разрешения на публикацию ее имени в журнале. Женю я еще не видела и старалась представить себе ее по письму: какая она? Скорее всего, серьезная, вдумчивая девушка. И вдруг — мальва. Что это значит?

— Она стиляга,— пытались объяснить мне.— Танцует с выкрутасами, декольте разные понаделала. Это стыдно.

Что же тут стыдного? Кто это и когда узаконил, что девушка обязательно должна ходить летом в закрытом по горло платье или носить смешные и нелепые оборки и буфы, ревностно оберегаемые местной модой?

И все же было что-то в Жене от дикого яркого цветка. Нет, тут дело не только в челке и не в одежде. За пишущей машинкой сидела смуглолицая, пышноволосая девушка, одетая просто и удобно: теплый свитер, прямая юбка. «Мальвинское» внешне не проявлялось, пожалуй, в манере держаться, чуть-чуть претенциозной. Но самое главное, конечно, было не во внешнем ее облике.

— Понимаете, скучно тут,— говорила она мне.— Я полюбила за последнее время спорт, а им женская половина населения здесь вовсе не интересуется. Клуб наш... Да что о нем говорить, увидите сами. А грязь! Какие у нас улицы, ведь это же слезы!

Вечером мы были с Женей в районном Доме культуры. Снаружи это довольно непрезентабельное низкое строение, похожее на амбар. Да оно так и есть. Здесь когда-то был склад. Потом к нему присоединили пристройку, и получился так называемый Дом культуры. Есть в нем кинозал, небольшой зал для танцев, фойе с мрачными и длинными скамьями на асфальтовом полу.

Но вот мы заглянули в одну из немногих комнат, которые предназначены для кружков, и в холодный асфальтовый зал ворвалась струя человеческого тепла и веселья: так звонко и заразительно смеялась белокурая девушка Светлана Салорева — методист Дома культуры. У нее, как и у Жени, позади десять классов и еще культпросветтехникум, который она окончила в Херсоне. Ее оставляли в городе, но она попросилась в район, захотела поскорее стать на собственные ноги. Так Светлана очутилась в незнакомом Ново-Троицке.

И что ж? Жалеет? Ничуть. Скучает? Где там, некогда!

— А ты, Женя, ходишь на репетиции?

Женя молчала.

— Та хіба вона прийде? — сердито стрельнула своими светлыми глазами в сторону Жени Светлана. В ее голосе прозвучал холодок, смешанный с неприязнью.— Клікали...

Тогда я стала расспрашивать Женю о ее городской жизни. Да, в Ялте было весело. Приезжали артисты из Симферополя, Киева, даже из Москвы. Вот это были концерты, не то что здесь — художественная самодеятельность! А какие бывали интересные встречи! То со спортсменом знаменитым, то с писателем.

Подумалось: не здесь ли причина гордого одиночества Жени? Познала она жизнь первоклассного курорта, где люди главным образом отдыхают и развлекаются. Глотнула она тамошней культуры полной чашей, и стал ей родной поселок не мил. Смотрела она на него теперь другими глазами и не просто смотрела, а сравнивала. И сравнение это было, конечно, не в пользу Ново-Троицка. Ей бы, увидевшей лучшее, постараться изменить что-то у себя, приложить к этому свои руки, но одной, конечно, было не справиться. Да еще масла в огонь подлили ребята, с которыми встретилась как-то в Доме культуры. Приехали те в отпуск, когда-то учились вместе. Удивились они, увидев ее: «Что ты делаешь здесь, в этой дыре?» И полезли тогда в голову всякие мысли, вроде того, что не лучше ли просто уехать? Снова встал вопрос: куда, зачем?

Так и стала Женя мальвой, высокий и тонкий стебель которой одиноко раскачивался над пестрой клумбой. Быть может, в этой позе было не столько гордости, сколько природной застенчивости, которую она не сумела в себе побороть?

Женино письмо было опубликовано. Опубликовано с теми сокращениями, которые она сделала в Ново-Троицке. Не имеет смысла перечислять все, но к одному из них вернуться нужно. Это важно не столько для самой Жени: теперь она уже другого мнения по этому поводу. Это важно для юноши, который...

Но прежде всего о юноше. С ним подруги — Женя Прядко и Вера Козырева — познакомились на танцплощадке в Ялте. Обычная встреча, каких бывает немало. Танцевал он с Верой и расспрашивал: «Как вас зовут? Учитесь или работаете? Кем?»

Вера чистосердечно отвечала. И вдруг юноша переменился. Вежливый и предупредительный, он вдруг сразу перешел на «ты» и бросил с презрительной усмешкой: «Не могла выбрать что-нибудь получше?»

Повернулся и оставил ее, растерянную... Вероятно, девушки возмутились, закипели благородным гневом, отыскали этого желторотого пижона и высказали ему все, что они о нем думают? Нет, этого не случилось. Подавленные, униженные, стараясь остаться незамеченными, они тихонько ушли и порешили, что лучше не рассказывать о себе.

— Я вычеркну из письма, что мы были санитарками,— сказала мне тогда Женя.— А то в поселке будут смеяться над нами.

В поселке? Это в поселке тружеников степи — полеводов и чабанов, виноградарей, механизаторов, сельской интеллигенции? Откуда и каким ветром могли бы быть занесены сюда барские взгляды на жизнь, на основную сущность ее — труд? Да, есть еще среди нашей молодежи, пусть их немного, но они живут среди нас, эти пустоцветы, которые считают труд санитарки унизительным. У них своя «точка зрения» на труд, человеческое достоинство, место гражданина в обществе. Их, к сожалению, встретишь и в городе и в небольшом поселке. С ними мирятся, их не всегда осуждают и

СТАЕТСЯ ДОМА...

лишь иногда слегка пожурят. Не культивируются ли эти доченьки и сынки некоторыми сердобольными мамашами, которые видят в своих чадах «хилых существ», не способных после десятого класса к так называемой «простой» работе?

Лавина читательских писем «обрушилась» на Женю, хотя из редакции ей пересылали далеко не все, а только наиболее значительные, наиболее важные.

«Сегодня получила вторую «порцию» писем,— писала она нам.— Если бы вы знали, как они взволновали меня! Просто не представляю, как люди могли разгадать, что у меня не было определенной цели, а лишь желание хоть куданибудь поступить... Это я поняла только сейчас. И до сих пор не знаю, что мне нравится больше, а что меньше. Хочется быть и музыкантом, и шофером, и врачом, и журналистом, и геологом. Но ведь не может же человек любить все это одинаково! Вот я и растерялась совсем. Лучше я еще поработаю, посмотрю, к чему меня больше тянет.

О себе могу сказать, что нет сейчас у меня времени и «в гору посмотреть», как говорится. С утра до вечера занята. Утром в 8 часов на автобазу, после работы на стадион, а с волейбольных тренировок на репетицию в РДК или же едем с концертами по селам, иногда до двух часов ночи. Интересно! А как волнуемся друг за друга, когда выступаем! День не побудешь с друзьями, со Светой (помните, беленькая такая, методист клуба?), так и скучно. Без коллектива я не могу теперь жить».

Взволнованно пишет Женя о комсомольском воскреснике на стройке мясокомбината: «Мальчишки ездили за песком в Геническ, а мы, девчонки, разгружали его. Устали, но были от души рады, что сделали полезное дело. А для меня этот день вообще был большим праздником. Было очень весело, шутили, пели. В свободные минуты в ожидании грузовиков играли в шашки, фотографировались. А какой прекрасный человек Павел Берус! Он работал вместе с нами».

О своих новых друзьях — Берусе, первом секретаре райкома комсомола, о Светлане Салоревой — Женя отзывается неизменно тепло.

«Не думайте, что они меня гладят по головке, успокаивают. Нет. Наоборот, отругали как следует за то, что я пришла к ним поздно, не сразу по возвращении в поселок. Без критики тоже не обходится, но это слова и советы от всей души, а не язвительные упреки и многозначащие взгляды».

«Язвительные упреки и многозначащие взгляды...» Это место Жениного письма настораживает. А вот еще строчки, вызывающие еще большее недоумение.

«Мне было очень трудно после опубликования моего письма,— признавалась Женя.— Пошли разные толки в поселке, были даже насмешки и грубости. Не знаю, что б я делала, если б не товарищи. Они просто возвратили меня к жизни».

Что означали эти насмешки? Не подали ли голос местные обыватели?

Вместе с фотокорреспондентом — некоторые читатели сомневались в действительном существовании Жени и просили опубликовать ее фотографии — едем в Ново-Троицк. Белоснежный, белокаменный, выглядит он теперь совсем иначе, чем в зимнюю распутицу. Утонул в густых зарослях акаций, молодых тополях и кленах. Пришли мы в новую школу, поднялись на второй этаж и ахнули. Да это же не просто поселок, а курортный городок, в котором не хватает только моря! Оно грезится здесь лишь в миражах, хотя и подсказывает нам кто-то, что появилось свое «море», самодельное... А скоро, говорят, придет в эту безводную степь и каховская вода.

От райкома партии и до райисполкома разросся тенистый парк. А за мостиком направо улица Димитрова, на которой живет Женя. На этой самой улице мы и увидели ее. Коричневая от загара, похудевшая, в открытом ситцевом платье, бежала нам навстречу. И, конечно, не одна. Не со Светланой ли Салоревой? Да, это была она.

Обе торопились домой, живут в пяти шагах друг от друга.

— За чем?

— Да за костюмами. Извините, мы опаздываем.

...Откинули борт—и кузов обыкновенного «газа» превратился в сцену, сцену прямо на поле. Пока подъезжали на других грузовиках зрители — полеводы, механизаторы, животноводы колхоза имени Сталина,— «артисты» поспешно переодевались. Вот в кузов взлетела Света и объявила, что культбригада районного Дома культуры начинает концерт. Первым номером были любимые всеми здесь частушки. Звонко, задорно пропела Света. Притопывая каблучками сапожков, закружилась в танце Женя. Полно, да та ли это Женя, которая всего лишь полгода назад не знала, куда деваться от скуки?

...Возвращались поздно, когда уже садилось солнце и повеяло приятным холодком. Мы с Павлом Берусом вели беседу о Жене.

— Трудное у нее сейчас время, время перестройки,— мягким, тихим голосом говорил он.— Ей легче было бы, вероятно, уехать из своего поселка. А она осталась верной ему, поступила, как настоящая тавричанка. Хотя не раз раскаивалась, что написала в редакцию...

— А что тут, собственно, произошло? — перебиваем мы Беруса.

— Кое-кто сгоряча предлагал Прядко как комсомолку направить на ферму в колхоз. Но я решительно запротестовал: что у нас колхоз — место ссылки? Туда лучшие десятиклассники идут, сами, по доброй воле. Коля Ткач — с Женей он часто в теннис играет — на золотую медаль метит, отличник, а профессию уже выбрал себе — тракторист. «Поработаю,— говорит,— а потом посмотрим». А Евгения Безугловец, лучшая телятница? Тоже со средним образованием. Нет, пускай человек определится сам. Пусть совесть ему подскажет, где быть: на ферме, в больнице или на стройке мясокомбината, объявленной комсомольской. Кстати, райком комсомола доверил Жене важное дело: она утверждена юнкором на этой стройке.

Но, видимо, не обо всех поселковых «толках» знал секретарь райкома комсомола. Нашлись в Ново-Троицке люди, которые довольно бестактно обрывали родителей Жени: что, мол, понадобилось ей? Что она ищет? Не поняли товарищи, что было в опубликованном Женином письме коечто и справедливое, к чему следовало бы прислушаться. Ведь действительно же скучно зимой в поселке! Надолго погружается здесь в спячку спорт; район богатый, люди живут в достатке, а ни одного спортзала, кроме как в школе, нет. Улицы становятся не только непроезжими, но труднопроходимыми. В старый Дом культуры набивается столько народу, что уже не до массовых игр и занятий, было бы место для танцев.

Вот бы и поговорить с такой Женей: «А что ты сделала сама, ведь жизнь в поселке зависит и от тебя, от твоего участия в ней?» А тут пошли в ход обидные слова, брошенные кем-то.

К Свете Салоревой они, конечно, не пристанут.

— Что вы! Женя теперь в самодеятельности незаменимый участник, в волейбольной женской команде неплохой игрок. И вообще девочка она душевная, чуткая...

И даже Клава Свирозуб, автор строгого письма, которое в ответ на Женино письмо было опубликовано в нашем журнале, переменила о ней свое мнение.

— По возвращении из города Прядко была какой-то чужой среди нас, а теперь нет,— говорит Клава,— чувствуется, что волнуют ее радости и горести родного поселка, болеет за него.

А что же думает сама Женя?

Прочла она только что одно письмо, из свежей пачки, привезенной нами из редакции, и задумалась...

— Как хорошо написала Мария Смирнова из Костромской области! — говорит она.— Ведь именно эта мысль приходит часто и мне в голову: нужно испытать себя в трудном деле, в трудной обстановке, но зато ты будешь нужна людям. Самое главное ведь быть нужной людям...

И мы верим Жене, надеемся, что вслед этой девушке не прозвучит больше «мальва», хотя и одевается она точно так же и в те же самые платья, что и в прошлом году.

Внимательно слушают «артистов» колхозники. На импровизированной сцене вторая слева — Женя Прядко.

Немецкий самолет в Режице в 1919 году.

ЧЕРЕЗ ФРОНТЫ — В СТРАНУ ЛЕНИНА

На фотографии самолет с черным крестом на фюзеляже. Рядом люди в высоких солдатских папахах. Двое в кожаных костюмах с летными очками на фуражках. Снимок этот нашли сотрудники Музея Революции СССР, разбирая архивы. Оказалось, что еще в тридцатых годах его передал в музей Н. П. Шуман, который во время гражданской войны командовал 45-м авиаотрядом 15-й армии.

Вот что удалось установить по воспоминаниям Шумана, которые хранятся в музее.

В 1919 году, в период так называемого «похода 14 государств» против Советской России, рабочие зарубежных стран помогали, чем могли, русским братьям.

«Руки прочь от России!» — гремело и в Германии. Немецкие пролетарии мужественно выступали в защиту первого в мире государства трудящихся. Несмотря на дороговизну, безработицу, голод, в Германии были собраны деньги и куплены медикаменты для Советской России.

Как отправить ценный груз в Москву? Через Польшу нельзя: там у власти контрреволюционное правительство Пилсудского. На Балтике крейсировали военные корабли Антанты. Оставался один путь — по воздуху. Коммунистическая партия Германии приобрела старый военный самолет, наняла двух летчиков. И вот однажды...

«...Наблюдатель аэродрома близ Режицы (ныне Резекне, Латвийской ССР) заметил в безбрежной синеве осеннего неба темную точку, — пишет в своих воспоминаниях Н. П. Шуман. — Вскоре донесся нарастающий гул мотора. К аэродрому приближался самолет. Чей он, не белых ли? Поднятые по сигналу тревоги летчики авиаотряда побежали к своим машинам. А неизвестный самолет, сделав круг, резко устремился вниз. На фюзеляже четко вырисовывался черный крест, окаймленный белыми полосами».

Самолет с немецкими опознавательными знаками подрулил к штабу авиаотряда. Из кабины вышли трое — летчик, механик и представитель Коммунистической партии Германии. Затем они принялись выгружать из самолета ящики с медикаментами.

— Ленину от трудящихся Германии, — сказал один из них.

Советские летчики тепло приняли гостей. Помогли разгрузить самолет, отправили немецких товарищей в Москву.

Через неделю гости вернулись обратно в Режицу. На летчиках были кожаные костюмы — подарок москвичей. На прощание гости сфотографировались с персоналом аэродрома.

— Немецкий самолет, — вспоминает Н. П. Шуман, — оторвался от советской земли и вскоре скрылся в облаках, увозя в Германию братский привет и благодарность трудящихся страны Ленина.

И. ЛУПАЛО,
Ю. ПОЛОЩУК,
сотрудники Музея Революции СССР

Письма Грумм-Гржимайло

Г. Е. Грумм-Гржимайло.

В этом году исполнилось 100-летие со дня рождения замечательного русского исследователя, путешественника и ученого Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло. Всю свою жизнь он посвятил исследованию труднодоступных районов Центральной Азии, мужественно перенося опасности и лишения. Но, пожалуй, наибольшей жертвой науке были те унижения, которые терпел исследователь при организации каждой новой экспедиции. Об этом красноречиво рассказывают письма Г. Е. Грумм-Гржимайло графу С. Д. Шереметеву, обнаруженные недавно в Центральном архиве древних актов.

На экспедицию 1889 года географическое общество выдало только 2 тысячи рублей, 6 тысяч рублей были получены в виде пожертвований, Грумм-Гржимайло добавил свои 500 рублей, вырученные от продажи ковров, микроскопа и разных альбомов. Но для экспедиции, рассчитанной на два года, и этих средств было недостаточно. Тогда путешественник скрепя сердце отправляет письмо к С. Д. Шереметеву с просьбой выслать ему 2—3 тысячи рублей.

Но С. Д. Шереметев ответил ученому отказом.

В Центральном военно-историческом архиве обнаружен отчет. Из него видно, с каким трудом вел исследователь геодезическую съемку местности, располагая только одним помощником вместо трех. И все же намеченная программа была завершена полностью. Экспедиция эта, продолжавшаяся почти два года, принесла Г. Е. Грумм-Гржимайло мировую известность. Русское географическое общество и Парижская академия наук присудили ему почетные премии.

В. ВИНОГРАДОВ,
А. СОЛОВЬЕВ

КТО ЗОДЧИЙ?

Кому в Свердловске не известен старинный особняк, знаменитый «харитоновский дом», описанный Маминым-Сибиряком в «Приваловских миллионах»! Здесь расположен ныне Дворец пионеров.

Недавно челябинский краевед И. К. Борисов обнаружил письмо бывшего владельца кыштымских заводов Зотова к управляющему заводами Деви. В письме сообщались любопытные подробности о строительстве харитоновского дворца.

«С начала 1796 года, — говорится в письме Зотова, — мой дед по матери Лев Иванович Расторгуев решил блеснуть перед екатеринбургской знатью, построить небывалый еще в городе дворец. Денег было уйма, но не было даровитого зодчего. Это затруднение дед мой и поведал начальнику канцелярии пермского губернатора. Тот ответил, что в тобольской каторжной тюрьме содержится государственный преступник, даровитый зодчий... Он считается умершим, можно знать только его номер. Да и сам узник под страхом наказания шпицрутенами — 500 ударами — не скажет своего имени и тем более звания. Встреча моего деда с узником состоялась... Через 12 лет дворец был готов».

Далее в письме сообщалось, что после строительства дворца «узник впал в гипохондрию и по дороге обратно на тобольскую каторгу повесился в тюменской пересыльной тюрьме...»

К. БОГОЛЮБОВ

Дворец пионеров в Свердловске — знаменитый «харитоновский дом».
Фото И. Тюфякова.

МОРЕ Я ЛЮБЛЮ

В центре — Алексей Максимович. Справа от него — капитан Б. Шульц. Рядом с ним — второй штурман Б. Левенштейн. В правом верхнем углу — старпом И. Сякки. Наверху, на плечах у моряков, внучки Горького Марфа и Дарья.

Случайно я узнал о существовании в Таллине редкой фотографии Алексея Максимовича Горького. Начал поиски. И вот вдова известного эстонского капитана Ивана Семеновича Сякки Розалия Густавовна показывает мне пожелтевшую от времени групповую фотографию. В центре ее — Алексей Максимович. Вокруг моряки советского торгового судна «Жан Жорес». На обороте дата — 13 мая 1933 года.

В начале мая 1933 года в письме Ромену Роллану из Сорренто Горький писал:

«Хотелось бы очень долго беседовать с вами, дорогой Роллан, но я должен собираться в Москву. Еду послезавтра морем на Одессу. Мне полезно будет покачаться неделю на товарном пароходе. Море я люблю. И — устал за эту зиму... Работы в Москве — гора!..»

В то время в итальянском порту Чивита-Веккиа стоял теплоход «Жан Жорес». Капитаном на нем был Бруно Шульц, старшим помощником — Иван Сякки, вторым штурманом — Борис Левенштейн (ныне заместитель начальника Эстонского государственного пароходства).

— Из Чивита-Веккиа нашего капитана вызвали в Рим к послу СССР в Италии В. П. Потемкину, — вспоминает Борис Осипович Левенштейн. — Вместе с ним в Рим поехал и я. Там нас ожидало радостное известие: в Генуе на наше судно сядут Алексей Максимович Горький, его сын Максим Алексеевич Пешков с женою Надеждой Алексеевной и внучки Горького Марфа и Дарья.

Для встречи Горького на вокзале в Генуе собралась масса народа. Пришли туда и мы с капитаном Шульцем. Тут же были сотрудники советского консульства, местный губернатор, гвардейский почетный караул. Когда поезд подошел к платформе, раздались возгласы: «Эввива Массимо Горки!» Повсюду были цветы...

На судне Алексей Максимович жил по строгому, им самим составленному распорядку. Каждое утро после завтрака он работал. В такие часы моряки буквально на цыпочках обходили капитанскую каюту, в которой поселился Горький.

Общими любимицами моряков стали внучки Горького. Целый день без устали бегали они по судну, заглядывали во все его уголки.

Утром 17 мая «Жан Жорес» ошвартовался в Одессе. На причалах состоялся торжественный митинг.

Из Одессы Горький уехал поездом в Москву. А когда «Жан Жорес», обогнув Европу, обратным рейсом прибыл в Ленинград, команду ожидала там телеграмма: «Большой привет. Спасибо за отдых. Исключительна заботливость капитана и всей команды теплохода «Жан Жорес» при переходе из Италии в Одессу. Горький».

Алексей Максимович прислал в подарок морякам несколько ящиков с книгами.

В. КУУС

Художественная выставка

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

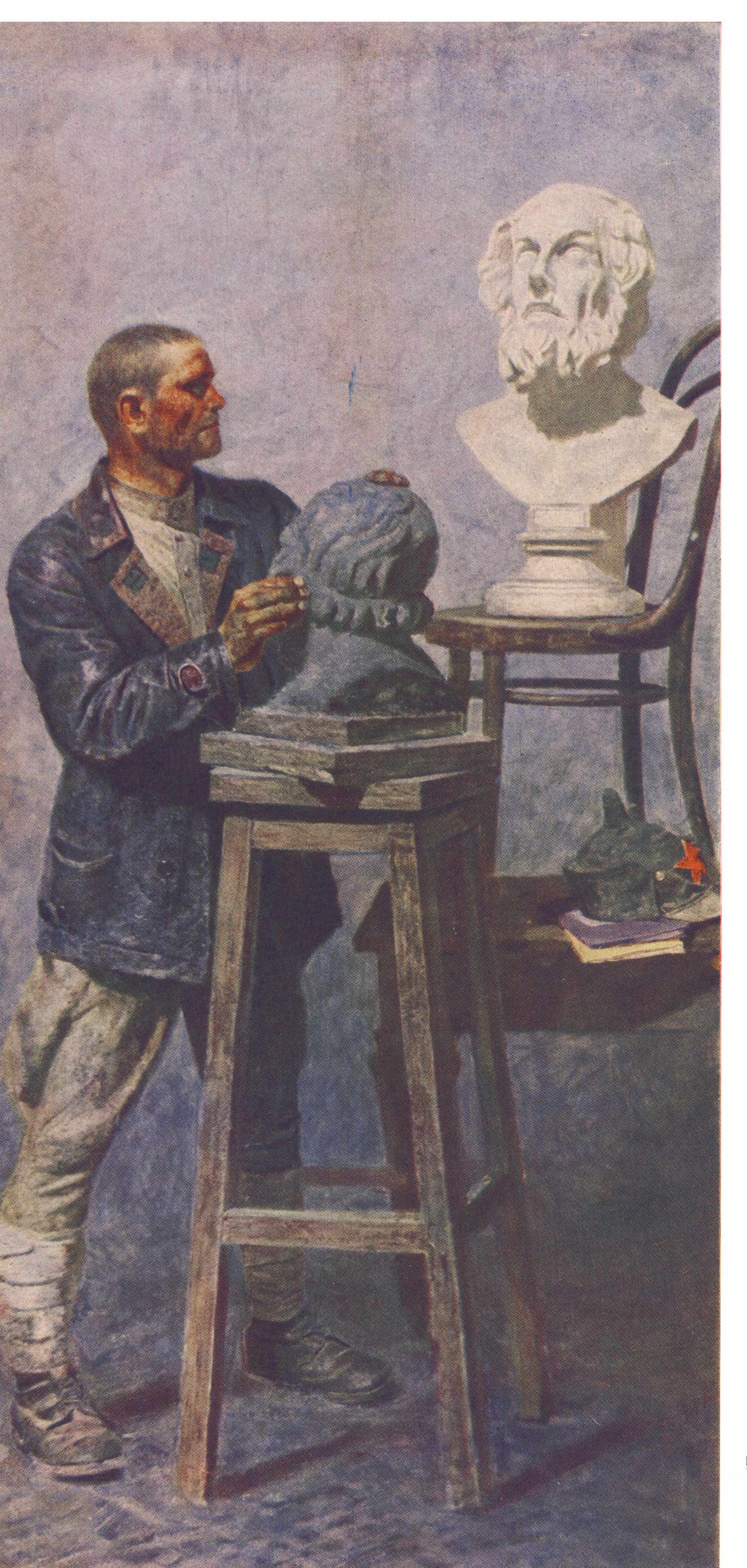

«Огонек». **Г. М. Коржев.** ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Г. М. Коржев. ПОДНИМАЮЩИЙ ЗНАМЯ.

Г. М. Коржев. ГОМЕР (РАБОЧАЯ СТУДИЯ).

СТОРОЖА

Рассказ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Не о тех сторожах, которые охраняют наши границы; и не о тех, кто на маяках; и не о тех, кто дежурит ночью около городских складов, надев тулупы и валенки, этот рассказ.

1

...Сторож сидит посредине поля на корточках и дует на огонь. Сыплются во все стороны искры. Бежит из-под закоптелого чугунка горький, серо-коричневый дымок. Сторож чуть что не дремлет, обхватив руками колени. Лицо у него задумчивое, не старое, но и не так чтобы молодое, спокойное и доброе.

Тут же, неподалеку, стоит его пастушья кибитка — дощатый дом на колесах. Крыша у этого дома острая, как крыша улья.

А вот и пчельник. Пчелиные дома вытянулись в рядок. У пчелиного ручья вьются пчелы, сталкиваются друг с другом мягкими плечиками. Их водопой — углубленьице, которое аккуратно выдолбил сторож в стволе поваленной осины.

«Пчела — животная природная»,— покачивая головою, думает сторож, сам удивляясь тонкости и прозорливости своих мыслей. И подкидывает сучья в огонь.

Над сторожем большое небо. Впереди и за плечами его безлюдное желтое поле в цветах подсолнуха.

Вправо и влево раскинулось оно необозримо. Нигде не видно ни хатки, ни хуторка.

Темнеет.

Скоро в небе зажгутся звезды. Но сторож не пойдет спать. Так и будет сидеть всю ночь в росистой траве и сторожить пчел от птицы щура, пчелиного волка, или худого какого человека.

Застрекочет земля, заведет свою нескончаемую ночную песню: «цви-вирк»... Но сторож не пойдет спать. Напьется браги или чаю с медком и будет всю ночь напролет жечь костры, поглядывать в небо, покуривать самокрутки...

2

...А вот другой сторож. Старик. Его Опанасом звать. Он одет в мохнатую с начесом шляпу и короткую женину кацавейку.

На баштанах, которые сторожит Опанас, не один, а целых два дома. Один из них — камышовый шалаш.

Дождь пойдет — сторож сейчас же спрячется в своем камышовом дому и втащит туда ружьишко.

Косенький, частый и мелкий дождь заливает поля и баштаны. А сторож — под крышей и рад-радешенек, когда кто-нибудь пройдет мимо.

— Зайди,— говорит.— Глядь, милок, какой у меня особняк подходящий! Давай посидим в сухости.

Старику охота поговорить. А поговорить не с кем.

В дни ясные он никого не может позвать к себе в дом. Его второй особняк похож на скворечню. В землю вбиты сваи, на них площадка, окруженная колышками. И впору в этом гнезде уместиться всего лишь одному человеку. Вот те и особняк.

Между землей и небом повис Опанас. В свету предрассветном ему хорошо видать огромный баштан.

Вот один кавун, а рядом — другой. Весь баштан зеленеет арбузами.

— То хорошо, конечно, оно неплохо,— невесть кому объясняет сторож.— Только если разрыть листьё, так разве вы понятие имеете?.. Сдвинь листок — кавун. А? Видал?! Сдвинь чуток — под рукой кавун. Еще пошарь — и там кавун. А вот те еще кавунишко: ма-а-хонький...

— Мерси покеда! — орет он обрадованно, завидев издалека хохлатку.— Еге-гей! Не про тебя, матушка. А раз так — попрошу об выходе.

Вот и поговорил.

А вокруг — небо, земля, кавуны. И тонкая, огненная, первая полоска восхода. Свет брызжет оттуда багрово и все расширяется.

Утро. Старик Опанас сидит угрюмо в своем гнезде и сердито оглядывает баштан.

Под солнцем, в тиши, под листьём, осторожно зреет кавун.

Ни птицы. Ни зайца. Ни человека. Худо дело: не с кем поговорить.

3

А есть на Кубани и эдакая сторожка: на брусьях, которые врыты в землю, прилажены две площадки. На верхней сидит восьмилетний сторож. Он одет в отцовскую гимнастерку с длинными рукавами. На голове у него военная пилотка. Сторожа зовут Иванек.

Внизу, у пыльных ног Иванька, раскинулось невиданное, неслыханное поле — все в кустах винограда. Кусты придерживает едва приметная проволока, чтобы не разрастались. Ветки гнутся к земле. Их тянут вниз грозди: розовые, винно-багровые и зеленые.

Сурово поглядывает сторож в пилотке на виноградник с высоты своего райка.

— Слезай, Ванятка, ужин несут,— говорит Иваньку отец (второй сторож на винограднике — заместитель главного сторожа Иванька).

— А не рано, батя?.. Как быдто рано?

— Не рано. Слезай.

И на самом деле, к сторожке уже во всю прыть бежит человек, сгибаясь под тяжестью заплечного мешка. Человеку лет девять. Он приехал сюда из дальней станицы.

— Ишь ты! — ухмыляется сторож Иван-отец.— Ты чей? Ты не здешний?.. А пятки твои, видать, салом смазаны... Хорош, небось, виноград?.. А как тебя звать-то?

— Василием.

— Василий?.. Ну что ж, Василий, не стесняйся, не убивайся. Виноград — оно, ясное дело, первое детское удовольствие.

И лицо у него суровое, а глаза хохочут. На груди у сторожа поблескивает медаль «За оборону Одессы», а в ухе — тяжелая серебряная серьга.

Но мальчик Василий из дальней станицы вовсе не смотрит на виноград. Он смотрит только на сторожа Иванька.

— Это ты волка споймал, Иван? — говорит он, глядя на Иванька расширенными глазами.

— А вот и споймал! — уклончиво отвечает ему Иванек.

На вкладках

Гелию Михайловичу Коржеву на днях исполняется тридцать пять лет. Это, в сущности, молодость...

А творчество его уже занимает, волнует людей, заставляет думать и говорить о нем... Картины Гелия Коржева на выставке «Советская Россия» неизменно вызывают у зрителей горячие споры и обсуждения. Есть в этих картинах приподнятость — лаконичная, суровая. Есть в них и своя художественная манера. Они словно чего-то не договаривают, предоставляя зрителю самому подумать, поразмыслить, а главное, прочувствовать то, что тронуло живописца, заставило его взять в руки кисть и краски.

Сложилась эта манера не просто и не сразу, хотя Коржев еще мальчиком посещал изокружок, а в тринадцать лет уже поступил в только что открывшуюся в Москве художественную школу...

В 1954 году на одной из молодежных выставок появилась картина Г. Коржева «В дни войны» — первое после окончания суриковского института произведение художника. Избранная им тема — стремление человека к светлому, вдохновенному творчеству в дни, самые тяжелые для страны,— уже здесь выразилась своеобразно, значительно...

Последующие творческие поиски Коржева шли в области жанра. Он написал картины «Осень», «Уехали». Но эти произведения не удовлетворили его. Он так и говорит о них: «...Мелкие переживаньица, незначительные, неинтересные герои». Коржеву хотелось попробовать силы в жанре героическом. И в 1956 году возник замысел «Интернационала».

Когда картина «Интернационал» была закончена, она показалась художнику фрагментарной. Тогда он решил создать триптих. Три картины, связанные одной идеей. В мастерской Коржева появились «Гомер» и «Поднимающий знамя» — холсты с первыми набросками... Художник работал над ними одновременно.

Он не хотел «прикреплять» сюжета этих картин к определенной исторической эпохе, определенному историческому факту. Он стремился рассказать о современнике, его чувствах и мыслях широко, обобщенно. Люди Коржева — поэты, бойцы, бесстрашные переустроители мира. Этим они и дороги нам.

4

...Волки роют в лесах, на лугах и в полях глубокие ямы — логова для своих волчат.

Ночью волчица выходит в поле, бесшумная и длинная, как тень. Она выгрызает арбузы, мнет травы и давит спелые дыни.

Дыни и арбузы по вкусу волчице, но особенно полюбился ей виноград.

Она объела бы весь виноградник, если б не сторож в своей сторожке. Завидев в поле, во тьме, два светящихся глаза, он палит из винчестера. И она убегает, оставив в траве кровавый след.

А на той неделе сторож Иван убил наповал волчицу.

Ее несли с виноградника, привязав лапами к ветке большого дерева. В пыли и щебенке волочились ее мертвый хвост и мертвая голова. За нею следом шел сторож и нес винтовку.

Бабы кричали:

— Ишь ты, гнида!.. Кустьё объела.

А ребята спрашивали:

— Дядь Иван, а дядь Иван, это ты вовчицу убив?

— Ка-акое! — отвечал он, блестя серьгой и глазами.— Ку-у-уда там?! Не я — Иванек!.. Самый главный сторож на винограднике.

А Иванек возьми и поверь. Так и отвечает всем:

— А вот и споймал!

5

...Ночь. Иванек спускается вниз и ложится спать, накрывшись отцовским зипуном.

Наверху сидит теперь отец-сторож. Поглядывает на поле и на звезды. Не видать нынче в поле зеленых огней — волчьих глаз. Только в небе огни — звезды.

Хороша ночь. Все вокруг стрекочет в дремотной тишине. Не шелохнется лист. Лишь под утро проснется ветер — и ну колыхать листки и ветки.

Утро. Иванек вылезает из-под отцовского зипуна и бежит на кухню за хлебом, затиркой и горячими клецками (его непременно угостит кухарка).

Он бежит, заспанный, по зеленым коридорам и коридорчикам, меж высоких зеленых стен.

Словно стеклянные, тронутые росою, умытые ею, свежие, глядят из зелени крупные ягоды винограда.

А у входа на виноградник раскинулся молодой сад, высаженный на месте старого сада. (Старый пожгли, отступая, фашисты.)

В молодом саду молодые яблони.

Наклонившись над самой махонькой яблоней, колдует что-то ученый садовник, выписанный в колхоз из города Киева.

— Дядь, а дядь, а это что за такое дерево будет? — спрашивает Иванек.

— Яблоня. «Донья Шпэт»,— отвечает садовник.

— Чего?!

— Сорт такой — «Донья Шпэт».

«До-о-онья Шпэт!» — повторяет про себя Иванек диковинное имя.

И бежит дальше.

6

...Иванек и сторож Иван неторопливо хлебают горячую затирку из общего казанка.

Поев, Иванек выбирает себе в тени местечко получше и снова, от нечего делать, ложится спать.

Ему снится сон. Ему снится про «Донью Шпэт»: как хорошо разрослось это маленькое деревце, высаженное после войны на колхозное поле.

Разрослось. Стало толстым. Расставило во все стороны большие, могучие руки, полные яблок.

7

...Иванек спит. Крепко пахнет землей и полынью от потоптанных, выжженных солнцем трав.

Это пахнет от яблони «Донья Шпэт». Она стоит у входа на виноградник.

И вдруг на нее наступает стая волков.

Оседая на лапах, блестя глазами, крадутся они к молодому саду.

И вздрагивают листки на молодой яблоне. Ее красные яблоки покрываются тонкой испариной, как ягоды винограда.

— Не плачь, моя Дуня! — просит ее Иванек.

— И как мне не плакать? — отвечает яблоня.— Там волки, волки, Иван.

— Не бойси, не бойси, Дуня,— говорит Иванек.— Мы этих волков... мы их палкой, рогаткой, каменьями...

Отец тотчас же выпаливает из винчестера.

Волк падает.

...Она стоит, высокая и прямая над жаркой землей.

— Иван, это ты, должно, волчицу убил? — говорит она голубиным голосом, похожим на голос кухарки, которая каждое утро угощает Иванька клецками.

— Иван, это ты убил?!..

— Убив! — отвечает ей Иванек.

8

...Иванек спит. Спит сладко под тенью большого дерева. Ему жарко. Во сне он сбрасывает отцовский зипун.

Он спит.

Но не дремлет сторож Иван. И другой — у пчелиных ульев. И третий — тот, говорливый, что на баштане. Повис в скворечне между землей и небом. И сердится.

Скучно ему: говорить охота, а не с кем.

9

...Не спят сторожа. Им некогда спать. Они охраняют травинки и колоски, виноградник и семена подсолнухов.

От птицы-щура, и волков, и от худого какого человека должны они оберечь богатства земли: кавуны, и дыни, и яблоню «Донью», анисовку, антоновку, и аниту (есть такой, не то итальянский, не то испанский, не то мексиканский, а может, голландский сорт).

«Яблоко — дело известное, самое первое детское удовольствие...»

Торжественно в тишине, под широким простором неба, под дождем и градом охраняют они богатства нашей великой Родины. Разговаривают с тишиной, с кавуном и хохлаткой. И думают свою думу — нескончаемую, как большие поля, как небо над головой нашей, как шелест трав и цвивирканье кузнечиков в великой тишине ночи.

Тихие в тишине полей, болтливые в своих птичьих скворечнях между землей и небом, ворчливые, удалые, лукавые, озорные, в стеганках, зипунах, душегрейках, бушлатах, рубахах, майках,— сторожа земли, сторожа луны, сторожа солнца.

Они сторожа тишины.

Они сторожа мира.

А зовутся они просто колхозные сторожа.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Гёте и Маргарита

О, этот мир, где лучшие предметы
Осуждены на худшую судьбу.
Шекспир.

Пролетели золотые годы,
Серебрятся новые года...
«Фауста» закончив, едет Гёте
Сквозь леса неведомо куда.

По дороге заглянул в корчму,
Хорошо в углу на табуретке.
Только вдруг почудилась ему
В кельнерше голубоглазой Гретхен.

И застрял он, как медведь в берлоге,
Никуда он больше не пойдет.
Гёте ей читает монологи,
Гёте мадригалы ей поет.

Вот уж этот неказистый дом
Песней на вселенную помножен!
Но великий позабыл о том,
Что не он ведь чертом омоложен.

Но Марго об этом не забыла,
Хоть и знает пиво лишь да квас:
— Раз уж я капрала полюбила,
Не размениваться же на вас!

Зависть

Что мне в даровании поэта,
Если ты к поэзии глуха,
Если для тебя культура эта
Что-то вроде школьного греха!

Что мне в озарении поэта,
Если ты для быта создана:
Ни к чему тебе, что в гулах где-то
Горная дымится седина!

Что мне в сердцеведенье поэта,
Что мне этот всемогущий лист,
Если в лузу, как из пистолета,
Бьет без промаха биллиардист!

Тигр

Обдымленный, но избежавший казни,
Дыша боками, вышел из тайги.
Зеленой гривой он повел шаги,
Заиндевевший. Жесткий. Медно-красный.

Угрюмо горбясь, огибает падь,
Всем телом западая меж лопаток,
Взлетает без разбега на распадок
И в чащу возвращается опять.

Он забирает запахи до плеч,
Рычит —
не отзывается тигрица...
И снова в путь. Быть может, под картечь.
Теперь уж незачем ему таиться.

Вокруг поблескивание слюды,
Пунцовой клюквы жуткие накрапы.
И вдруг — следы... Тигриные следы...
Такие дорогие сердцу лапы...
Они вдоль гривы огибают падь,
И словно здесь для всех один порядок,
Взлетают без разбега на распадок
И в чащу возвращаются опять.

А он—по ним! Гигантскими прыжками!
Веселый, молодой не по летам!
Но невдомек летящему, как пламя,
Что он несется по своим следам.

Молдавская песня

У коня дыханье, как у девушки.
Только что мне от такого проку?
Расступитесь, дубушки-дерёвушки,
Дайте непутевому дорогу!

Но не сыщешь тропку ту заветную,
Голубкам не ворковать на ветке...
Все равно ты гордою, запретною
Для меня останешься навеки.

И зачем живу на белом свете я,
За версту твой хутор объезжая?
Эх, кабы моложе на столетия
Были мы с тобой, моя чужая!..

Я б не стал над арчаком сутулиться,
Знать не знал вот этой дикой боли:
Подхватил бы я тебя на улице,
Кинул на седло — и ветер в поле!

Пусть тогда с легавыми да гончими
Вся меня округа бы сковала,
Пусть хотя бы пулею прикончили —
Ты по мне на крик бы тосковала...

Еврейская мелодия

Спасибо за тяжелый сон,
Который ты мне подарила:
Как обессиленный Самсон,
Лежал я пред тобой, Далила.

А впрочем, что мне в сказке сей?
Развей я хоть двенадцать дюжин,
Тебе я попросту не нужен
Со всею силою своей.

И все же ты сыграла роль
Далилианскую отчасти...
Благодарю тебя за счастье,
Хоть это счастье — только боль.

Стихотворцу-неудачнику

В стихах не Пушкин ты, а Пущин,
Но не спеши несчастным быть:
Талант не всякому отпущен,
Но каждому дано любить.

Любовь же — это вдохновенье,
Дурманящее, словно дым,
Как солнце, льющееся в вены
Бродящим хмелем золотым.

И занеможешь ты... И ты
Раскроешь сонные ресницы
И так почувствуешь цветы,
Как и поэтам не приснится.

А что слова? Не суесловь!
Влюблен? Так, значит, нет проблемы!
Меняю все свои поэмы
На шалости твои, Любовь.

* * *

Б. Я. С.

Мечта моей ты юности,
Легенда моей старости...

Но как не пригорюниться
В извечной думе-наросте
О том, что юность временна,
А старость долго тянется,
И кажется, совсем она
При мне теперь останется!

Но ты со мной, любимая!
И как судьба ни взбесится,
В который раз из дыма я
Прорежусь новым месяцем
И стану плыть в безлунности
Сиянием для паруса.

Мечта моей ты юности,
Легенда моей старости!

Береза

Березка в розоватой коже
Стоит, сережками струясь,
А на березке — темный глаз,
На око девичье похожий.

Однажды, перейдя межу,
Я шел по молодому лугу,
Но увидал. Но подхожу —
И мы глядим в глаза друг другу.

Она как будто вся горит,
Как бы испытывает: струшу?
Заглядывает прямо в душу
И... только что не говорит.

И — черт возьми! — не знаю сам,
Но я подпал под обаянье
Простого дерева. Глазам
Березы этой изваянье
Предстало, точно древний рок!

Так женственно сияло тело,
Так горестно она глядела,
И был в зрачке такой упрек,
Что я смутился и пойти
Решил не лугом, а деревней,
Как будто встретился в пути
С завороженною царевной.

* * *

Пускай не все решены задачи
И далеко не закончен бой —
Бывает такое чувство удачи,
Звериности сил, упоенья собой,
Такая стихия сродни загулу,
В каждой кровинке такой магнит,
Что прикажи вот этому стулу:
«Взлететь!» — и он удивленно... взлетит.

Раньше литовские рыбаки не уходили далеко в море. Их небольшие суденышки бороздили прибрежные воды Балтики. Советская власть внесла существенные изменения в жизнь тружеников моря. Сменив весельные лодки и баркасы на современные океанские суда, они круглый год ведут лов за тридевять земель от родных берегов в необозримых просторах Атлантики, днем и ночью, среди льдов и айсбергов, в туманы и штормы.

Если в самый удачный для буржуазной Литвы 1938 год было выловлено двадцать шесть тысяч центнеров, то теперь добыча самой разнообразной рыбы выросла в десятки раз!

Фото А. РАЧКАУСКАСА.

Матросы «СРТ-86» Измаил Зинуров (слева) и Леонас Лукотявичус вместе с друзьями еще в начале апреля выполнили полугодовой план добычи рыбы.

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

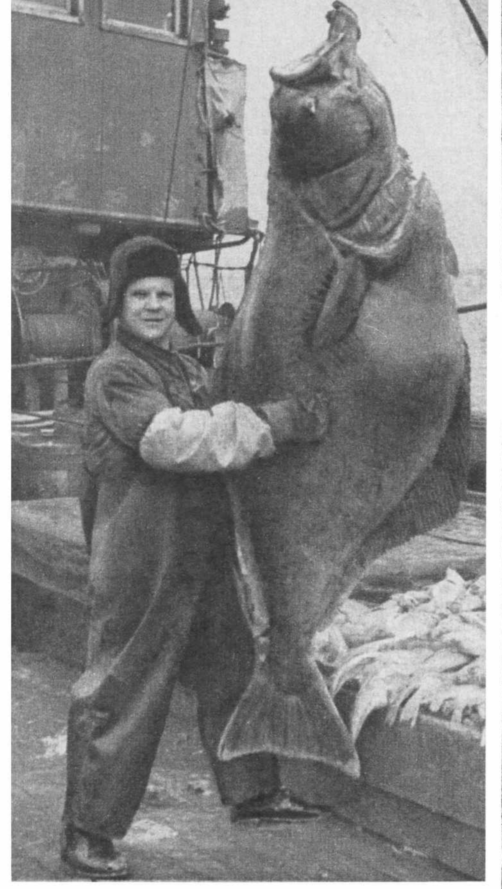

На флагманской плавучей базе «Советская Литва».

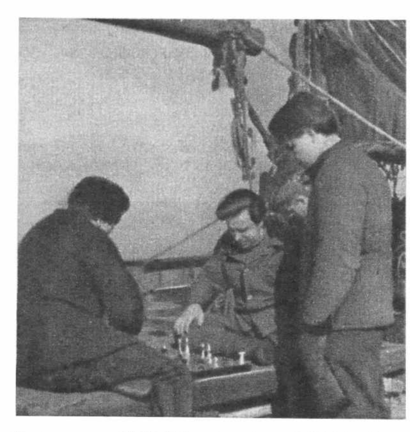

По пеленгу на большую рыбу...

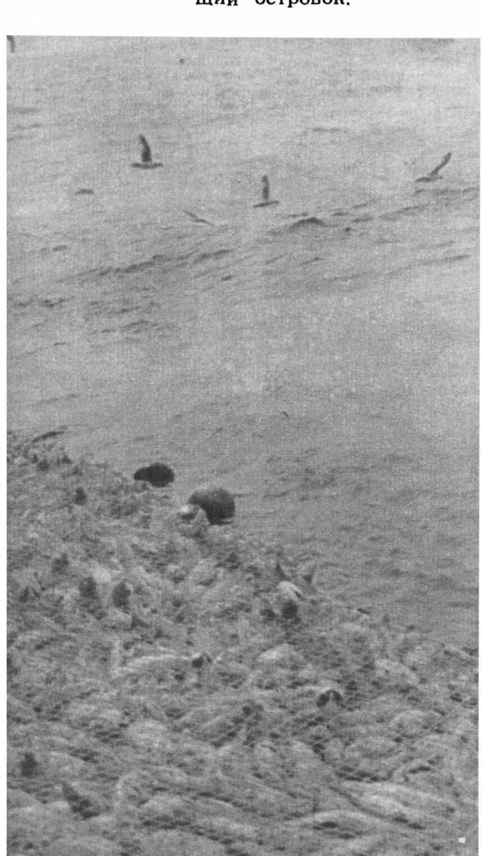

Разная рыба попадает в трюм. Но вот такой великан (он весит двести килограммов) — редкость.

Экипаж «СРТ-22» решил после весеннего рейса не отдыхать. В открытом море провели небольшой ремонт и с Северной Атлантики перекочевали к берегам Канады ловить окуня. Но на переходе можно и поиграть в шахматы.

Богатый улов повышает настроение. Даже усталость пропадает в те минуты, когда за бортом появляется такой большой трепещущий островок.

ИДЕТ НОВЫЙ РУБЛЬ

Я. МИЛЕЦКИЙ

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ!

Председатель Правления Государственного банка СССР А. К. Коровушкин встал из-за письменного стола, прошел в соседнюю комнату и вынул из массивного несгораемого шкафа небольшой альбом в скромном переплете и продолговатую плоскую коробочку. Вернувшись в кабинет, он положил их на стол и сказал:

— Это образцы новых советских денег, которые вводятся по постановлению пятой сессии Верховного Совета СССР.

Пройдет несколько месяцев, наступит праздничная новогодняя ночь, и дед-мороз принесет советским людям много новых рублей, самых устойчивых, какие когда-либо существовали в истории Советского государства. Но пока эти образцы в альбоме и коробочке являются уникальными: они только что получены с московской фабрики «Гознак» и ленинградского Монетного двора. Вот почему рассматриваешь их с таким интересом и любопытством. И проникаешься уважением к этим новеньким, хрустящим билетам не только потому, что они красивы и изящны, но прежде всего потому, что они в десять раз дороже, крепче и полноценнее, чем те, которыми мы пользуемся сейчас.

По своему размеру новые деньги намного меньше теперешних. Смотришь на них, и невольно приходит на ум старая русская пословица: мал золотник, да дорог!

Вот казначейский билет в один рубль. Быть может, по своей расцветке он чем-либо и напоминает нынешний, но когда я кладу их рядом — старый и новый, сразу становится очевидным, насколько молодой рубль превзошел своего предшественника не только по ценности, но и по внешнему виду.

Трешка... Как-то неловко даже назвать так этот красивый зеленький билет с изображением Кремлевского дворца, и хочется невольно с уважением назвать его полным именем — три рубля. Купюра в пять рублей, как и называют ее в народе, синенькая. По размеру она несколько больше своих младших сестер, а силы в ней, как в нынешних пятидесяти рублях. Десятка, как и полагается, красненькая. На ней портрет основателя нашего государства Владимира Ильича Ленина.

Переворачиваю страницу за страницей. Вот банковский билет в 25 рублей. За ним пятидесятирублевая купюра, она зеленого цвета. Я замечаю, что вместо номера на ней отпечатаны нули: это образец.

А вот и сотня! По размеру она, пожалуй, меньше нынешней десятки, а по ценности равна тысяче!

На казначейских и банковских билетах стоит цифра «1961». Эту же цифру мы видим и на блестящих монетах, когда приподнимаем крышку плоской коробочки: на темном бархате, словно драгоценности, расположились девять пар монет двумя своими сторонами — «орлом» и «решкой».

Рубль — самая крупная металлическая монета. Она, однако, невелика по размеру. Полтинник, естественно, меньше. За ним следуют его младшие братья — один другого красивее. Завершает эту своеобразную коллекцию крошка-копейка, которая будет теперь по-настоящему рубль беречь.

— Какая разница между казначейскими и банковскими билетами? — спрашиваем мы председателя Правления Госбанка.

— В настоящее время, по существу, между ними нет экономической разницы,— отвечает А. К. Коровушкин,— сохранилось лишь формальное различие.

Выпуск в обращение тех и других осуществляет Государственным банком СССР строго по плану и носит кредитный характер. Казначейские билеты уже много-много лет не используются на покрытие бюджетного дефицита, которого в нашей стране давно нет и не может быть.

На банковских билетах указано, что они обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами Государственного банка, а на казначейских билетах — один, три, пять рублей — всем достоянием Советского Союза. Но практически в условиях плановой социалистической экономики все советские деньги обеспечиваются не только золотом и драгоценными металлами, но и прежде всего огромной массой товаров, принадлежащих государству, продаваемых по устойчивым плановым ценам. Обеспечение советских денег самое прочное, как ни в какой другой стране мира.

— А вот и цифры, подтверждающие эту мысль. Вклады населения в сберегательные кассы ежегодно растут. К началу этого года они превысили 105 миллиардов рублей против 87 миллиардов в начале 1958 года и около 64 миллиардов в начале 1957 года. Денежное обращение в нашей стране находится в таком хорошем состоянии, в каком оно еще никогда не было.

— Какие причины вызвали необходимость изменить масштаб цен и заменить в связи с этим ныне обращающиеся деньги на новые?

— Их можно свести к двум группам: причины экономические и организационно-технические. В настоящее время разрабатывается перспективный план развития СССР на двадцать лет. Для такого движения вперед нужно в полной мере использовать все экономические рычаги. Среди них советским деньгам принадлежит важная роль. Укрупнение масштаба цен и выпуск новых денег создадут еще большую заинтересованность трудящихся в повышении производительности труда и в бережливом отношении к каждой копейке. Повысится золотое содержание рубля, и он по своей покупательной силе займет одно из первых мест среди валют других стран мира. Повысится роль денег как одного из важнейших инструментов для всемерного развития экономики нашей страны и на этой основе роста благосостояния советского народа.

Теперь об организационно-технических причинах, имеющих непосредственную связь с экономическими. Наше народное хозяйство развивается так бурно, что характеризующие его цифры выражаются во множестве знаков. Так, в 1965 году розничный товарооборот в стране превысит триллион рублей. Государственный бюджет СССР также достигнет в ближайшие годы триллиона. Гигантские масштабы роста производства и обращения товаров ярче всего отражаются на деятельности Государственного банка. В среднем ежедневно в кассы банка поступает и из касс выдается несколько миллиардов наличных денег. Безналичный платежный оборот между предприятиями исчисляется триллионами рублей. Годовой оборот по всем счетам баланса Государственного банка выражается уже десятками триллионов...

Но о том, какие возникают трудности при оперировании этими огромными цифрами, вам, пожалуй, лучше всего расскажет главный бухгалтер Государственного банка...

РАЗГОВОР С ГЛАВНЫМ БУХГАЛТЕРОМ

В руках у Сергея Ефимовича Плешакова, главного бухгалтера Госбанка СССР, я увидел небольшую книгу в синем переплете. Непосвященный никогда не предположил бы, что это банковский баланс: ведь мы представляем его обычно в виде «гроссбуха» — толстой книги большого формата. Но это был именно он, и сорок четыре страницы его состояли из сплошных цифр.

— В балансе есть шестнадцатизначные цифры, и оперировать ими не так-то просто,— сказал главный бухгалтер, перелистывая страницы.— Даже счетные машины и те захлебываются от множества цифр и словно кричат о сокращении их.

Банк обслуживает свыше семисот тысяч предприятий и учреждений. Он совершает ежедневно около четырех миллионов операций. Каждый банковский документ записывается в нескольких счетах. Легко понять, как много хлопот доставляют бухгалтерам многозначные цифры! Конечно, основную бухгалтерскую работу выполняют сейчас счетные машины. Но ведь за ними сидят операторы, и они делают ежедневно множество ударов по клавишам машин. Сокращение цифры на один знак — а именно это произойдет после выпуска новых денег — означает уменьшение и числа ударов оператора. Для нас это — большое дело. А знаете, сколько бухгалтерских работников в четырех тысячах учреждений Госбанка? Около 48 тысяч! Это только в банке. А если взять бухгалтеров по всей стране,— целая армия!

Теперь о кассирах и о том, как облегчится подсчет денег. Бухгалтерский учет можно механизировать. Для подсчета металлических денег изобретены машины. Есть такие, которые сами и упаковывают разменную монету. А бумажные деньги? Их приходится считать человеку без помощи машины. В учреждениях банка занято 22 тысячи кассиров, и им станет намного легче. А сколько кассиров на предприятиях, в учреждениях? Получает, например, заводской кассир миллион рублей на выплату зарплаты. Поди сосчитай миллион! А теперь — всего сто тысяч новыми деньгами. Деньги маленькие, да удаленькие! Их и привезти проще и подсчитать легче.

Еще одно немаловажное соображение. Знаете, какие купюры сейчас самые ходкие? Рубль, три, пять, десять... Их мы называем массовыми купюрами. А с введением новых денег они в значительной мере заменятся монетами, с их подсчетом и упаковкой легко справятся машины. Выпуск таких машин намного увеличится. Они появятся не только во всех отделениях банка, но и на крупных предприятиях.

Звонкая монета займет в денежном обороте страны почетное место. Так что запасайтесь кошельками, как в старину наши дедушки и бабушки. Многое изменится с введением новых денег! Сто рублей, например, станет редкой купюрой — это ведь теперешняя тысяча! Попробуй ее разменять...

Теперь об «умных» машинах, которые помогают нам, бухгалтерам. В учреждениях банка машин очень много. Счетно-клавишные можно увидеть даже в Тикси или Анадыре, в Якутии и в других самых отдаленных районах Востока и Сибири. В Москве есть фабрика механизированного учета. На ней работает более 200 машин, и среди них много новейших табуляторов, имеющих счетчики для одиннадцатизначных цифр. Этого, однако, мало. Нередко для крупных подсчетов приходится спаривать машины. Только тогда цифра, как мы говорим, «вписывается» в счетчик. При новом масштабе цен одиннадцатизначные счетчики вполне достаточны будут для подсчета цифр.

Новые деньги уже поступают в банковские кладовые. Определена потребность в новых денежных билетах и в разменной монете по каждой республике, краю, области, городу и району. Деньги должны быть доставлены во все уголки Советского Союза с таким расчетом, чтобы в один и тот же день — 1 января 1961 года — они появились повсюду.

Мельбурн—Москва—Ф

Василий КУЗНЕЦОВ,
рекордсмен мира по десятиборью

Название, которое дал Василий Кузнецов своим запискам, вполне определяет их тему. Сильнейший десятиборец мира рассказывает о своем пути, о борьбе с известными десятиборцами мира — американцами, о новой встрече с ними, на сей раз в Риме, на XVII Олимпийских играх.

Мельбурн...

...Автобус петляет по асфальтированной дороге от олимпийской деревни к стадиону. Я очень нервничаю. Даже больше, чем надо бы. Чувствую, что начинает укачивать. Скорее бы на воздух!

Обстоятельства сложились таким образом, что до олимпиады мы мало знали о возможностях двух сильнейших американских десятиборцев, Кэмпбелла и Джонсона, плохо представляли себе, в какой форме они находятся. Пресса молчала. Но было ясно, что рекорд Европы, который мне к тому времени удалось установить, где-то на уровне возможностей американских чемпионов и поэтому нет оснований без боя отдавать им золотую медаль.

До Олимпийских игр я считал себя уже достаточно «стреляным воробьем» и надеялся, что опыт первенства Европы 1954 года многому научил меня. И прежде всего тому, что, не преодолев страха, не победишь. Понял я также, что прежде всего необходимо победить самого себя: показать результаты лучше лучших, а потом уже оглядываться...

И все-таки на разминке выясняется, что самочувствием похвалиться я не могу. Волнение мешает собраться с силами.

Вот Рафер Джонсон — один из фаворитов состязания. Уже три года он держит мировой рекорд в десятиборье — 7 985 очков. Сейчас ему 20 лет, он полон сил и, как видно, находится в хорошей форме, хотя и ходят слухи, что у него болит нога. Сто метров он пробегает за 10,3 секунды, да и Кэмпбелл — отличный спринтер. В этом я смог убедиться довольно быстро, оказавшись на третьем месте. А ведь стометровка — первая нота в аккорде десятиборца! Возьмешь ее, не сфальшивив, и вся песня хорошо сложится.

В первый день мне не удалось блеснуть ни в прыжках в длину, ни в последующих видах. А на другой день, хотя я и опередил двух негров в метании диска, но результат был все равно значительно ниже обычного.

Лучше других я метнул и копье, но отыграть потерянные очки было невозможно. Окончательный итог: на первом месте Милт Кэмпбелл, на втором — Рафер Джонсон, на третьем — я.

После соревнований Кэмпбелл утешал Джонсона: «Успокойся. Ты теперь наверняка в Риме будешь первым». Счастливый Милт опирался, видимо, на собственный опыт. Если в Хельсинки в 1952 году он был вторым за Мэтиасом, а через четыре года, в Мельбурне, на XVI Олимпийских играх, стал первым, то и Рафер, получивший сейчас серебряную медаль, мог рассчитывать на триумф в городе, в который, как утверждают, ведут все дороги.

Москва...

Немало еще минут и секунд отмерили судейские секундомеры после нашей поездки на зеленый континент, как называют Австралию, пока я наконец смог добиться первой, по-настоящему большой победы. Весной 1958 года на легкоатлетических соревнованиях в Краснодаре мне посчастливилось первому среди десятиборцев превзойти восьмитысячный рубеж и установить новый мировой рекорд — 8 014 очков.

Некоторое время я был безгранично счастлив. Но потом спохватился: установить-то мировой рекорд легче, чем его удержать! И для этой мысли были все основания: приближался матч между легкоатлетами США и СССР в Москве, новый поединок с Рафером Джонсоном.

...На аэродроме встречаем наших гостей. Ищу глазами могучую фигуру Джонсона. Вот он — с лакированным чемоданом, в широком плаще. Здороваемся, как старые знакомые. Договариваемся встретиться на тренировке... И вот последние разминки позади. Мы на старте.

Как «работал» этот могучий негр! Не мог он, видимо, смириться с тем, что у него отобрали мировой рекорд. Рафер молчалив, сдержан и как бы все время прислушивается к себе самому, к тому, что творится в глубине его сердца, в каждой из великолепно выточенных мышц.

После первого дня мы оба набрали отличные суммы: у Джонсона — 4 529, у меня — 4 420. Пока все складывалось благополучно.

И вот тут-то стряслось несчастье. В разминке, преодолевая барьер, я подвернул ногу. Отказаться от борьбы? Наоборот! Надо скрыть, что случилась беда. Иначе Джонсон сразу получит большое моральное преимущество. Так пусть все идет, как и прежде.

К метанию диска нога так разболелась, что на нее нельзя было опереться. Вот почему две первые попытки получились плохо — и только в последней, стиснув зубы, удалось показать более или менее сносный результат — 47,17 метра.

Несмотря ни на что, я был близок к победе. Но в метании копья Джонсон превзошел самого себя. Он послал снаряд на 72 метра 59 сантиметров и тем самым обеспечил себе первое место. Джонсон победил, да еще с новым мировым рекордом. Мой рекорд был перекрыт на 288 очков! В раздевалке я поздравил Джонсона. Мы поцеловались. Каждый понимал, что поединок не окончен. Но даже успех Джонсона не смог изменить общего итога матча, который закончился победой советской команды. Сенсация номер один в спортивных кругах мира!

И вот позади первенство Европы в Стокгольме, где мне удалось завоевать золотую медаль, и первенство страны в Тбилиси, когда мною был установлен новый всесоюзный и европейский рекорд — 8 042 очка. Но это всего лишь «разминка». Надо готовиться к главному — к штурму рекорда Джонсона. И день этого штурма пришел. 16 мая 1959 года на стадионе в Лужниках я взял старт.

Шел дождь. В самый разгар соревнования приходилось прятаться под плащом, убегать под трибуны, держать у груди шиповки, чтобы они не намокли. В каком состоянии находилась дорожка, я даже не берусь описывать. Грязь килограммами налипала на подошвы.

Только иногда дождь делал паузы, и мы старались их использовать. Сто метров я пробежал за 10,7 секунды. Начало обнадеживало. В длину прыгнул тоже неплохо — 7 метров 35 сантиметров. После трех попыток в толкании ядра — результат 14 метров 68 сантиметров. Переходим на прыжки в высоту. Заботливые хозяева стадиона укрыли сектор огромными брезентовыми полотнищами, и это помогло мне достичь лучшего результата — 189 сантиметров. Собрав все силы, бег на 400 метров я закончил за 49,2 секунды.

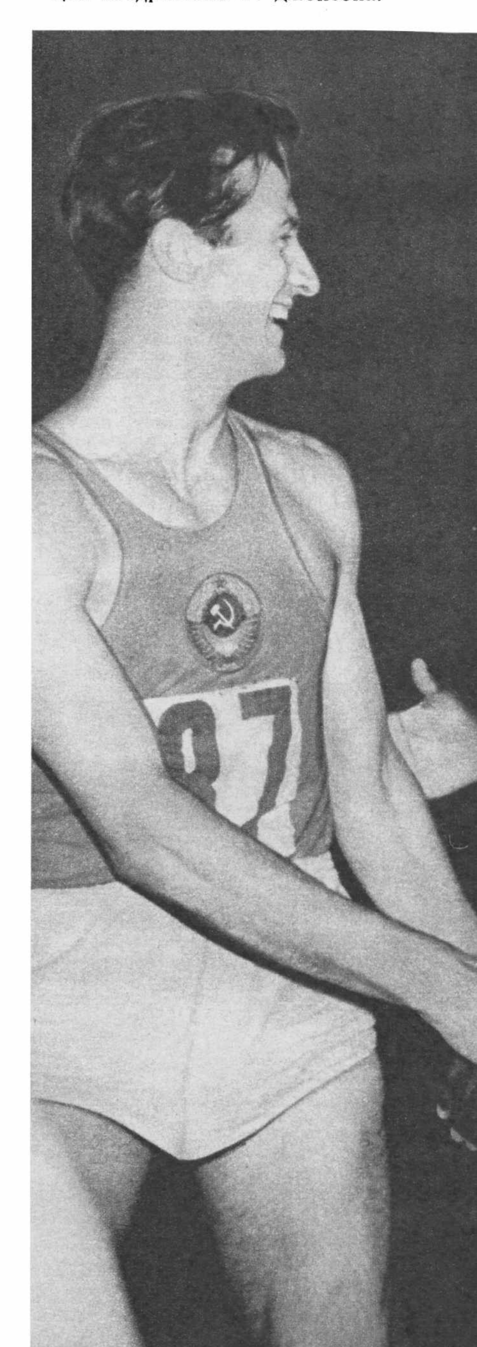
Быстро снимаю шиповки, ступни горят. Медленно иду по мягкой прохладной траве. Жду, что объявят по радио. Объявляют: после пяти видов я набрал 4 575 очков. Это на 46 очков больше, чем в графике Джонсона. Даже ногам стало легче.

...И опять упираюсь в колодки, руки у стартовой черты. Справа — Кутенко, мой постоянный спутник почти на всех крупнейших соревнованиях. Впереди — длинный ряд барьеров, ровная ребристая лента. «Внимание! Марш!..» Результат — 14,7 секунды.

У Волкова, моего тренера, график выступления Джонсона и мои результаты. Впрочем, заглядывать в записки и не нужно. Диктор старательно и подробно разъясняет ситуацию. А она такова: после барьерного бега у меня в запасе 100 очков. Я словно взвешиваю их на ладони, но нет, в руке не цифры, а диск. Его надо метнуть как можно дальше. Удастся ли это? Чувствую, что усталость разлилась по телу. И забыть о ней нет никакой возможности, избавиться — тем более. И вот следствие — две попытки неудачны. Теперь все решает третья. Если и ее не удастся использовать, то Джонсон может не волноваться. Надеваю тренировочный костюм (надо сохранять тепло), медленно прогуливаюсь (надо собраться с мыслями), сажусь на скамейку, вытягиваю ноги (надо вернуть им легкость). Вхожу в круг. «Надо все движения выполнять спокойно, технично, как на тренировке»,— убеждаю себя. И это удается. Диск шлепается метрах в 50 от круга.

Судья натягивает рулетку — 49 метров 94 сантиметра. Это на 88 сантиметров дальше, чем бросил Джонсон в прошлом году в Москве. И в прыжке с шестом я преодолел высоту на 25 сантиметров большую, чем мой заокеанский соперник. Теперь наш заочный поединок достиг высшей точки напряжения. У меня в активе 269 очков. Надо побить последний козырь Джонсона — копье!

Тихо стало на стадионе, когда я приготовился сделать решающий бросок. Разбегаюсь и стреляю копьем в небо. Несколько мгновений все тихо. Но вот где-то на самой верхней точке полета копья, пронзающего пасмурный, влажный воздух, вдруг вспыхивают крики. Кажется, удалось! 65 метров 6

После встречи в Москве. В. Кузнецов поздравляет Р. Джонсона.

иладельфия—Рим

сантиметров пролетел снаряд. Это хуже, чем у Джонсона, но про запас остаются спасительные 53 очка. А впереди последний вид десятиборья, пусть самый тяжелый, но последний,— бег на 1 500 метров.

...Побежали. Каждый шаг дается с неимоверным трудом. Растеряю ли я драгоценные очки здесь, в финале труднейшего соревнования? Слышу, как кричат мое имя. Это незнакомые люди хотят, чтобы я побил мировой рекорд Джонсона. Я тоже этого хочу.

Заканчиваю дистанцию последним. Но в десятиборье я первый, первый не только на этих соревнованиях, но и вообще в мире! Джонсон побит на 55 очков! Отныне мировой рекорд вернулся из-за океана на мою Родину. Теперь он равен 8 357 очкам!

Темнеет. Вспышки блицев сливаются в мерцающее белое сияние. Кто-то обнимает меня, кто-то пожимает руки. Надо что-то сказать корреспондентам. Говорю, что постараюсь улучшить мировой рекорд в Филадельфии, а может быть, на Олимпийских играх в Риме. Да, впереди Филадельфия. Стадион «Франклин Филд»

Очная встреча с Джонсоном на матче СССР — США...

Через несколько дней после этого события редакция газеты «Советский спорт» по телефону связалась с Калифорнийским университетом в Лос-Анжелосе, где учится Джонсон, и провела с ним беседу, в которой экс-рекордсмен мира сообщил, что американские газеты много пишут о моем рекорде.

Я знал, что, пожелав мне успеха, Джонсон тут же пойдет на стадион и будет тренироваться. Но на сей раз нашей встрече, которой с таким интересом ждали все любители спорта, не суждено было состояться. Незадолго до отъезда в США стало известно, что Рафер Джонсон вместе со своим младшим братом Джимом попал в автомобильную катастрофу и находится в больнице.

Филадельфия...

И вот мы в Филадельфии...

Соперников, с которыми нам предстояло встретиться, мы знали хорошо, но какую тактику применить против самого сильного и коварного нашего врага — жары и духоты, против непривычного филадельфийского климата?..

Наконец настала торжественная минута. С двух сторон на зеленое поле стадиона выходят команды. Впереди плывут государственные флаги. Гремит выстрел из старинной медной пушки. Соревнования начинаются.

Я был очень возбужден, когда приехал на стадион. Перерыв между разминкой и первым стартом показался мне вечностью. А сегодня силы мне нужны не только для себя. Рядом выступает отличный легкоатлет, один из лучших прыгунов в длину, но молодой десятиборец Игорь Тер-Ованесян. Он будет равняться по мне.

Стометровку первым закончил Игорь. Он показал хорошее время — 10,7 секунды. На метр отстали американец М. Хэрмен и я. Второй американец, Д. Эдстрем, был четвертым.

В прыжках в длину Тер-Ованесян снова сумел опередить всех и стал лидером после двух видов. Однако мне удалось взять реванш в толкании ядра. 15 метров 48 сантиметров — такого результата я еще никогда не достигал! И рекордный график был сразу же превышен на 234 очка.

Душно! То и дело приходится вытирать лицо: пот заливает глаза, а впереди в воздухе — планка. Прыжки в высоту требуют полнейшей собранности...

Я описываю ход борьбы только в десятиборье, но напряженный спортивный спор вели мои товарищи — бегуны, прыгуны, метатели. В итоге первого дня команда СССР вела со счетом 81 : 77. Удалось и мне закончить первый день победой, набрав 4 625 очков — на 50 очков больше, чем весной в Москве. А на следующий день, едва десятиборцы успели «отметаться» в диске, как на стадион упали первые дождевые капли. Когда же мы начали прыжки с шестом, хлынул ливень. Сколько уже раз приходилось вести мне спор со стихией! Вот и теперь пришлось, захватив с собой шест, чтобы он не намок, перемахнуть через загородку и укрыться под козырьком трибуны. Ливень кончился, но продолжал моросить мелкий дождь. Прыгать с шестом в таких условиях все равно что цепляться за мокрые поручни трамвая. Так же сложно метать копье. Оно норовит выскользнуть из руки на несколько мгновений раньше, чем это надо. Но что поделаешь! Если весной в Москве я имел после девяти видов 8 125 очков, то теперь набрал на 12 меньше. Это значило, что 1 500 метров надо пробежать не за 5 минут 4,6 секунды, а на 2 секунды быстрее. Задача трудная, а тут с новой силой хлынул дождь.

Вперед уходит Эдстрем. Меня «тянет» Игорь. Слышно, как позади разбрызгивает лужи Хэрмен. Больше половины дистанции выдерживает Игорь слишком быстрый для нас темп. Но вот он оборачивается и шепчет:

— Вася! Вперед! Не могу больше!

Теперь я один. Впереди завеса дождя. Ревут трибуны. Вдруг острая боль пронзает ногу. Начинается судорога, я узнаю эту непрошеную гостью. Выхожу на последнюю прямую. На трибунах все встают, несется оглушительный крик. Доплетаюсь до финиша и сразу перехожу на шаг.

Срываю мокрую майку, стаскиваю шиповки. Кто-то берет меня под руку и не дает остановиться. Это американцы беспокоятся о моем сердце.

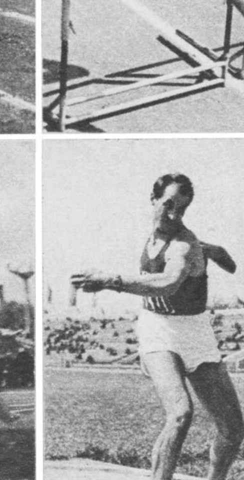
Объявляют результат: 5 минут 3,8 секунды. Вздох разочарования проносится над стадионом. Какая неудача! Всего семи очков недостает до мирового рекорда! Да, но рекорд Джонсона я все же перекрыл! На глазах всей Америки! Ах, если бы не дождь! Обидно быть побежденным дождевыми каплями...

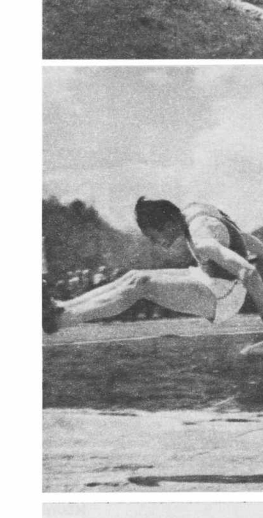
Рим...

Сейчас и Джонсон и я готовимся к новой встрече. Недалек тот день, когда над Римом взовьется олимпийское знамя. Прошло четыре года после нашего знакомства на Олимпийских играх в Мельбурне. Многого мы достигли за это время, ну что же, тем интереснее будет предстоящая борьба! Рафер, как всегда,— грозный соперник. Последствия болезни, как видно, им преодолены. Весной этого года он улучшил личные рекорды в метании копья и диска, возвратил себе славу отличного барьериста. Сильную конкуренцию нам обоим окажет Дэвид Эдстрем, молодой американец, третьим в мире покоривший Эверест десятиборья — 8 тысяч очков...

Сегодня я тружусь без устали. В свой тренировочный график включаю... Впрочем, зачем перед концертом рассказывать о репетициях?..

Литературная запись Д. Орлова.

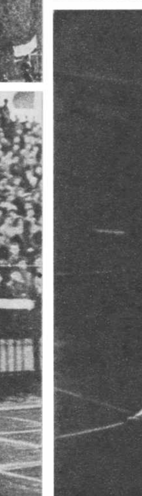

На снимках сверху вниз:

Бег на 100 метров. Прыжок в длину. Толкание ядра. Прыжок в высоту. Бег на 400 метров. Барьерный бег. Метание диска. Прыжок с шестом. Метание копья. Финиш бега на 1 500 метров.

Фото Л. Бородулина и Б. Светланова.

Доброе имя

Имя Веры Михайловны Инбер — доброе имя в советской литературе; оно широко известно в народе и любимо им.

Как-то не верится, что этой энергичной, постоянно ищущей, неустанно пишущей, редактирующей и заседающей, участвующей в работе различных редсоветов, комиссий и жюри, путешествующей и выступающей женщине исполнилось семьдесят лет!

Хорошая творческая окрыленность сопутствует поэтессе. Книги Веры Инбер, то тихие и грустные, то веселые, то исполненные драматизма, разные по материалу, но всегда окрашенные особой, инберовской, лукавостью, интересно читать и перечитывать.

Тонкая женственность сочетается в них с гражданским мужеством, лиризм — с прозаической конкретностью, непринужденное остроумие соседствует с суровым раздумьем.

Не просто и не легко определила В. Инбер свое «место в рабочем строю». От надуманных, лишенных жизненной правды опусов к реалистическим стихам и человечески - задушевным рассказам пришла В. Инбер. Пришла убежденно и решительно.

Книга стихов «Союз матерей», опубликованная в 1938 году, и следом за нею «Путевой дневник» утвердили за В. Инбер репутацию отличного публицистического лирика.

Как подобает патриотке, храбро и терпеливо, с великолепным чувством самообладания и трудолюбия вела себя Вера Михайловна, оказавшись в осажденном Ленинграде. Сотрудничая в «Ленинградской правде», в солдатских газетах, выступая по радио, выезжая на разные участки фронта, воочию видя бесстрашие защитников великого города, В. Инбер написала в то огненное время две замечательные, яркие книги: поэму «Пулковский меридиан» и дневник в прозе «Почти три года» — летопись жестоких и прекрасных по своей отваге дней.

И «Пулковский меридиан» и «Почти три года» созданы опытной рукой зрелого мастера, в них сказались твердость духа и ясность мысли автора — честной советской писательницы, цельного человека Веры Михайловны Инбер, которая, кстати сказать, в блокадную зиму 1943 года под обстрелом фашистов, терпя лишения и веря в победу над врагом, вступила в ряды КПСС.

Перу В. Инбер принадлежит несколько отличных стихотворений о В. И. Ленине. Особенно хочется отметить одно из них, 1924 года,— «Пять ночей и дней», отличающееся удивительной прозрачностью. Эти ставшие хрестоматийными стихи рисуют скорбные народные толпы:

Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.
И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

Вера Михайловна Инбер разговаривает в поэзии как бы вполголоса, но чистая поэтическая речь ее слышна далеко.

В. Инбер всегда в пути. В день юбилея талантливой поэтессы пожелаем ей крепкого здоровья и новых успехов в творчестве.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

СТО ТЫСЯЧ ЧАСТУШЕК

Сто тысяч частушек собрал простой крестьянин-тверяк из-под города Кашина Василий Иванович Симаков. О его большой любви к неисчерпаемым родникам устного народного творчества рассказывает изданная Калининским издательством книжечка под названием «Друг народной песни». Сюда вошли воспоминания литераторов и ученых, письма Симакова и записи русских лирических частушек.

В. И. Симаков не только собирал и хранил песенные и частушечные тексты. Многие из накопленных им записей увидели свет. Первый его сборник частушек вышел из печати в 1912 году. Затем последовало издание более шестидесяти сборников, являющихся сейчас библиографической редкостью.

Большой знаток и любитель фольклора Демьян Бедный называл Симакова «безукоризненно честным и скромным тружеником». Вот что он писал в «Известиях» 19 февраля 1923 года: «Я люблю, скажем, деревенские частушки. Вижу на книжном прилавке «Сборник деревенских частушек», собранных В. И. Симаковым. Приобретаю. Ставлю у себя на любимую книжную полку. Читаю и перечитываю частушки о сиротстве, о солдатчине, о суевериях и т. д. Пытаюсь понять по первоисточнику народную душу. И не я один интересуюсь этой книгой. Ее читают многие».

В конце своего жизненного пути неутомимый собиратель передал стотысячное собрание частушек в Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР.

Н. ЧЕРНИКОВ

ОСТРОВ АФРОДИТЫ

Это страница февральского номера журнала «Новая эпоха», выходящего на Кипре.

«Остров Афродиты» — пьеса греческого поэта и драматурга Алексиса Парниса, посвященная освободительной борьбе киприотов. Русский перевод пьесы печатается в ближайшем номере «Нового мира».

— Мне хотелось показать, какие большие страсти бушуют на маленьком острове,— рассказывает Алексис Парнис.— С надеждой и волнением следят все честные люди за героической борьбой свободолюбивого, мужественного народа. Борьбе с колониализмом я посвятил поэмы «Алжирское солнце», напечатанную в «Огоньке», «Кипр Кипру». «Остров Афродиты» завершает этот цикл.

Пьеса А. Парниса ставится в Ленинграде, Баку, Вильнюсе, Минске, Риге, Ташкенте. В Москве «Остров Афродиты» принял к постановке Малый театр.

Газеты Греции и Кипра широко откликнулись на патриотическую пьесу Алексиса Парниса.

Н. НЕКРАСОВ

Крылья над водой

Парус яхты похож на крыло чайки: он так же бел, так же остер и легок. И когда на крутом повороте быстрая яхта накренится так, что парус едва не сольется с линией горизонта, издали кажется, что это чайка села на воду и несется на стремительной волне.

Радостно глядеть с берега на бесшумный полет крылатых яхт! И те из ленинградцев, кто любит отдыхать на Кировских островах, часами следят за тем, как чертят водную гладь белые клинья парусов. И бывает, глядит-глядит человек на бегущие мимо суда, и потянет его на воду, захочется ему услышать, как поют под ветром паруса, ощутить собственной рукой, как туго натягиваются шкоты при сильном порыве ветра...

Что человеку делать, если захватила его врасплох «водная» болезнь? Ему надо прийти ну хотя бы в яхт-клуб добровольного спортивного общества «Водник», что на Кировских островах, напротив парка культуры и отдыха.

Клубу этому в нынешнем году исполняется сто лет. Когда-то в старые годы, до Октября, его членами были одни лишь высокопоставленные особы. Принадлежность к яхт-клубу считалась признаком аристократизма.

Сегодня под парусами столетнего яхт-клуба ходят рабочий судоверфи Константин Нестеров и студент кораблестроительного института Игорь Дерябкин, слесарь-механик Игорь Домашевский и радиомеханик Люба Голубева, пожилые люди и маленькие школьники,— а всего более пятисот человек.

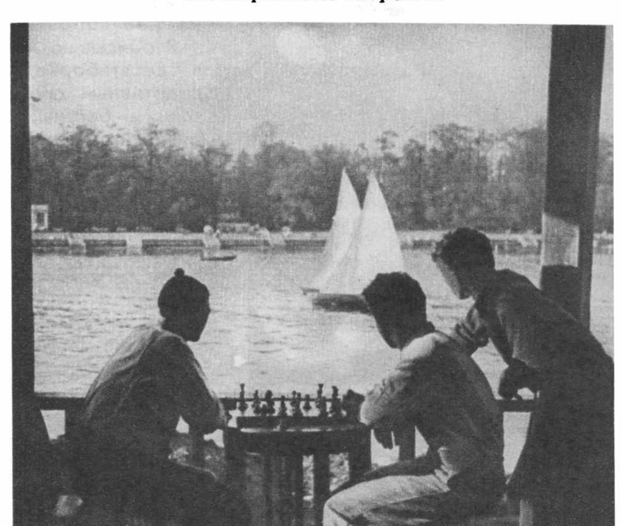
На яхтах можно просто кататься ради удовольствия и можно участвовать в гонках. Когда яхтсмены «Водника», напутствуемые тренером мастером спорта Геннадием Семеновичем Назаровым, ставят паруса даже при сильном ветре, срывающем пенные гребешки с высоких волн,— значит, близится пора традиционных парусных гонок. Водники любят паруса и воду,— недаром же они завоевали и «Кубок швертботистов» и «Кубок Большой Невы».

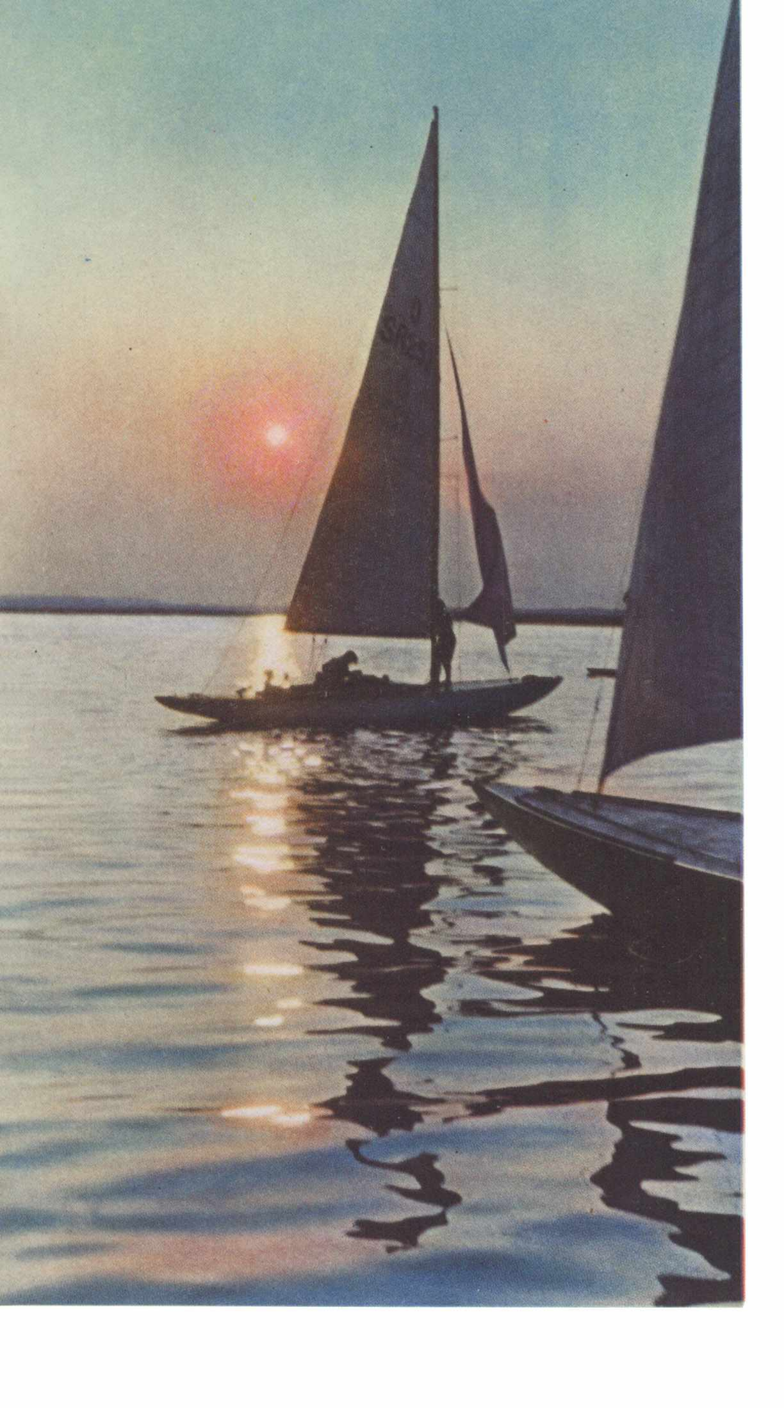
О. МИХАЙЛОВ

Готовят парус...

На Кировских островах.

Есть в Ленинграде уголок, который давно уже облюбовали яхтсмены,— это Кировские острова. С утра до ночи чертят голубую гладь белые клинья парусов...

Фото А. БОЧИНИНА.

Яхтсмены не любят штиля, их сердца волнует ветер. И едва подует устойчивый норд-вест, они торопятся ставить паруса... Вышел под хороший ветер слесарь-механик Игорь Домашевский.

КАК ЭТО

БЫЛО НА КУБЕ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Джерардо, Клара и Пунктир

Мы сидели друг против друга: капитан Артуро Агилерра Баррейро и я. Мы молчали. Я чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. В данном случае сушей, отделявшей меня от воды, было незнание языка. Я не знал испанского, капитан не знал ни русского, ни английского.

Веселый, толстый Джерардо — мой провожатый, переводчик, советчик, товарищ, попутчик, все, что хотите,— с утра покинул меня. У него кончился отпуск, и он вернулся в свой магазин похоронных принадлежностей, где служил по доставке этих самых принадлежностей заказчикам. Во время боев в Сьерра-Маэстре Джерардо очень неплохо воспользовался своей профессией: в гробах он перевозил оружие для Фиделя.

Днем меня познакомили с новой переводчицей. Ее звали Клара Гонсалес. Клара была толста, как Джерардо, весела и смешлива, как два Джерардо, легкомысленна и несерьезна, во всяком случае с виду, как десять Джерардо. И еще она любила петь. Пела Клара все время: в машине, за обедом, в компании и когда бывала одна. Самое трагичное для меня состояло в том, что она пела и тогда, когда нужно было переводить...

Весь день я придумывал вежливый способ избавиться от нее. Но вечером это произошло помимо моей воли: она позвонила и грустно сообщила, что прийти вряд ли сможет: ей нездоровится.

Мое положение было трагическим. Вечер пропадал. Я с ужасом увидел, как Артуро Агилерра Баррейро, смущенно улыбаясь, уже ищет глазами свою высокую военную фуражку с лакированным козырьком.

И тут произошло чудо. Зазвонил телефон. Я снял трубку и услышал:

— Господин Боровик?

— Да.

— Я хотел бы с вами говорить пять минут!

— Кто это?

— Это Пунктир.

— Кто?!

В трубке захихикали.

— Пунктир. Может быть, вы слышали обо мне. Одесский репортер. Работал до революции в разных газетах. Точка.

Тут только до меня дошло, что со мной говорят по-русски.

А из трубки неслось:

— ...Я теперь работаю в местном телевидении. Точка. Не могли бы вы выступить у нас, ответить на несколько вопросов?..

— Где вы, господин Пунктир?

— Внизу, в вашем отеле.

— Не могли бы вы, господин Пунктир, помочь мне и перевести разговор с моим другом кубинцем?

— С удовольствием, с удовольствием. Когда?

— Сейчас, если можно. Мы ждем вас.

Сеньор Роберто Яковлевич Пунктир оказался небольшого роста крепеньким старичком в старорежимном пенсне на крупном фиолетовом носу, в дакроновой паре, соломенном канотье и с галстуком-бабочкой. «Ба, да это же пикейный жилет из города Черноморска! — подумал я.— Вот ведь где привелось встретиться!»

Пунктир — пикейный жилет— совершенно не изменился, только сменил чесучовый пиджак на современный дакроновый, не требующий глажки. Он был оживлен до чрезвычайности и забросал меня кучей вопросов: «Правда ли, что статуя дюка Ришелье еще цела? Подумать только! Прямо из Москвы? Нет, вы не шутите?! «Огонек»! Боже мой, «Огонек»! Сохранился?! А что насчет Берингова пролива? Действительно будут строить мост?»

Я все ждал, когда же он скажет самое главное: что Бриан — это голова. И он сказал! Честное слово, сказал! Правда, несколько по-своему.

— А как вам нравится Трухильо?— произнес он, посматривая на меня сквозь пенсне выцветшими глазками. И сам ответил: — Вот ведь сволочь!..

Переводил Пунктир на русский с огромным, нескрываемым наслаждением. Он сидел на кровати, закрыв глаза и чуть-чуть раскачиваясь от удовольствия. Сначала его манера часто произносить слово «точка» мешала мне, но потом я привык, и рассказ капитана Артуро Агилерра Баррейро был записан самым подробным образом.

Рассказ капитана Баррейро

— Я из Мансанильо. Работал там шофером на грузовике. Перевозил продукты, вещи, в общем, по найму — что придется, от магазина к магазину по Сьерре.

Второго декабря 1956 года по радио передали: высадился Фидель. Вся его группа убита или взята в плен.

А через месяц по поручению Франка Паиса я уже возил продукты, оружие и амуницию для Фиделя.

Первое, что Батиста сделал,— окружил всю Сьерра-Маэстру наглухо. Чтобы ни одна мышь ни туда, ни оттуда. Расставил контрольные посты на всех дорогах и запретил всякое снабжение Сьерры продуктами. Он хотел уморить повстанцев голодом. Вместе с ними погибли бы и крестьяне, живущие в горах. Но это его не беспокоило.

Так вот, начал я возить. Мой маршрут был от Мансанильо до Провиденс каждые два-три дня. Там я передавал груз нашим людям, а они на мулах и пешком доставляли его в горы, Фиделю. Проверка была при выезде из Мансанильо, в Джаре и в Эстрада-Пальме. Солдаты проверяли бумаги и потом — нет ли в машине консервов, фруктов, галет и другого в этом роде. Я возил рис и бобы. Первое время это можно было делать, так как Батиста думал: повстанцы не будут готовить пищу на огне, чтобы не демаскироваться. А им готовили крестьяне у себя дома.

Вот так и лежали у меня в кузове мешки с рисом, с бобами, салатом, помидорами. А на дне, под вторым полом,— винтовки, пистолеты, патроны, одежда, консервы.

Доставали тогда оружие сложными путями: по ночам ловили в городе одиночных солдат, раздевали и отбирали оружие. Те бежали в нижнем белье в комендатуру. Иногда таких голоштанников набиралось за ночь два-три человека. А две-три винтовки направлялись в горы, к Фиделю.

Была у нас своя агентура среди кубинцев, работавших на американской военной базе в Гуантанамо. Иногда оружие там похищали, а иногда просто покупали у американских солдат. Как они потом отчитывались перед начальством, не знаю.

Я познакомился со многими солдатами на контрольных постах. Угощал их сигарами, дарил разные безделушки. Они мне «верили» и почти не проверяли. Часто просили подвезти куда-нибудь. Я не отказывал. Так и ездил: на мешках батистовский солдат, в мешках рис, а под рисом оружие для Фиделя. Я настолько к этому привык, что когда вез особенно опасный груз, специально напрашивался: не надо ли сеньоров солдат и офицеров подвезти куда-нибудь? И очень радовался, если попутчик находился: меньше было опасности — с ним почти не проверяли.

Так прошло еще месяца полтора. И вдруг был издан приказ: сменить все посты. На место знакомых мне солдат пришли новые. Говорят, им за каждого пойманного «контрабандиста» полагался крупный куш, а за каждого пропущенного — арест. Они работали, как звери: и в жару, и в дождь, проверяли каждый мешок.

Мы тогда долго обсуждали: что же делать дальше, как переправлять необходимые вещи? Таких связных на машинах, как я, было несколько.

Франк Паис придумал перевозить грузы в бензобаках. Да, в обыкновенных бензобаках, которые есть в каждой машине.

Предложение было принято. Бензобаки мы перегородили железными переборками, так что бензина там оставалось всего литров десять — пятнадцать, а все пространство заполнялось нужными вещами. Конечно, много тут не перевезешь, но все-таки.

Приходилось брать в кузов канистры и пополнять бак чуть ли не каждые сто километров. Важно было, чтобы это не бросалось в глаза.

Винтовки мы перевозили в разобранном виде. Но однажды наши друзья в Сантьяго раздобыли где-то ручной пулемет. Ствол его никак не помещался в бензобаке. А ручной пулемет в горах на вес золота, нужно было доставить его быстро. Поручили это Флавии, той, что перевезла боны в коробке из-под торта. Не слыхали? Вы здесь у любого спросите, вам расскажут. Так вот, она села со мной в кабину, на краешек сиденья, поставила пулемет под платье так, что конец ствола подходил к самому ее подбородку. Ствол обложили подушками, чтобы Флавия была похожа на беременную. Так, на краешке сиденья и на краю смерти, проехала она со мной в Мансанильо. На первом контрольном пункте ее попросили выйти, она схватилась за «живот», заохала, побледнела,— действительно побледнела: было с чего! — закатила глаза, а я объяснил, что ей очень плохо, ее везут к знакомому врачу, и, если она сдвинется с места, у нее может случиться выкидыш. Солдаты, видно, испугались — потом хлопот с этой сеньорой не оберешься — и пропустили. Так на трех постах. Только один раз, уже около самого Мансанильо, вдруг встретился, как назло, какой-то знакомый Флавии. При всех солдатах он, болван, закричал:

— Флавия, что с тобой? Опухла-то как! Ведь месяц назад ничего не было!

Солдаты насторожились. Но Флавия заохала и обозвала его дураком, который ничего не понимает в женских делах. Это почему-то подействовало... Черт ее знает, везло ей невероятно... А ведь такая на первый взгляд толстушка-хохотушка. Когда я ее первый раз увидел, не поверил, что она работает в подполье...

Ну, а я все-таки провалился в конце концов. Была облава, и меня задержали с машиной. Это уже случалось не первый раз и всегда сходило благополучно, но тут какому-то непоседливому офицеру понадобилось съездить за сотню километров от места, где я был под арестом. Он взял мою машину и поехал. Я понял, что песенка моя спета. Бензин был на исходе. Через каких-нибудь десять кило-

Строитель нового жилого района около Сантьяго де Куба.
Фото Г. Боровика.

Продолжение. См. «Огонек» № 27.

Фидель Кастро и его соратники во время боев в Сьерра-Маэстре.

Че Гевара (сидит в центре) и Рауль Кастро (стоит над ним) во время боев в Сьерра-Маэстре.

Фото из архива Кастро.

метров машина станет, он проверит бак, и все раскроется.

Это было в Эстрада-Пальме. В двухстах метрах от сарая, где я находился, начиналось поле сахарного тростника и тянулось, я знал, на много километров. Часовой был далеко, один. На всякий случай я решил подождать: вдруг все обойдется, и меня отпустят. Но не обошлось. Через полчаса прикатила моя машина. Я видел, как из нее вылез офицер и принялся орать на солдат, указывая на бензобак. Солдаты начали сбивать бак прикладами. Я бросился бежать в тростник. Найти в поле тростника человека — все равно, что иголку в стоге сена. Они стреляли часа два, даже самолет вызвали. Он покружился-покружился над полем и улетел. Места эти я знал с детства наизусть и через несколько суток был уже в горах... С тех пор я остался в Сьерре.

— Точка,— сказал г-н Пунктир. И, открыв глаза, выжидающе посмотрел на капитана.

Коробка из-под шоколадного торта

У шофера в руках был чемоданчик. Флавия держала коробку, большую, с белыми и красными узорами. Сверху она была покрыта целлофаном, скрепленным прозрачной клейкой шотландской тесьмой. Картонное сооружение было замысловато перевязано голубой шелковой лентой с красивым четырехлепестковым бантом. И все это, в свою очередь, помещалось в прозрачном нейлоновом пакете с надписью: «Педро Хименес. Лучшие рубашки. Не требуют утюга. Стирайте и носите. Цены доступны».

Они подошли к конторке авиакомпании «Кубана авиасион».

— Один билет до Сантьяго,— сказала Флавия, ставя на прилавок цветастую коробку.— На ближайший самолет.

— Сожалею, сеньора, но на ближайший мест нет.

Чиновник склонил густо набриолиненную голову.

— Тогда на вечерний...

— И на вечерний нет. Все переполнено.

— Когда же можно улететь? — Флавия начала волноваться. «Торт» нужно было доставить как можно скорее. Лишний день мог испортить все планы и сорвать закупку оружия.

Чиновник порылся в книге, потом позвонил куда-то.

— Должен вас огорчить, сеньора,— сказал он, откровенно любуясь пышным бюстом Флавии,— но раньше, чем через пять дней, вы из Гаваны вылететь не сможете.

Видимо, на ее лице было написано такое огорчение, что чиновник снова стал рыться в книге.

— Моментико... моментико... Ага, вот! На автобусной станции еще есть свободные места. Автобус уходит через час... Шестнадцать часов пути — и вы в Сантьяго де Куба... Утром вас уже поцелует любимый...

Флавия кокетливо улыбнулась: чиновник был симпатичный. И тут же подумала: «Автобус? Но это значит по меньшей мере четыре проверки багажа и документов...»

— Я кончаю работу через пятнадцать минут,— сказал любезный служащий авиакомпании.— Мог бы вас подвезти.

— Спасибо, у меня машина...

«Автобус... автобус,— думала она.— А что, если действительно... Утром уже там... От наших только влетит...»

— Разрешите, я помогу вам? — Чиновник, не дожидаясь ее согласия, взял со стойки коробку.—Ого, какой тяжелый! Просто не верится, что торт...

Флавия обмерла.

— Это он... весь шоколадный... Знаете, целиком...

Он поставил коробку на сиденье автомобиля. Звякнула пружина.

Флавия помахала ему рукой из окна.

— Счастливого пути, сеньора! — Чиновник приставил два пальца к фуражке.— Возвращайтесь на самолете. Мое имя Орацио.

Флавия послала ему воздушный поцелуй. Не заподозрил ли он? Нет, кажется, обошлось...

— На автобусную станцию,— сказала она.

— Ты поедешь на автобусе? — насторожился шофер.— А как же наши?

— Не твое дело, Хосе. Поскорее, автобус уходит через час, надо взять билеты.

— Смотри, Флавия, ведь там проверка.

— Через пять дней боны уже никому не будут нужны.

— Может быть, все-таки заедем к нашим, посоветуемся.

— На автобусную станцию! — сказала Флавия с ударением.

Больше Хосе не переспрашивал.

Они приехали за пятнадцать минут до отправления. Хосе взял билет. Ее чемоданчик положили в багажное отделение — под пол. Коробку с «тортом» она взяла с собой.

Все пассажиры были уже на месте. Флавии досталось кресло рядом с пожилым субъектом в белой панамке. От ушей у него шли провода, соединявшиеся в боковом кармане пиджака.

Впереди сидели молодая женщина с грудным ребенком и тощая старуха, вся увешанная фальшивыми драгоценностями.

«Что это так вырядилась?» — подумала Флавия, ставя коробку на сетку, которая шла вдоль всего автобуса над сиденьями. Нейлоновые клеточки глубоко продавились под тяжестью «торта».

— Какой тяжелый! — сказал кондуктор в белой рубашке с погончиками и темно-синим форменным галстуком.— Может быть, вам лучше поставить его под кресло?

«Что они все прицепились? Как назло»,— подумала Флавия и вслух сказала:

— Шоколадный. Целиком шоколадный... Подруга выходит замуж... Может быть, действительно под креслом лучше...

Автобус тронулся. Они миновали фруктовый рынок. Он уже не был таким многолюдным, как днем. Уборщики в твердых фартуках подметали апельсиновую и банановую кожуру. Бродил нищий, накалывая окурки иглой, вставленной в трость.

Уже появилось несколько горящих неоновых вывесок «Бар-клуб» и трехцентовых кафе. На промысел выходили первые проститутки.

Как только выехали из города, старичок — сосед Флавии — вынул из ушей провода и, надвинув панамку на глаза, заснул.

Флавия смотрела в окно на проплывавшие слева от автобуса огни гаванского порта.

Машина вышла на широкое серое шоссе, разделенное желтыми пунктирными полосами на шесть дорожек: три туда, три обратно, посередине — каменный барьерчик, и, мягко покачиваясь, понеслась на восток к провинции Ориенте, где Флавию ждали друзья, где до зарезу нужны были эти боны — маленькие зеленые листочки с изображением двух рук, рвущих кандалы, и цифры «26», аккуратно сложенные в коробку из-под шоколадного торта.

Листочки были отпечатаны в тайной типографии в Гаване, о которой Флавии не полагалось знать. Эти краткосрочные обязательства — боны надо было срочно распространить в Ориенте, чтобы на полученные деньги купить оружие, продовольствие, медикаменты, одежду — как раз представилась такая возможность.

Флавия задремала, дотрагиваясь ногой до коробки с бесценным грузом.

Очнулась она от крика:

— Мужчины без вещей — вон! Женщины могут оставаться на своих местах!

Крик раздался над головой. Она открыла глаза и увидела прямо перед собой короткоствольный тупоносый «смит-вессон». «Смит» был никелированный, блестящий, а ручка инкрустирована перламутром и серебром. Револьвер покоился в ремешковой открытой кобуре на животе у высокого офицера, который продолжал кричать над ее головой глухому соседу:

— Сколько я буду повторять: мужчины вон!

— Он глухой, господин офицер,— сказала Флавия, поправляя прическу.— И вынул провода из ушей.

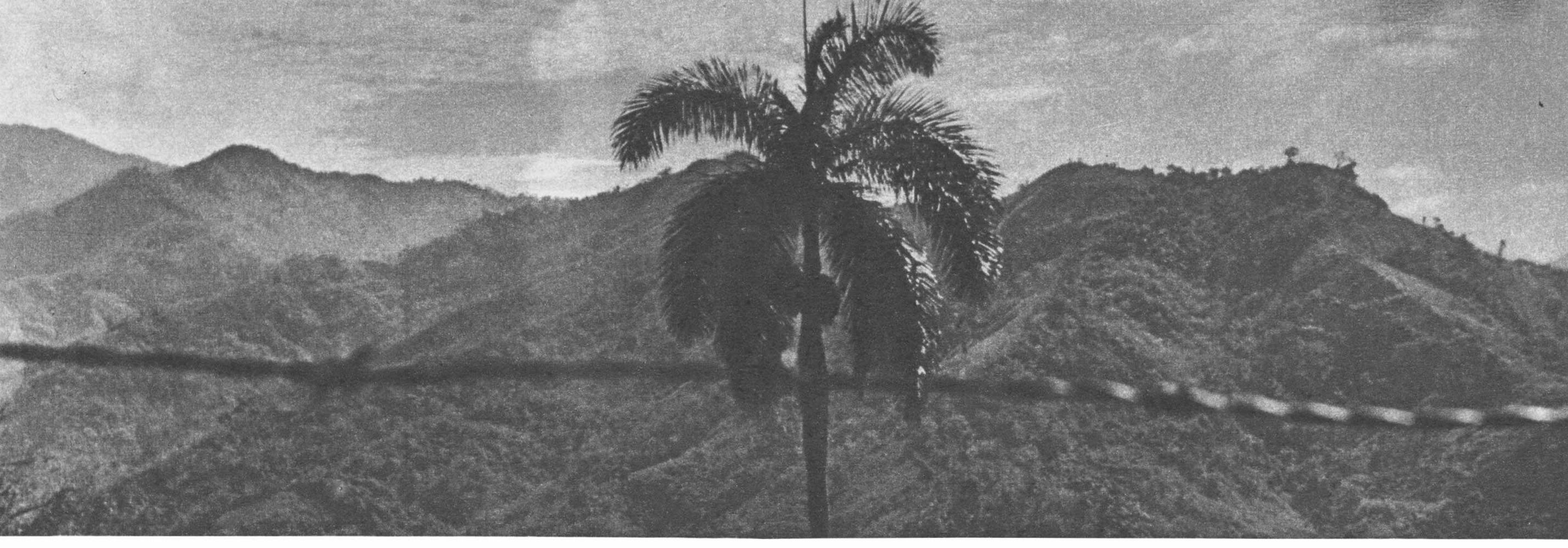
Офицер щелкнул пальцем по панаме старичка. Тот проснулся. Он испуганно смотрел на красного от натуги офицера, который таращил на него гневные глаза и беззвучно открывал рот... Старичок поспешно подключился к внешнему миру.

— А,— недовольно произнес он, наконец поняв, что от него хотят.— Так бы и сказали. Зачем же бить по панаме?..

Мужчины вышли. Их обыскивали рядом с автобусом.

Внутри автобуса два солдата, медленно двигаясь вдоль прохода, раскрывали чемоданы, шляпные коробки, дамские сумки, баулы и вываливали содержимое на кресла. Офицер шел за ними и, брезгливо морщась, расшвыривал вещи стеком, рассматривал документы, письма, фотографии.

Флавия сидела, откинувшись к спинке кресла, и чувствовала, как бледнеет ее лицо. Она ощущала это физически и понимала: достаточно одного взгляда этого офицера — и ее заподозрят. Флавия нагнулась, притворяясь, что поправляет туфлю, чтобы кровь снова прилила к лицу. Коробка стояла на месте. «Поднять на кресло?

Или, может быть, не заметят? Если заметят, будет хуже. Нет, лучше подождать». Мысли прыгали.

— Выньте ребенка из конверта! — приказал офицер женщине, сидящей впереди.

— Он только что успокоился, сейчас ночь.— Та умоляюще посмотрела на военного.

— Выньте ребенка, сеньора,— нетерпеливо повторил офицер.— Время идет.

— Но я вас очень прошу...

— Сеньора, как вам не стыдно, выньте ребенка! — вдруг неестественно громко, сама не узнав своего голоса, воскликнула Флавия.— Господин офицер выполняет свой долг. Мы, кубинские женщины, должны ему помочь. Мало ли что вы можете везти в конверте! А вдруг бомбы для террористов.

— Спасибо, сеньора! — усмехнулся офицер.— Вы настоящая патриотка.

Женщина обернулась и смерила Флавию ненавидящим взглядом. Ребенок расплакался...

Флавия с готовностью протянула офицеру раскрытую сумочку. Офицер просмотрел содержимое. Из его рук выпала губная помада.

— Извините!

Он нагнулся, чтобы поднять желтый блестящий тюбик... У Флавии замерло сердце.

— Что это?—вдруг грозно спросил офицер, вытаскивая из-под кресла коробку.— Почему вы не положили ее на кресло? Ведь была команда.

— Ах, это? Я совсем забыла. Это подарок, господин офицер. Подруга выходит замуж.

— Сейчас проверим.— Офицер кивнул солдату.

Солдат приблизился к коробке и раздумывал, с какой стороны начать ее распаковывать. Флавия вдруг почувствовала пустоту в горле, стали влажными руки.

— Я говорила этим болванам в магазине: не запаковывайте так красиво и сложно,— сказала она вдруг в полном отчаянии.— Ведь будет проверка, обязательно будет проверка! Все равно все изомнется, и торт разрушится. Надо было оставить коробку открытой. Болваны! Но они запаковали... Открывайте, не стесняйтесь, я сама даже вам открою. Правда, подруга будет очень жалеть, ведь свадьба бывает в жизни не так часто!.. Открывайте!

Офицер мрачно смотрел на коробку, солдат грубыми пальцами нерешительно взялся за голубую ленту.

— Ну ладно,— сказал офицер,— раз свадьба... Поставь на место,— приказал он солдату.

— Нет, нет, не беспокойтесь, проверяйте. Все равно, если не вы, так другие... Проверять, наверное, будут часто,— не веря своему счастью, настаивала Флавия.

— Сходи за бланком,— все так же мрачно приказал офицер.

Солдат принес маленький зеленый бланк с напечатанным словом «Проверено». Офицер лизнул его языком и приклеил к коробке.

— Сожалею, что не голубой,— улыбнулся он,— а то был бы как раз в тон банту. Но зато теперь уже ваш торт будет целым. Его не будут разворачивать...

Флавия готова была расцеловать длинного офицера, но вместо этого сказала:

— Ах, если бы я могла, я бы своими руками задушила этого Фиделя! Из-за него вам приходится ночью проделывать эту утомительную работу в автобусах.

Он поднял два пальца под козырек:

— Служба, сеньорита. Честь имею!

Счастливая и обессиленная, она повалилась на кресло. С негодованием на нее смотрели обе соседки спереди.

До самого Сантьяго коробка из-под шоколадного торта лежала на сетке, на виду у всех. И, нисколько не гармонируя с голубым бантом, на ней виднелся зеленый ярлычок с надписью «Проверено».

40.000 и 5.000.000

...Из месяца в месяц накапливались силы Фиделя в горах. Двенадцать человек, потом двадцать, тридцать, сто, двести...

Фульхенсио Батиста как-то хвастал не без кокетства. «Меня поддерживают только три партии,— говорил он,— армия, флот и полиция».

Только одна из этих «партий»— армия — составляла 40 тысяч великолепно вооруженных солдат.

Можно было бы считать авантюрой высадку восьмидесяти двух на болотистом берегу Ориенте.

Можно было бы считать авантюрой — 250 человек с винтовками против 40 тысяч прекрасно вооруженных, одетых, обутых, сытых солдат Батисты — армии, оснащенной авиацией, артиллерией, танками. Это и было бы чистейшей авантюрой, если бы не полтора миллиона кубинских семей — без малого 5 миллионов человек, готовых поддержать Фиделя. Пусть неорганизованных, безоружных, но полных ненависти к Батисте, кровопийцам-латифундистам и проклятой голодной жизни под каблуком иностранных монополий.

Шестьсот тысяч безработных, 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, имевших твердый заработок лишь четыре месяца в году, 400 тысяч промышленных рабочих и поденщиков, живущих под вечной угрозой увольнения, 100 тысяч мелких земледельцев-арендаторов, у которых хозяева земли отбирали львиную долю урожая. Тридцать тысяч бедствующих учителей, стремящихся улучшить судьбу будущих поколений, 20 тысяч мелких торговцев, разоряемых кризисом и продажными чиновниками, 10 тысяч молодых врачей, инженеров, адвокатов, фармацевтов, журналистов, художников и других специалистов, стремящихся найти выход из тупика, в котором находилась страна,— вот те, кто составлял силу маленького отряда в Сьерра-Маэстре.

С самого начала борьбы Фиделя Кастро активно поддерживал передовой отряд кубинского рабочего класса — Народно-социалистическая партия Кубы.

Сорок тысяч и 5 миллионов—это было неплохое соотношение сил, и оно должно было обеспечить революции победу.

Р дио, газеты Кубы молчали о Сьерре. Раз сообщив о «гибели Фиделя и его сообщников» при высадке, Батиста не собирался отказываться от этой лжи, считая, что можно похоронить революцию в молчании. Но по Кубе упорно шли слухи: Фидель и его друзья живы. Как всякие слухи, они обрастали новыми: несколько десятков человек, находившихся в Сьерре, легенда превратила в сотни тысяч. Но это была легенда. Одни ей верили, другие, по-видимому, нет.

В это время в Гаване проводил свой отпуск вместе с хорошенькой молодой женой известный американский ас от журналистики Герберт Мэтьюз, корреспондент «Нью-Йорк таймс». Опытный газетный волк не раз говорил в Гаване, что был бы счастлив поехать в Сьерру проверить, что там происходит. Люди Фиделя предоставили ему такую возможность. Журналист провел в беседе с Фиделем Кастро день и всю ночь. Еще не очень хорошо представляя себе значение того, что происходит на Кубе, больше увлекаясь сенсационностью материала, Мэтьюз добросовестно изложил в серии статей в «Нью-Йорк таймс» все уви-

Батиста пытался окружить Сьерру непроходимой стеной.

Флавия.

В таких тайниках крестьяне прятали оружие для Фиделя.

денное и услышанное в лагере Фиделя.

Батиста конфисковал на Кубе номера этой газеты и снова заявил: «Фидель мертв, в Сьерре все спокойно, статьи — досужие выдумки». На другой день «Нью-Йорк таймс» опубликовала фото: Мэтьюз беседует с Фиделем Кастро в Сьерра-Маэстре. Ложь Батисты была опровергнута.

Продолжение рассказа капитана Баррейро

— Продолжать? — спросил Пунктир капитана и, дождавшись первой фразы, опять с наслаждением закрыл глаза.— С новой строки...

— Так вот, с тех пор я остался в Сьерре,— рассказывал капитан. — Целый год шли бои, мелкие стычки. Мы применяли партизанскую тактику: не шли на крупные сражения, но изматывали противника неожиданными быстрыми ударами. Силы наши росли. Армия Батисты, оснащенная самым современным американским оружием, которым правительство США с готовностью снабжало тирана, обученная под руководством американских военных специалистов, ничего не могла поделать с несколькими сотнями революционеров в Сьерра-Маэстре. Авторитет Батисты продолжал падать. Наконец взбешенный диктатор предпринял «решающее наступление» и раззвонил об этом по всему миру. Это было в мае 1958 года. Сражения шли два с половиной месяца. Батиста бросил против нас 14 пехотных батальонов, 7 отдельных рот, танки и самолеты с напалмовыми бомбами. Вначале батистовцы теснили нас. Но в июне мы одержали первую крупную победу при Эль-Хигуэ. С тех пор все пошло иначе.

11 июня 18-й батальон Батисты стал лагерем в Эль-Хигуэ, в десяти километрах от пика Туркино. Фидель в это время сконцентрировал здесь все свои группы и, заняв решающие стратегические позиции, окружил противника.

Ночью мы выкрали нескольких солдат Батисты. Продержали их до утра, а утром собрали самых хорошо одетых людей, вооружили их как следует и сделали так, чтобы пленные их видели. Потом пленных накормили и ночью снова доставили в батальон Батисты, чтобы те рассказали, во-первых, о нашей силе, во-вторых, о том, как мы обращаемся с пленными.

Мы узнали, что командует батальоном капитан Хосе Кеведо — один из немногих офицеров Батисты, который не потерял человеческого облика и не опустился до издевательств над населением и солдатами. Фидель знал капитана Кеведо лично. Когда-то они вместе учились в университете на юридическом факультете.

Фидель написал Кеведо письмо и обратился к пленным: кто хочет отнести письмо командиру батальона? Вызвался один солдат. Ему дали маленький белый флажок, а в рюкзак положили еды и флягу с водой.

Я не помню слово в слово письмо Фиделя,— продолжал капитан Баррейро,— но оно было замечательное. Начиналось оно так: «С глубокой грустью узнал я от первых пленных...»

(Копию этого письма потом дала мне Селия Санчес — секретарь Фиделя Кастро, поэтому я привожу его здесь почти полностью.)

«Сьерра-Маэстра.

Командир Хосе Кеведо.

С глубокой грустью узнал я от первых пленных, что вы являетесь командиром осажденного войска... Вы знаете, что дело, за которое жертвуют собой и умирают эти солдаты и вы сами,— несправедливое дело... Вы знаете, что диктатура не имеет права жертвовать солдатами республики для защиты режима, который угнетает страну, попирает свободы и держится лишь террором и преступлением. Она не имеет права посылать солдат республики биться против своих собственных братьев, которые требуют только того, чтобы жить свободными...

Политики-воры: министры, сенаторы и генералы — находятся в Гаване. Они не подвергаются риску и не выполняют тяжелой работы, в то время как их солдаты, окруженные стальными кольцами, терпят голод и находятся на краю гибели...

Ваше войско осаждено, у вас нет ни малейшей надежды на спасение. Все пути — сушей и водой — отрезаны, они перерыты траншеями и заминированы минами по 100 фунтов...

Вы погибнете от голода или от пуль, если битва будет продолжаться. Жертвовать этими людьми в безнадежной битве ради неблагодарного дела — это преступление, которое человек чувств, человек сердца не может совершить.

В этом положении я предлагаю вам сдаться с почетом и достоинством. Со всеми людьми мы будем обращаться с уважением. Офицеры смогут оставить при себе оружие.

Примите эти предложения.

Вы сдадитесь не врагу родины, а искреннему революционеру, бойцу, который борется за счастье всех кубинцев, даже тех солдат, которые с нами сражаются...

Фидель Кастро».

— Мы передали текст письма и через громкоговорители,— продолжал капитан,— чтобы его услышали все солдаты в моменты затишья. По радио мы передавали и кубинскую музыку, чтобы напомнить солдатам о доме.

Шли дни, солдаты противника падали в своих окопах от бессилия. Обычно перед наступлением им давали наркотики. Но тут даже наркотики кончились. Мы передавали музыку и уговаривали их сдаться, чтобы не проливать зря кровь... Но Кеведо еще не решался на это, а солдаты его уважали. Однажды мы предложили перемирие и прекратили огонь на несколько часов. Их солдаты вышли из траншей осторожно, боясь обмана. Наши тоже вышли. Медленно, опустив винтовки, шли солдаты друг к другу навстречу по «ничьей» земле. Мы первыми бросили винтовки на землю. Они не выдержали и кинулись к нам бегом, начали обнимать, целовать. Мы дали им воды, немного пищи и сигар. Солдаты плакали...

После этого стрелять уже было невозможно. Прошел день, начался вечер, и в час ночи 21 июня остатки 18-го батальона сдались повстанцам Фиделя Кастро.

О, это была действительно крупная победа! Она означала, что «решающее наступление» Батисты провалилось.

Мы сами пошли вниз, с гор, в контрнаступление и за 35 дней изгнали Батисту из Сьерры...

— Точка,—сказал Роберто Яковлевич Пунктир и, открыв глаза, подтвердил: — Это действительно была победа. Ого! Они,— он кивнул на капитана,— передавали о ней по радио из Сьерры. У них к тому времени уже была своя радиостанция. Ее слушала вся Куба. Я до сих пор помню: «...говорит радио повстанцев»... Точка. Продолжим? — Пунктир вопросительно посмотрел на капитана.

Но тот, взглянув на часы, заторопился. Был уже час ночи, а завтра ему ехать в Эстрада-Пальму: там открывается новый народный магазин.

На лице Пунктира выразилось глубочайшее сожаление.

— Так как же насчет телевидения? — спросил он меня, прощаясь.

— Не знаю, господин Пунктир. Я журналист и предпочитаю интервью брать, а не давать...

Пунктир улыбнулся, показывая подозрительно белые зубы.

— Точка,— сказал он одобрительно.— Откровенно говоря, я ведь не из-за телевидения пришел, а просто так, поговорить: очень соскучился...

И он ушел вслед за капитаном, галантно помахав у двери соломенным канотье.

...Наутро в поездке по окрестностям Сантьяго мне снова переводила Клара Гонсалес.

К вечеру я до невозможности устал от ее громкого смеха и беспрерывного пения. Но предстояла еще одна беседа — с матерью Франка Паиса. Я со страхом думал, что Клара может все испортить. Матери замечательного кубинского революционера, женщине, как я слышал, сильной, волевой и молчаливой, наверняка не понравится это легкомысленное существо, которое и не нюхало опасности революционной борьбы. Однако делать было нечего, и, когда стемнело, мы отправились с Кларой на улицу Сан-Карлоса.

Поднявшись по четырем каменным ступенькам на крыльцо, мы постучали в дверь. Она открылась, и на пороге появилась седая полная женщина лет пятидесяти пяти. Прищурившись, она старалась разглядеть нас. Клара сказала:

— Знакомьтесь, Росарио, это журналист, о котором вам говорили.

Женщина всплеснула руками:

— Боже мой, Флавия! Это ты! Как хорошо, что ты пришла! Я так долго тебя не видела.

Потом она протянула руку мне.

...Когда хозяйка пошла сварить кофе, я повернулся к Кларе:

— Почему она зовет вас Флавией?

Легкомысленная хохотунья улыбнулась:

— Это было мое имя в подполье.

— Вы были в подполье?!

— Да. Меня еще и сейчас многие зовут по привычке Флавией.

— Постойте, так значит коробка с тортом... и потом этот пулемет под платьем... это вы?!!

Продолжение следует.

ВОЗВ

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото О. Кнорринга.

В гимнастическом зале института звучала итальянская песенка:

«Эта песня за два сольди, за два гроша...»

Стройная девушка медленно и как-то очень старательно танцевала под музыку.

— У нее ампутированы оба бедра,— шепотом, чтобы не мешать занятиям по лечебной физкультуре, сказал нам Борис Петрович Попов, директор Центрального научно-исследовательского института протезирования и протезостроения.

А потом мы узнали много подробностей об этом институте. Вот некоторые из них.

* * *

— И ничего больше нельзя было сделать, доктор?

Хирург устало провел рукой по волосам:

— Да, обе ноги пришлось отнять...

Ребята, обступившие врача, замолчали. Изабэлла Шлюндикова, Бэлла, Бэлка... Самая веселая и отчаянная девчонка в группе, лучшая конькобежка и волейболистка техникума, лучшая ученица. И вот — попала под трамвай.

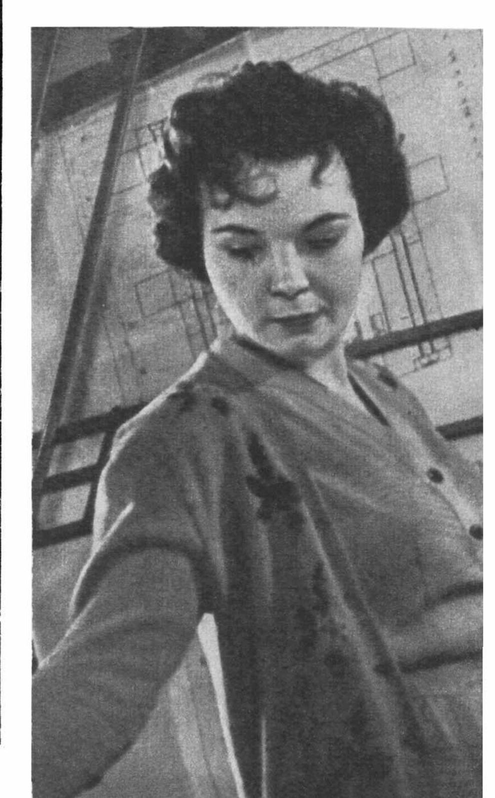
— Она так хотела стать конструктором, работать на заводе в нашем Сормове!..

— А теперь она тоже станет конструктором.

— Мы не дадим ей уйти из техникума!

— Лекции для нее будем писать по очереди.

...Еще не утихла боль после операции, а Бэлла Шлюндикова уже переводила «знаки» по-английскому. На тумбочке около крова-

РАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ

ти выросла горка лекций, старательно написанных разными почерками.

В палату часто заходил хирург, оперировавший Бэллу. Однажды, когда он похвалил ее за отлично решенную задачу по математике, Бэлла сказала каким-то бесцветным голосом, отведя глаза в сторону:

— Я занимаюсь, чтобы просто отвлечься, чтобы не отстать от своей группы. Но все равно конструктором мне уже не работать. За чертежной доской нужно стоять!

— Ты будешь и стоять и ходить,— нарочито спокойно ответил хирург и взглянул девушке прямо в глаза.

...В Научно-исследовательском институте протезирования, кроме врачей, работают люди, казалось бы, очень далеких от медицины специальностей: химики, конструкторы, механики, физиологи, специалисты по радиоэлектронике. Весь комплекс достижений нашей науки поставлен на то, чтобы помочь человеку, с которым случилось несчастье, вернуть его к жизни, к труду, к счастью.

— Поставить человека без ног на протезы или дать ему руки, которыми он сможет работать,— это не просто сделать его трудоспособным,— говорит Борис Петрович.— Вопрос гораздо сложнее. Протезы помогают человеку поверить в себя.

Как-то — это было много лет назад — мы сделали протезы ног одному человеку, пострадавшему на войне. Я до сих пор помню, как он впервые подошел на протезах к зеркалу. Вместо безногого калеки на него смотрел высокий, плечистый мужчина. Он взглянул на себя и... заплакал от радости. А ведь этот человек прошел всю войну, не плакал он и когда ампутировали ему ноги.

Мало сделать протез — надо проверить, достаточно ли он хорош, удобен и, главное, полезен инвалиду. Например, недавно еще нельзя было решить вопрос о кровообращении в культе во время ходьбы в протезе. Сейчас «рассказали» об этом радиоактивные изотопы, меченые атомы.

В качестве материалов для протезов на смену дереву, коже приходят пластмассы: полиамидные смолы, полиэтилен, капрон. Новые материалы делают протезы легче, удобней, гигиеничней. Сейчас сотрудники института заняты созданием протеза, который можно не снимать при купании в речке и на море.

— Но это пока лишь первые опыты,— предупредили нас в лаборатории.— Не обнадеживайте преждевременно людей.

Забегая «в завтра», хочется рассказать о самой молодой лаборатории института — лаборатории биоэлектрических систем управления.

Первое, что мы увидели, была обошедшая журналы всего мира биоточная рука. «Чудо-рука» — так называли ее репортеры всех стран. Вы надеваете на свою руку браслетку с электродами, снимающими биотоки мышц, соединенную с биоточной рукой, и делаете какие-то движения, скажем, сгибаете и разгибаете пальцы, берете и держите стакан с водой. Биоточная, искусно сделанная рука повторяет все ваши движения. Это не фантастика, а реальное достижение науки. Родилась биорука в стенах этого института. Авторы ее — кандидат медицинских наук В. С. Гурфинкель, инженер Я. С. Якобсон и доктор технических наук А. Е. Кобринский.

Давно известно, что в мышцах при напряжении появляются биотоки — слабые электрические сигналы. Это явление широко применяется в медицине для диагностики, например, при снятии кардиограммы сердца. Даже при одной мысли о движении в мышцах возникают слабые биотоки. Но они так малы, что практически их уловить не удается. Биотоки, возникшие при напряжении мышцы, уже можно уловить. Чтобы использовать биотоки для управления, надо этот еле слышный электрический сигнал усилить и преобразовать.

Сначала усилитель для биоточной руки был большой и тяжелый. Но теперь пришли на помощь полупроводники, и в лаборатории сконструировали миниатюрный усилитель, который можно повесить на пояс или положить в карман.

— При биоточном протезе,— объясняет заведующий лабораторией Д. М. Иоффе,—все движения совершенно естественны, ибо координация их в основном такая же, как и у здоровых людей. Человек, желая взять что-нибудь, напрягает мышцы. Сигнал дан. Миниатюрный полупроводниковый прибор усиливает этот едва слышный сигнал и передает его в исполнительный механизм, запрятанный в кисти протеза руки.

Сейчас протез делает всего два движения: сжимает и разжимает пальцы. Но можно добиться, чтобы биоточная рука шевелила каждым пальцем отдельно. Для этого надо научиться снимать биотоки отдельно с мышц, приводящих в движение каждый палец.

Работы тут, как говорится, еще непочатый край. Ведь в будущем, вполне вероятно, вместо моторчика, приводящего в движение пальцы биоточной руки, будет создана искусственная мышца. Над созданием такой мышцы работают ученые и у нас и в других странах мира.

— Совсем недавно,— говорит Д. М. Иоффе,— мы перешли к стадии проверки работы биоточного протеза руки на больном. Это еще только самое начало большой работы, которой, возможно, суждено совершить переворот в протезостроении.

В лабораторию вошел Николай Ильин, девятнадцатилетний студент техникума. Недавно с ним случилось несчастье: он потерял кисть. Сейчас в институте создается для него один из первых опытных образцов биоточной руки...

В Научно-исследовательском институте протезирования часто бывают иностранные врачи. И почти всех удивляет, что протезы в нашей стране получают бесплатно, независимо от того, имела ли место травма или это врожденный недостаток.

— Недавно сотрудники нашего института ездили в США,— рассказывает директор института Б. П. Попов.— Там протез стоит до полутора тысяч долларов!

Сделать протез, поставить человека на ноги — это еще только половина дела,— говорит Борис Петрович.— Огромную роль играет сила воли. Мы, врачи, можем подготовить человека к протезу, можем научить человека ходить, но «пойти» за него мы не можем. Пойти и начать работать он должен сам.

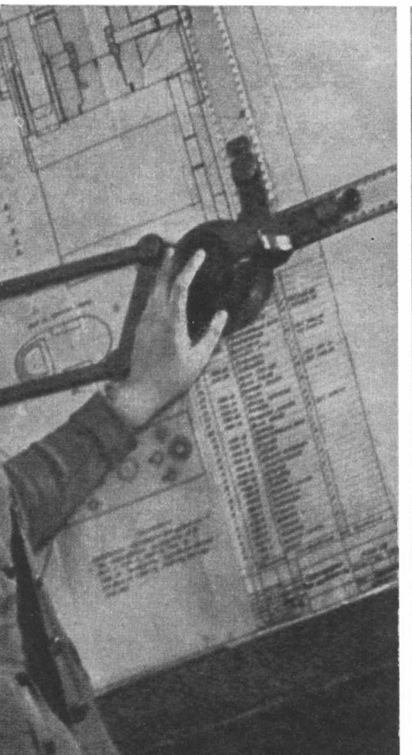
...Занятия по лечебной физкультуре закончились, и из зала вышла Бэлла Шлюндикова, та самая девушка, которую мы видели танцующей. Увидев Бориса Петровича, она подошла к нам.

— Я уже соскучилась по работе, Борис Петрович. Скоро мне можно домой, в Сормово? — спросила она.

— Не торопись. Еще месяц погостишь у нас, научишься как следует ходить, тогда и уезжай,— улыбнулся профессор.— А какие планы у тебя на будущее? Кроме работы, что думаешь делать дома?

— Техникум я закончила, теперь хочу готовиться в вечерний политехнический институт. В этом году окончил десятилетку и поступил работать на завод мой младший братишка, Шурка. Мы думаем заниматься вместе и на будущий год сдавать в Горьковский политехнический.

...За эту пациентку профессор может быть спокоен. Она победила несчастье и вернулась в жизнь сильным, жизнерадостным человеком.

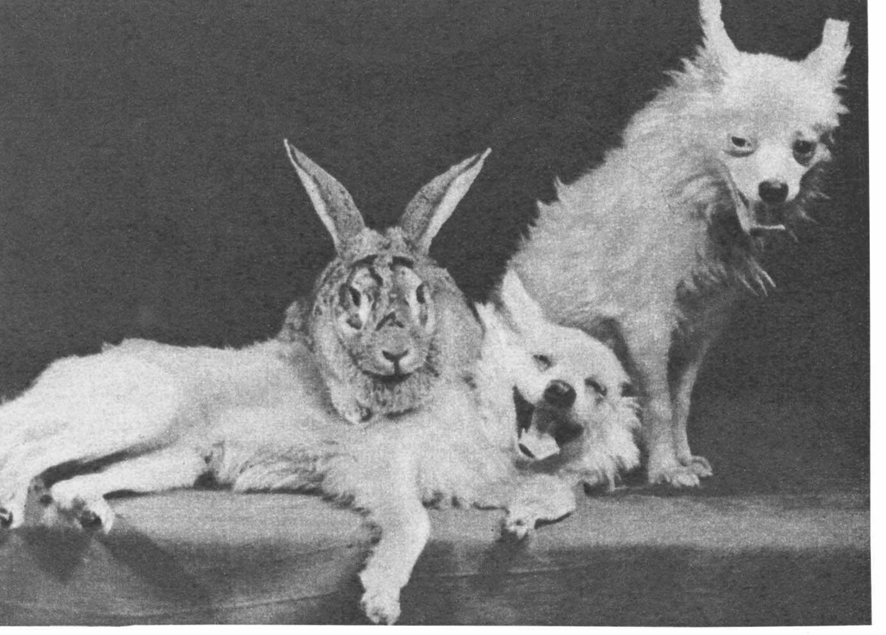
Конструктор Изабэлла Шлюндикова за работой.

Риту Емельянову привезли в институт из далекой Якутии. В институте ведутся работы по ликвидации последствий полиомиелита.

Николай Ильин на примерке опытной биоточной руки.

Четвероногие космонавты после полета.

Пять полетов «Отважной»

— Хотите видеть «Отважную» и ее спутников? — спрашивает врач и ведет нас к виварию, в котором размещаются подопытные животные.

Здесь на огороженной площадке лежат две небольшие собачки: «Отважная» и «Малек».

— Животные чувствуют себя отлично, — рассказывает врач, — особенно «Отважная», ведь она бывалая космонавтка. Первый раз полетела в ракете в 1958 году. Звали ее тогда «Кусачкой» за строптивый нрав. Ну, а после четвертого полета назвали «Отважной». Теперь это имя ей более подходит. Ну, да и характер у животного переменился.

Регулярные полеты не отразились на здоровье собаки. Особенно тщательно мы ее исследовали перед последним полетом. При этом никаких отклонений от норм в организме животного не было обнаружено. Затем последовала обычная предполетная тренировка. «Отважная» переносила ее хорошо.

Больше хлопот нам доставила другая собака — «Малек». Она готовилась к своему первому полету. Пришлось затратить много времени и труда, чтобы приучить животное к перегрузкам. Обучение пошло быстрее, когда «Малек» стал заниматься вместе с «Отважной».

После тренировки на аппаратах собак отправили на ракетодром. «Малек» оказался настолько подготовленным, что переносил тренировку здесь вполне спокойно.

Однако в день полета спокойствие ему изменило. Когда лебедка стала поднимать животных в кабину баллистической ракеты, «Малек» заскулил. Но «Отважная» была совершенно спокойна.

«Малек»,— улыбнулся врач,— не захотел себя показать трусом при«даме»и обрел мужество.

— Подождите,— спрашиваем мы,— а где же крольчиха, которая летала с собаками?

— Это тоже«дама»— «Звездочка». Сейчас увидите.

Врач вытаскивает за длинные уши «Звездочку» и сажает ее к собакам. «Отважная» приветливо машет хвостом, а «Малек» подталкивает крольчиху носом, предлагая поиграть.

— Принято считать кроликов трусливыми,—говорит врач,—наша «Звездочка» опровергает это мнение. Она смело и мужественно переносила и вращение на центрифуге и тряску на вибростенде. «Звездочка» по натуре очень подвижная, а в ракете она должна была отправиться загипсованной.

Путешествие животных проходило особенно успешно. Это говорит о высоком качестве ракетной техники и всей аппаратуры, а особенно спасательного устройства. В момент возникновения наибольших перегрузок, когда контейнер на огромной скорости входил в плотные слои атмосферы, животные находились в самом благоприятном положении. Действие перегрузок уменьшалось. Ну, и приземление было настолько мягким, что даже вся аппаратура полностью сохранилась и готова к дальнейшему употреблению.

Полет «Отважной» и ее спутников дал ценные результаты, в том числе и новые материалы, позволяющие судить о мышечном тонусе в условиях невесомости. Животные еще находятся под медицинским контролем, но уже можно сказать, что весь экипаж «Отважной» готов без вреда для себя вновь отправиться в путь.

— Полеты в ракетах на большие высоты не приносят вреда и другим подопытным животным, — говорит врач и подводит нас к клетке, в которой сидят небольшая пестрая собачка, крольчиха и целый выводок крольчат.

— Это «Марсианка»,— указывает врач на собачку,— дочь нашей космонавтки «Пестрой». Крольчиха — известная «Марфушка», летавшая в прошлом году с «Отважной». Крольчата — ее потомство. Скоро мы целое поколение космических животных выводить будем, — прощаясь с нами, шутит врач.

А. ГОЛИКОВ,
К. ИВАНОВ

ПУТЕШЕС

Описанное в трех частях Антонием МАРИАНОВИЧЕМ, Янушем ОСЕНКОЙ и Анатолием ПОТЕМКОВСКИМ, с иллюстрациями Михаила УШАЦА.

В Москву приехали три польских юмориста: Януш Осенка, которого советские читатели уже успели узнать по книжке сатирических рассказов «Ухо жирафа», недавно выпущенной Издательством иностранной литературы, Анатолий Потемковский, чьи веселые юморески неоднократно печатались в «Крокодиле» и передавались по радио, и Антоний Марианович, один из ведущих поэтов-сатириков Польши.

Встречая и приветствуя собратьев по перу на аэродроме, московские сатирики засыпали их вопросами, полагающимися в таких случаях:

— Как вас проводила Варшава?
— Как вы долетели?
— Как вас встретила Москва?

Будучи людьми дисциплинированными, наши гости аккуратно записали вопросы в свои блокноты и на другой день принесли ответы, не менее аккуратно перепечатанные на машинке. В результате получилась солидная хроника путешествия в трех частях, которая вполне может служить образцом для авторов, пробующих свои силы в жанре путевых очерков и приключенческих романов. Если читателям покажется, что у наших трех авторов обнаруживается некоторое несходство точек зрения на одни и те же события, пусть они не удивляются. Ведь известно, что каждый литератор обязан иметь свой, ему одному присущий взгляд на вещи, без которого немыслима писательская индивидуальность. Польские юмористы демонстрируют такой взгляд.

Антоний Марианович

Часть первая

КАК НАС ПРОВОДИЛА ВАРШАВА

Я давно мечтал увидеть Москву, но каждый раз, когда мой отъезд был, казалось, совсем близок, непредвиденное препятствие вставало на пути.

Вот почему и на этот раз я был полон самых горьких предчувствий. Ежеминутно я проверял, не потерялся ли какой-нибудь из документов, столь необходимых в путешествии. Дома я выключил телефон, чтобы, не дай бог, не узнать о неожиданной катастрофе. Домочадцам я наотрез запретил попадать в какие бы то ни было происшествия накануне моего отъезда.

Итак, утром мы отлетаем! Ночью я не сомкнул глаз. Особенно беспокоило меня то обстоятельство, что мое знакомство с русским языком может не удовлетворить слишком изысканные вкусы. (То, что по-польски «хершт»,— по-русски «атаман», то, что по-польски «отомана»,— по-русски — «диван», то, что по-польски «диван», по-русски — «ковер», то, что по-польски «кавьяр», по-русски — «икра»,— я повторял это себе тысячу раз!) Не меньше беспокоил меня и тот факт, что моими двумя товарищами по путешествию являются писатели Осенка и Потемковский. В Варшаве ни для кого не секрет, что хотя эти два парня вообще-то и не лишены некоторых способностей, они становятся совершенно беспомощными, попадая в ситуацию, требующую хотя бы крупицу хладнокровия и находчивости.

Ничего удивительного, что после такой страшной бессонной ночи я утром забыл запаковать вещи и вышел из дому без чемодана. На счастье, моя жена вовремя заметила, что здесь кроется что-то неладное, и, возвратившись с полпути, исправила мое упущение.

Второпях она побросала в чемодан различные предметы не совсем первой необходимости, которые впоследствии вызывали удивление всех таможенников. В чемодане оказались: рыжий парик, антенна от телевизора, мастика для полов, а также несколько кочанов цветной капусты.

Проезжая в такси по городу и лихорадочно ощупывая карманы, не потерялись ли уже документы, я присматривался к Варшаве. Должен сказать, что расставание с ней мне всегда дается трудно, как расставание с любимой женщиной. Варшавяне, не подозревавшие, что я переживаю, делали свои повседневные дела: спешили, рассказывали друг другу анекдоты, спорили о модах, пили кофе, сплетничали, а некоторые даже работали, о чем свидетельст-

ТВИЕ

ВАРШАВЫ В МОСКВУ

Польские гости в редакции «Огонька».
Фото С. Фридлянда.

вовал город, растущий, как на дрожжах и становящийся прекраснее с каждым днем. Что поделать! Я должен был покинуть Варшаву. Известно, что даже с любимой нужно изредка расставаться. Это идет только на пользу любви.

Едва мы прибыли на аэродром, я стал с присущей мне энергией разыскивать Осенку и Потемковского. Я обнаружил множество других, совершенно ненужных мне людей, но моих спутников не было ни в зале ожиданий, ни в таможне. Не теряя времени, я позвонил по телефону Осенке, чтобы узнать, как давно он уехал из дому. И представьте себе, в трубке послышался заспанный голос моего друга:

— Что? Конечно, это я, кто же еще! Что? Мы сегодня улетаем? А я был уверен, что завтра...

Мне пришлось прибегнуть к двум-трем эпитетам, после чего я поспешил позвонить Потемковскому.

— Вам Анатолия? — отозвался звучный женский голос.— Он уехал из дому около двух часов назад...

Мне все стало ясно. Я пустился бегом в сторону самолета, стартовавшего в Каракас. Ворвавшись в пассажирскую кабину, я в полном смысле слова в последнюю минуту вытащил оттуда моего удивленного и на всякий случай упирающегося товарища.

Пока я объяснял ему, что к чему, прибежал запыхавшийся Осенка, на бегу пополняя детали своего не совсем комплектного гардероба. Я схватил их обоих за руки и, как малых детей, потащил к великолепному, блестевшему на солнце гиганту «ИЛ-18», который уже издавал беспокойное урчание — признак скорого отлета.

Уфф!.. Наконец мои друзья были на трапе. Услужливые стюардессы советского самолета втянули их в кабину, видимо, раскусив, с кем они имеют дело. Я вошел за ними со вздохом облегчения.

А мой кипящий энергией разум рисовал страшные перспективы: все то, что мне предстояло вынести от Осенки и Потемковского в нашем совместном путешествии...

Януш Осенка

Часть вторая

КАК МЫ ДОЛЕТЕЛИ

«ИЛ-18» — исполинская машина. Если в будущем новые модели достигнут еще больших размеров, пассажирам, вероятно, придется подниматься к своим местам по эскалаторам. Пока что мы, однако, поднялись в кабину по обыкновенной лестнице, причем мои товарищи Марианович и Потемковский сделали это не без колебания.

Уже в самом начале пути симпатичный капитан самолета вынужден был ответить на ряд дельных вопросов, заданных ему двумя вышепоименованными пассажирами:

— Что будет, если остановится один мотор?

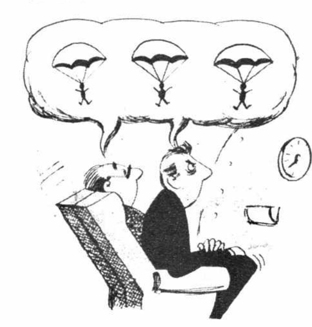
— А если испортится второй?

— Третий?

— Четвертый?

— Не слишком ли мало для такого самолета четырех моторов?

Я пытался урезонить своих товарищей, объяснив им, что даже самые почтенные руководители

вполне удовлетворяются в воздухе четырьмя моторами и что всякие попытки моих спутников перешагнуть за пределы этой нормы свидетельствуют об отсутствии у них элементарной скромности.

Капитан заверил нас, что огромное число технических достоинств машины исключает всякую возможность повреждения талантов Мариановича и Потемковского от внезапного столкновения с землей. Несмотря на это, осторожный Потемковский попросил капитана лететь как можно медленнее и ниже.

Ровный рокот моторов удостоверил, что работают они отлично. К сожалению, пилот, как видно слишком занятый своими делами, забыл о просьбе Потемковского, и самолет взобрался довольно высоко, достигнув еще и скорости 650 километров в час. Стюардесса пыталась отвлечь внимание пассажиров вкусными блюдами на пластмассовых подносах, что в отношении Мариановича ей удалось в совершенстве.

Потемковский жаловался на шум в ушах. Я разъяснил ему, что изменение атмосферного давления всегда действует на уши, если по какой-нибудь причине они не пропускают воздуха. В связи с этим Марианович попросил стюардессу принести ему пятую порцию ветчины, а Потемковский — немедленно вызвать ларинголога. На счастье, все остальные пассажиры были нормальными польскими спортсменами, направлявшимися на состязание в Тулу; в противном случае экипаж самолета наверняка бы отказался от своих постов и покинул их хотя бы на время полета.

Занятый происшествиями на борту самолета, я не имел времени смотреть через окно на расстилавшуюся под нами карту Советского Союза. Пассажиры пришли мне на помощь и рассказали, что эта карта состоит из городов, сел, полей, лесов, рек и озер. Мои товарищи-писатели старательно заносили все сведения в свои блокноты. Боязнь высоты не позволяла им обогатить топографические данные личными наблюдениями.

Последние круги самолета над аэродромом, последние капли холодной воды на головы моих потерявших сознание друзей — и мы у цели.

Я спускаюсь по лестнице. За мной Марианович и Потемковский с выражением героизма на весьма бледных лицах.

Анатолий Потемковский

Часть третья

КАК НАС ВСТРЕТИЛА МОСКВА

Очередность спуска по трапу подверглась некоторому изменению. Каждый из нас стремился первым вступить на советскую землю, но удалось это Мариановичу благодаря тому, что он поскользнулся на трапе. В Варшаве он живет на первом этаже и не имеет опыта хождения по лестницам. Один неловкий шаг — и поэт приземлился на аэродроме первым.

— Что-то у вас упало,— вежливо сказала стюардесса.

— Ничего, не беспокойтесь,— ответил я.— Это наш товарищ. Мы имеем с ним хлопоты на каждом шагу.

Из деликатности я не стал упоминать о том, как искал Мариановича в разных самолетах на аэродроме в Варшаве и о его поведении в самолете, когда я, вместо того чтобы любоваться прекрасными видами, вынужден был приводить его и Осенку в чувство.

Я не вспоминаю обо всем этом, так как считаю, что о делах сугубо личных третьим, а в данном случае даже четвертым лицам вовсе не нужно знать.

Я поставил поэта на ноги, отыскал плащ, который он, конечно, забыл в самолете, нахлобучил ему на голову шляпу, и тут нас всех охватила общая радость и волнение при мысли, что мы наконец на аэродроме во Внукове.

Радость продолжалась около получаса, пока не выяснилось, что мы не во Внукове, а в Шереметьеве. Тогда нас охватила новая радость от сознания того, что мы находимся в месте, о котором до сих пор не имели представления. Мы пришли к выводу, что аэропорты в Советском Союзе строятся слишком быстро. При таких темпах мы не могли запомнить их названия без риска впасть в ошибку.

Но Шереметьево я буду помнить всегда! Здесь закончились мои мучения с Мариановичем и Осенкой, здесь наконец я мог вздохнуть свободно, поручив их опеке местных жителей.

Впрочем, ничего примечательного больше не случилось. Красоты Москвы даже на юмористов подействовали «очеловечивающе». Лучшие качества, доселе дремавшие в их душах, проснулись. Правда, кое-что из этого лучшего попыталось снова уснуть после посещения ресторана «Арагви», но московский вечер оказался таким прекрасным, что даже поэт Марианович поддался его обаянию.

И вот мы в Москве уже вторые сутки! Мы с трудом передвигаемся от усталости. Восхищаясь величием советской столицы, мы делаем пешком до ста километров в день. У нас впереди еще много сотен километров пешего хождения, и мы твердо решили не останавливаться, пока не узнаем прекрасный город так хорошо, как знают его москвичи.

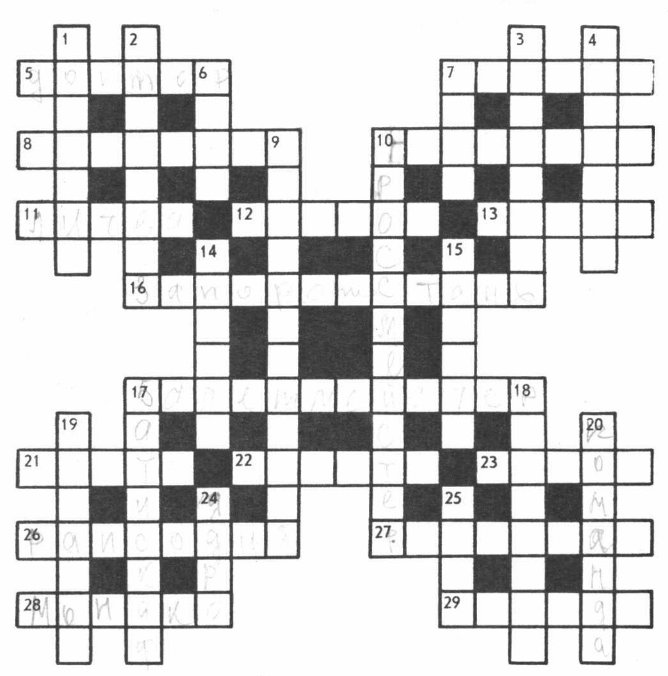
Но уже сегодня мы благодарны Москве за радушный, сердечный прием! Мы благодарим советскую технику, которая сблизила наши родные города!

Два часа — ведь это и впрямь не много. Это меньше, чем требуется, чтобы достать билет на хорошую картину в кино. Если у вас выкроится два часа свободного времени и вы не будете знать, что с ними делать, приезжайте к нам в Варшаву. О вашем приезде предупредите меня телеграммой на адрес редакции журнала «Шпильки». Я постараюсь сделать так, чтобы Осенка и Марианович выехали на это время куда-нибудь в командировку. Таким образом, красота нашей Варшавы не будет ничем омрачена.

Перевел с польского
Н. Лабковский.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Ученое звание. 7. Мифическое существо в Древнем Египте. 8. Советский писатель. 10. Наука об истории развития Земли. 11. Союзная республика. 12. Исполнитель-виртуоз на балалайке. 13. Шерстяная ткань. 16. Металлургический завод на Украине. 17. Постановщик танцев. 21. Курорт на Черном море. 22. Древко смычка. 23. Певчая птица. 26. Инструментальное произведение на темы народных напевов. 27. Название площадей в городах Среднего Востока. 28. Государство в Европе. 29. Древнегреческая эпическая поэма.

По вертикали:

1. Исследователь Центральной Азии. 2. Локомотив. 3. Минерал красного цвета. 4. Радиоактивный элемент. 6. Озеро, из которого берет начало Голубой Нил. 7. Крупное млекопитающее. 9. Научное учреждение. 10. Шахматист высшей квалификации. 14. Косой парус. 15. Передвижной цирк. 17. Глубоководный снаряд для исследований. 18. Русский поэт, декабрист. 19. Аппарат для размножения текстов, чертежей. 20. Экипаж судна. 24. Часть животной и растительной клетки. 25. Повесть А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

5. Арсеньев. 7. Бухтарма. 10. Каноэ. 12. Ветла. 13. Владивосток. 14. Сорок. 15. «Алеут». 17. Хорей. 18. Гримм. 19. Баржа. 23. Бубен. 24. Карст. 25. Ершов. 26. Экспликация. 30. Пихта. 31. Егерь. 32. Маркизет. 33. Венцлова.

По вертикали:

1. Серов. 2. Невод. 3. Кумыс. 4. Гашек. 6. Реактор. 8. Мальцев. 9. Неврев. 11. Электроника. 12. Восхождение. 15. Аймак. 16. Тракт. 20. Пушнина. 21. Прииск. 22. Комаров. 26. Этика. 27. Перец. 28. Ампер. 29. Ягель.

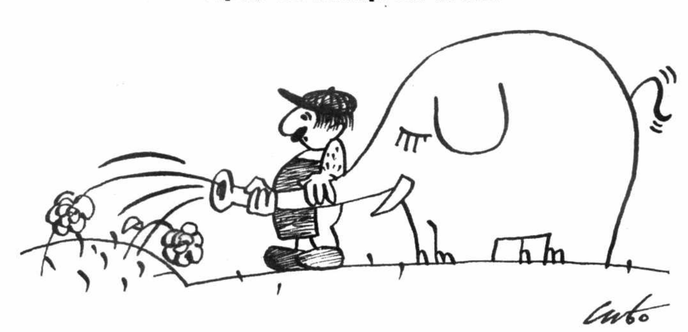

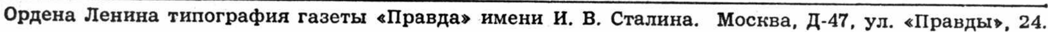
Рисунок В. Сигачева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07116 Подписано к печати 6/VII 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000 экз. Изд. № 1156. Заказ № 1816.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото Галины САНЬКО.

СОБАКИ

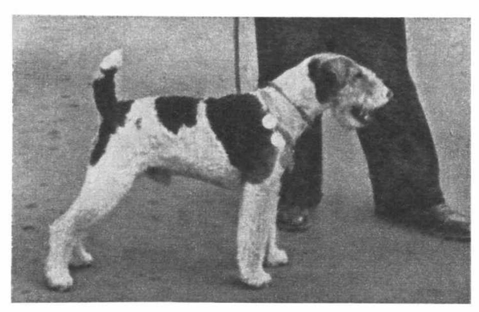

Три дня на Выставке достижений народного хозяйства, на выводном кругу, где обычно демонстрируются четвероногие рекордистки по надоям и рекордсмены по весу, стоял неумолчный лай. Полторы тысячи охотничьих собак держали экзамен на звание чемпионов Всероссийской выставки, которая состоялась после 33-летнего перерыва.

Чемпиону необходимо обладать незаурядными качествами: у него должны быть охотничьи заслуги и не вызывающая сомнений родословная до прапрадеда включительно, красивая манера держаться и типичный для его породы внешний вид. Вот почему строги судьи и волнуются хозяева, водя по кругу своих питомцев.

На рингах — собаки разных пород. Величественно ступают на высоких ногах дугообразные русские псовые борзые, кося по сторонам зоркими карими глазами, которые издалека видят зверя. Пусти такую в поле, и вытянется она в стрелу, только засвистит рассекаемый воздух да мелькнет серебристо-белый хвост — «правило», — играющий роль руля. Собаки-выстрелы (так называют их охотники) догонят и зайца и лисицу, а догонят волка — схватят его за уши, остановят, осадят... Так же настойчивы и неутомимы в преследовании и гончие, которые к тому же обладают звучным, певучим голосом.

Жесткошерстный фокстерьер.

Лохматые длинноухие спаниэли кажутся после борзых и гончих как бы соскочившими с ходуль. Ноги у этих выходцев из Испании короткие, но мускулистые, а веселый, подвижный хвост ритмично покачивается, когда собака почует дичь. Спаниэли послушны и вежливы, за сбитой уткой они не только охотно плывут, но при надобности и упорно ныряют. А вот похожие на спаниэлей, но более элегантные сеттеры, что в переводе с английского означает «приседающий» (на стойке). Особенно красивы огненно-рыжие, предки которых были родом из Ирландии. Красные сеттеры — самые горячие из легавых.

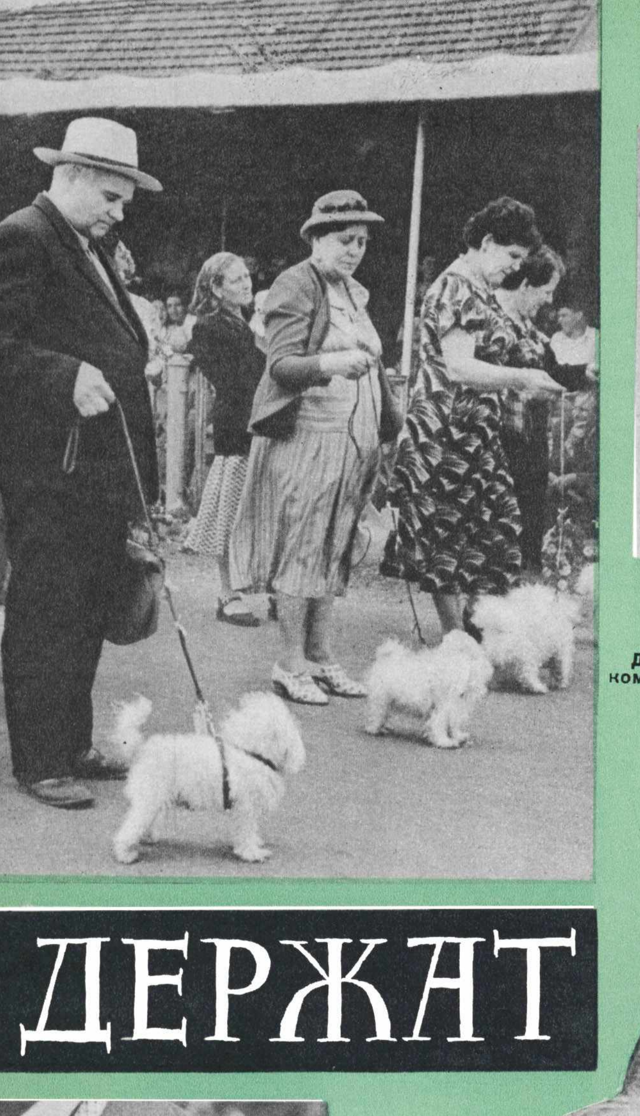
И опять на других рингах рядом с осанистыми и невозмутимыми пойнтерами — бойкие лайки и подвижные фокстерьеры. Каждая из собак по-своему хороша в лесу и в поле: мускулистый пойнтер резво скачет на поиске, словно он верховая лошадь, и застывает в скульптурной стойке, почуяв дичь; работяга-лайка, как известно, разведует и отвлекает и медведя, и соболя, и белку, а смелый фокстерьер гоняет лисицу по лабиринту ее двухэтажной норы до тех пор, пока она не выскочит под пулю охотника.

Смех и восклицания там, где демонстрируются комнатно-декоративные собаки. Сколько им уделяется сегодня внимания! Но некоторых как ни причесывай, все равно они остаются лохматыми шерстяными комочками, издающими пронзительный визг, что, видимо, выражает их смелость. Есть среди них и самое маленькое в Москве лающее существо, которое умещается на мужской ладони, и похожая на пушистую желтую гусеницу пекинская собачка, и шотландский терьер с черными усами и черной бородой...

А когда чемпионам повесили на ошейник золотые и серебряные медали, а охотничьим обществам разных городов вручили почетные призы, когда пронесли спортивные знамена с изображением глухаря и головы сохатого, на зеленом поле состоялось чествование самых строгих на этой выставке — судей. Эксперту всесоюзной категории Николаю Павловичу Пахомову исполнилось 70 лет, а Александру Александровичу Чумаченкову — 75 лет. В их лице охотники благодарили всех энтузиастов и любителей, которые возродили старую славу русских гончих, распространили среди спортсменов спаниэлей, фокстерьеров и других верных спутников охотника.

Ей можно доверить саквояж.

Демонстрируются комнатно-декоративные собаки.

Спаниэль.

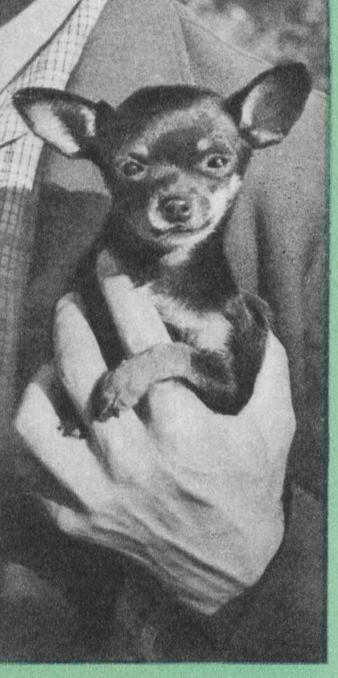

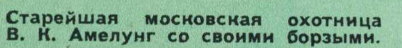
Суд идет.

ДЕРЖАТ

Скай-терьер.

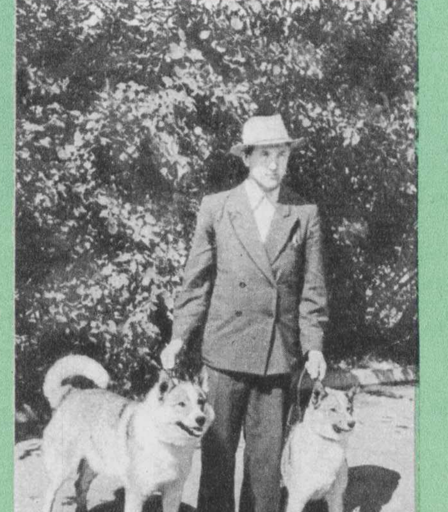
Самая маленькая — мексиканская собачка.

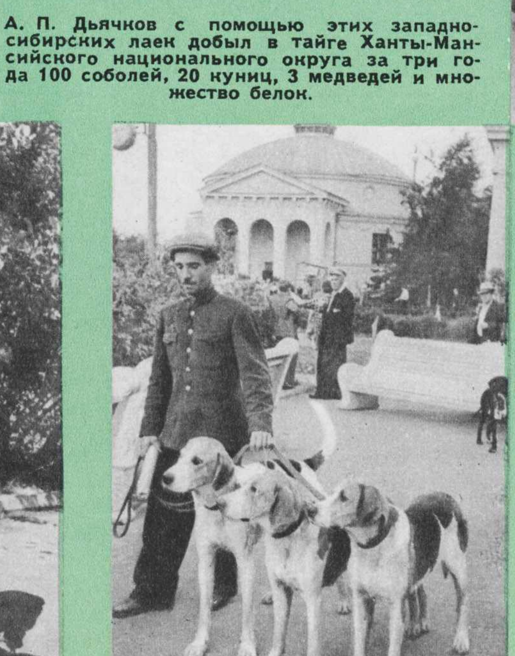
Заслуженная награда.

Старейшая московская охотница В. К. Амелунг со своими борзыми.

А. П. Дьячков с помощью этих западно-сибирских лаек добыл в тайге Ханты-Мансийского национального округа за три года 100 соболей, 20 куниц, 3 медведей и множество белок.

← Столяр из Ленинграда В. Т. Прахов с пегими русскими гончими.

ЗЛАЯ СОБАКА.

Рисунок А. Волкова.

РОСМЯСОРЫБТОРГ
МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ РСФСР
КРУПНЫЙ
СЫР
СОВЕТСКИЙ
ШВЕЙЦАРСКИЙ
МОСКОВСКИЙ
АЛТАЙСКИЙ
ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ ВО ВСЕХ ФИРМЕННЫХ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ МАГАЗИНАХ